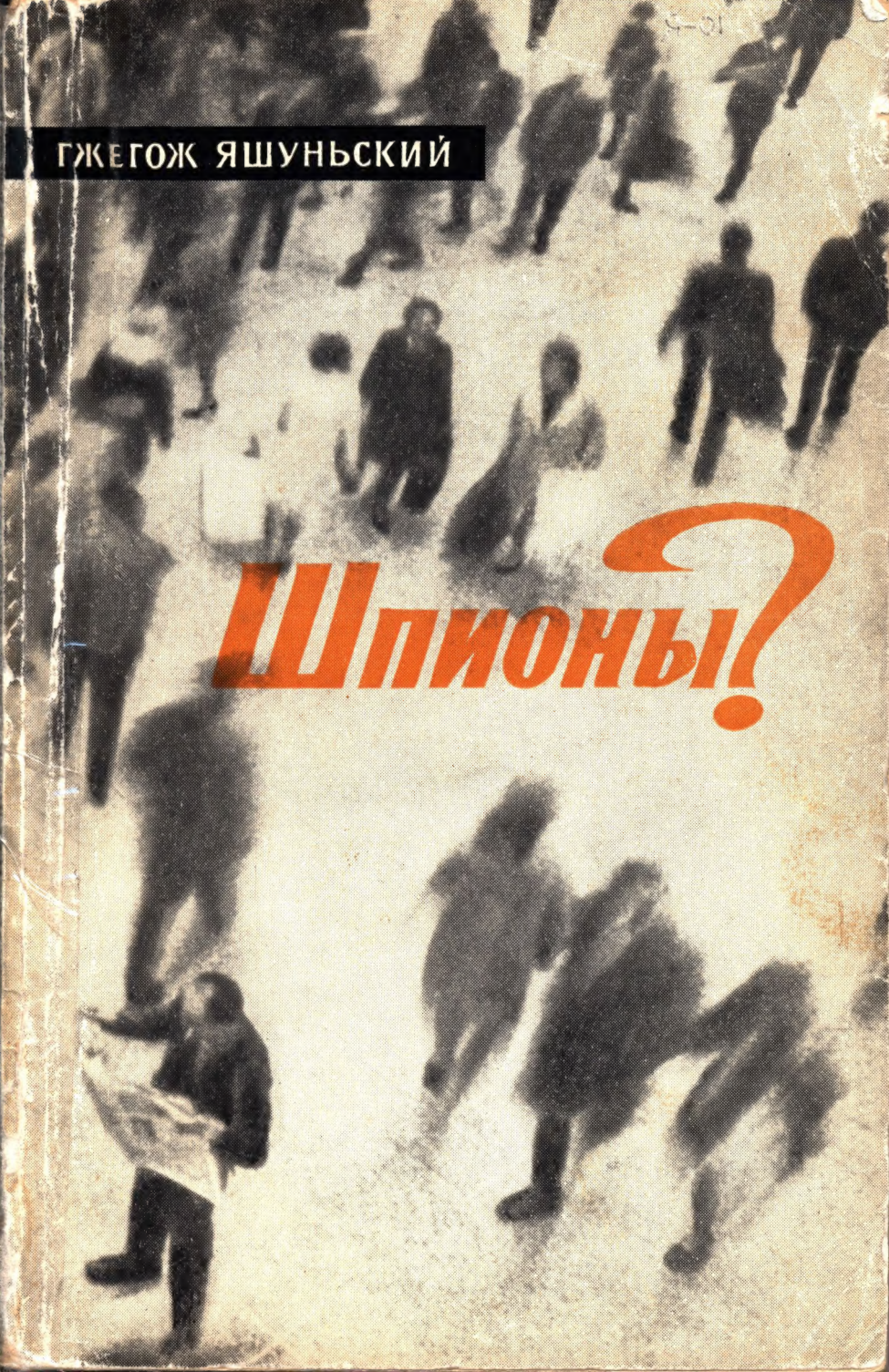

ГЖЕГОЖ ЯШУНЬСКИЙ

Шпионы?

ГЖЕГОЖ ЯШУНЬСКИЙ

Шпионы?

(Из истории
„охоты за ведьмами“
в США)

Сокращенный
перевод
с польского
А. ПАНФИЛОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ“
Москва • 1972

GRZEGORZ JASZUNSKI

S Z P I E D Z Y ?

1969

CZYTELNIK. WARSZAWA

Г. Яшуньский — известный польский публицист, работавший корреспондентом в США, — рассказывает в своей книге о трагической судьбе трех американских граждан, ставших в начале 50-х годов жертвами антикоммунистической истерии в США, жертвами маккартизма — неофашизма, родившегося на американской почве. Всемирно известный физик Р. Оппенгеймер, которого называют «отцом атомной бомбы», скромный, «маленький человек» инженер М. Собелл и видный государственный чиновник, советник президента Ф. Рузвельта Э. Хисс — они, как и многие другие американцы, были обвинены в антиамериканской деятельности и посажены на скамью подсудимых.

Полную драматизма судьбу этих людей автор прослеживает на широком фоне как международных событий, так и политической атмосферы в США и основывает свое исследование на неопровержимых документальных данных.

ШПИОНЫ ЛИ ОНИ?

Оппенгеймер, Собелл и Хисс — шпионы?

Роберт Оппенгеймер — выдающийся американский физик, возглавивший в годы второй мировой войны лабораторию ядерных исследований в Лос-Аламосе; его называли «отцом атомной бомбы». Коллектив американских ученых, работавший в Лос-Аламосе под руководством Оппенгеймера, действительно создал первые в истории человечества атомные бомбы.

В 1953 году Оппенгеймер был обвинен в том, что он являлся агентом Советского Союза, передавал Советскому Союзу шпионскую информацию и умышленно задерживал создание водородной бомбы в Соединенных Штатах.

Был ли Роберт Оппенгеймер шпионом? Или же он стал жертвой фашизма американской разновидности, известной под названием «маккартизм»?

Мэртон Собелл был скромным инженером-электриком, не известным никому, кроме своих близких. Он мечтал о научной работе и о том, чтобы на земле царил мир. В студенческие годы он был коммунистом. Потом отошел от политической деятельности, но не отказался от прогрессивных убеждений.

Неожиданно его арестовали, и он оказался на скамье подсудимых рядом с Юлиусом и Этель Розенбергами. Прокурор утверждал, что он был участником шпионского заговора, организованного с целью передачи атомных секретов Советскому Союзу. Во время процесса мало кто обращал внимание на незаметного и молчаливого Собелла. Он остался «забытым человеком» даже тогда, когда суд приговорил его к тридцати годам тюремного заключения.

Был ли Мэртон Собелл шпионом? Или, может быть, он попал на скамью подсудимых и в тюрьму только потому, что в годы учебы дружил с Юлиусом Розенбергом и яв-

лялся подходящей фигурой для созданной прокурором концепции о шпионском заговоре?

Элджер Хисс, третий герой этой книги, был американским юристом и дипломатом. В годы президентства Рузвельта он быстро поднимался по ступеням служебной лестницы в государственном департаменте, занимая все более ответственные посты. Он был генеральным секретарем Сан-Францисской конференции, на которой была создана Организация Объединенных Наций. Он сопровождал президента Рузвельта на встречу «большой тройки» в Ялте.

В 1949 году Хиссу было предъявлено обвинение в том, что он является коммунистом и сотрудником советской разведки. Ему вынесли обвинительный приговор. Хисс никогда не признавал своей вины и, выйдя из заключения, продолжает утверждать, что явился жертвой провокации.

Был ли Элджер Хисс шпионом? Или так же, как Оппенгеймер и Собелл, стал жертвой антикоммунистической истерии, нараставшей в то время в Соединенных Штатах?

Эта книга — попытка ответить на поставленные вопросы, предпринимаемая на широком политическом фоне, ибо понять судьбу Оппенгеймера, Собелла и Хисса можно, лишь коснувшись истории маккартизма, уделив внимание бунту американских ученых против гонки ядерных вооружений, проблеме «нового порядка», трагедии Розенбергов.

ОППЕНГЕЙМЕР — „ОТЕЦ АТОМНОЙ БОМБЫ“

Обвинение

Некий Уильям Борден, лицо мало кому знакомое даже в Соединенных Штатах, занимал в 1949—1953 годах пост директора-исполнителя Объединенного комитета по атомной энергии обеих палат конгресса в Вашингтоне. После второй мировой войны он стал секретарем сенатора Бриана Мак-Магона, соавтора закона о контроле над атомной энергией. Позже, что для нас более важно, он установил тесный контакт с небезызвестным фашиствующим сенатором Джозефом Маккарти.

7 ноября 1953 г., в период, когда Соединенные Штаты захлестнула волна маккартизма, Борден направил письмо Эдгару Гуверу, шефу Федерального бюро расследований (ФБР) — американской тайной полиции. Письмо касалось профессора Юлиуса Роберта Оппенгеймера, директора знаменитого научного центра — Принстонского института перспективных исследований, члена многих государственных учреждений и комитетов, имевшего доступ к наиболее секретной информации по вопросам атомной энергии.

Борден подчеркивал, что в течение ряда лет он, скрупулезно занимаясь делом Оппенгеймера, пришел к выводу: «Вероятнее всего, Ю. Роберт Оппенгеймер является агентом Советского Союза». Обосновывая столь невероятное утверждение, приспешник Маккарти привел следующие «доказательства»: Оппенгеймер будто бы передавал значительные суммы Коммунистической партии; его жена и младший брат — коммунисты; все его ближайшие друзья — коммунисты; его любовница была коммунисткой; он являлся членом различных коммунистических организаций; к работе в университетских лабораториях по ядерным исследованиям в Беркли привлекал исключительно коммунистов; участвовал в «вербов-

ке» членов в Коммунистическую партию; «находился в тесном контакте с агентами советской разведки».

Понимая, наверное, что приведенные «доказательства» ничего не доказывают, Борден продолжал длинный перечень своих аргументов. В особенности он обращал внимание на тот факт, что Оппенгеймер «с энтузиазмом поддерживал» программу атомных исследований только до момента окончания второй мировой войны, а потом выступал за «ликвидацию лаборатории в Лос-Аламосе». Кроме того, как писал Борден, в период с 1946 по январь 1950 года Оппенгеймер своим влиянием на американские военные власти и Комиссию по атомной энергии задерживал создание водородного оружия (именно в этот период президент Трумэн приказал создать водородную бомбу), а после января 1950 года «делал все, чтобы затормозить производство водородной бомбы в Соединенных Штатах».

На основании приведенных фактов, а вернее, если называть вещи своими именами, инсинуаций, Борден сделал три вывода: «1) С 1929 до середины 1942 года Ю. Роберт Оппенгеймер, вероятнее всего, был активным коммунистом, чтобы, по собственной воле или подчиняясь приказанию, поставлять шпионскую информацию Советскому Союзу (не исключено также, что он избрал своей специализацией военный аспект атомных исследований, действуя по советским указаниям). 2) Вероятнее всего, как агент разведки он действовал и позже. 3) Вероятнее всего, и позже он действовал по советским указаниям, оказывая влияние на политику Соединенных Штатов в военной области, в области атомной энергии, разведки и дипломатии».

Шеф ФБР Эдгар Гувер, получив письмо Бордена, мог бы спокойно бросить его в корзину, как и многие другие доносы, поступавшие в тайную полицию, по крайней мере по двум причинам: во-первых, все сведения Бордена о профессоре Оппенгеймере были давно известны ФБР, которое уже свыше 10 лет интересовалось ученым и собрало о нем многотомное досье. ФБР, например, отлично знало (в частности, из показаний самого профессора) о его контактах с коммунистами и о его отрицательном отношении к созданию водородной бомбы. Во-вторых, внимательное чтение письма Бордена не оставляло сомнений в его клеветническом характере. Ни один из фактов, приведенных Борденом, не свидетельст-

вовал о том, что Оппенгеймер был шпионом. Впрочем, Борден был настолько осторожен, что несколько раз употребил выражение «вероятнее всего» (more probably than not), что, разумеется, было своего рода спасительной лазейкой.

Эдгар Гувер не выбросил письма Бордена и не отправил его в архив (кто знает, не был ли он одним из инициаторов отвратительного доноса). Копию письма вместе с сокращенным изложением документов по делу Оппенгеймера он переслал президенту Эйзенхауэру.

Эйзенхауэр прекрасно знал Оппенгеймера и о его заслугах перед США. Однако, получив документы из ФБР, президент счел нужным созвать в Белом доме специальное заседание с участием двух членов кабинета, представителя Совета национальной безопасности, а также главы Комиссии по атомной энергии Льюиса Страуса, который сыграл особенно неприглядную роль в деле Оппенгеймера. После короткого совещания Эйзенхауэр отдал распоряжение «возвести непроницаемую стену между Оппенгеймером и всеми секретными делами правительства».

Одновременно началось официальное административное разбирательство дела ученого. Его гонители прекрасно отдавали себе отчет в том, что не могут возбудить против него уголовного дела, так как любой суд снял бы с него обвинение в шпионаже за отсутствием улик. Поэтому был выбран другой путь: расследование в рамках Комиссии по атомной энергии, которая немедленно превратилась в самозванный трибунал. Здесь исход дела был предрешен: можно было осудить Оппенгеймера если не за шпионаж — ибо это обвинение было слишком абсурдным, — то во всяком случае за «нелояльность», за «неосторожность» или за другие подобные грехи. Обвинительный приговор, вынесенный Комиссией по атомной энергии, означал бы отстранение Оппенгеймера от всех дел, связанных с атомными вопросами, и, как полагали его гонители, был равносителен компрометации ученого в глазах общественного мнения.

В декабре 1953 года, то есть спустя несколько недель после письма Бордена и совещания в Белом доме, Оппенгеймер был вызван в Вашингтон, в канцелярию Комиссии по атомной энергии. Его принял Страусс в присутствии генерального директора Комиссии К. Д. Никольса. Страусс вручил ученому длинное письмо Ни-

кольса, 24 параграфа которого представляли настоящий обвинительный акт. В 23 параграфах речь шла о так называемых коммунистических связях Оппенгеймера, а в последнем содержалось обвинение в том, что он «энергично сопротивлялся» созданию водородной бомбы не только до, но даже и после решения президента Трумэна. В заключение Никольс выражал сомнение в «честности, благонадежности и лояльности» Оппенгеймера.

Страусс предложил ученому в течение 24 часов решить, уйдет ли он добровольно со всех занимаемых им постов, и прежде всего с поста консультанта Комиссии по атомной энергии, или же предпочтет защищаться, и тогда его делом займется Комитет по кадрам Комиссии по атомной энергии [Personel Security Board] Управления безопасности персонала или отдел расследования лояльности сотрудников.

Оппенгеймер был ошеломлен. Он не подозревал, что против него готовится атака, и не допускал мысли, что противники станут ворошить «грехи его молодости», уже неоднократно расследованные и проверенные. Он не знал, что приговор ему был вынесен прежде, чем началось административное расследование.

На следующий день после разговора со Страуссом ученый направил ему письмо:

«Вчера вы сказали мне, что мой допуск к делам Комиссии по атомной энергии близок к аннулированию. Вы поставили передо мной вопрос о том, чтобы я сам просил о разрыве моего контракта и таким путем избежал детального расследования обвинений, на которые могла бы опираться в своих действиях Комиссия в случае моего отказа... Я обдумал все самым серьезным образом. При сложившихся обстоятельствах такая линия поведения означала бы, что я признаю и соглашаюсь с тем, что не годюсь для службы правительству, которому я служил добрых двенадцать лет. Этого я сделать не могу...».

Таким образом, Оппенгеймер выбрал путь борьбы и решил противостоять выдвинутым обвинениям. В связи с обвинительным актом Никольса адвокаты составили пространную, на сорока трех страницах, объяснительную записку ученого. Оба эти документа стали исходными для длительного административного расследования, которое началось в апреле 1954 года. Об этом расследовании речь пойдет ниже. А пока внимательно вчитаемся в обвинения, предъявленные Оппенгеймеру.

Их можно разделить на три группы. Первая — касается так называемых коммунистических контактов Оппенгеймера и состоит из ряда подпунктов. Вторая — это так называемый инцидент с Шевалье, который был в свое время ближайшим другом ученого. Третья — касается оппозиции Оппенгеймера идее создания водородной бомбы. Забегая несколько вперед, скажем, что только эта группа обвинений имела относительно серьезное значение, и то при условии, что взгляды ученого на производство ядерного оружия — именно взгляды, а не действия — могут стать предметом судебного или хотя бы административного разбирательства.

Внимательный читатель заметит, что ни в одной из этих трех групп «улик» не содержится обвинения в том, что Оппенгеймер был советским агентом или передавал какую бы то ни было информацию в Советский Союз. Дело в том, что с момента отправки письма Бордена в ФБР до составления обвинительного акта против Оппенгеймера прошло несколько недель. За это время враги ученого поняли, что обвинение его в шпионской деятельности не может быть доказано, что это обвинение нельзя поддержать даже перед самым пристрастным трибуналом.

Враги ученого вынуждены были отказаться от этого сенсационного обвинения, но цели своей, хотя и косвенным путем, достигли. Американская пресса, радио и телевидение сочли «дело Оппенгеймера» превосходной темой, которая может заинтересовать читателей и слушателей. Ведь еще совсем недавно ученого превозносили как «отца атомной бомбы», как человека, который дал США «окончательное оружие». Профессор принадлежал к наиболее популярным личностям в Соединенных Штатах. С тем большим азартом можно было теперь начать против него кампанию.

«Дело Оппенгеймера» представлялось на страницах сотен газет, перед микрофонами радиостанций и перед телевизионными камерами, причем правда мешалась с совершенно фантастическими выдумками. Слова «коммунист» или «красный» соседствовали со словами «шпион» или «агент». Легковерный потребитель американской печати и телевидения, не вникающий в подробности административного разбирательства и не имеющий времени для чтения сотен страниц протоколов расследования, сразу же пришел к выводу, что Оппенгеймер — из-

менник или был им. Именно этого и добивались его враги.

Совершенно ясно, что в эти абсурдные обвинения, которые во время расследования не были подтверждены даже формально, люди интеллигентные, а в особенности специалисты по атомным делам, встревоженные судьбой ученого и с волнением следившие за ходом процесса, не поверили. Но этих людей была лишь горстка, а миллионы так называемых простых американцев поддались внушению, что их вчерашний кумир оказался предателем родины. Американская пресса, а под ее влиянием и значительная часть общественного мнения сочли Оппенгеймера виновным еще до того, как Комиссия по атомной энергии огласила свое решение.

Вернемся к конкретным обвинениям, выдвигавшимся против ученого. Как уже говорилось, первая группа обвинений касалась коммунистических связей Оппенгеймера. Таких связей — прямых и косвенных — было, действительно, много, особенно накануне второй мировой войны. Сам Оппенгеймер никогда не был членом Коммунистической партии США, однако состоял в ряде левых организаций, таких как профсоюз научных работников в Калифорнии или Комитет в поддержку республиканской Испании в годы, когда там шла гражданская война. Оппенгеймер был человеком состоятельным и не раз принимал участие в денежных сборах, цели которых были определены потом как «коммунистические».

Когда-то к Коммунистической партии принадлежали младший брат и жена Оппенгеймера и, кроме того, членами партии были некоторые его друзья и коллеги по работе. Контакты, таким образом, не подлежали сомнению. Самозванные прокуроры меньше всего интересовались фактом, что контакты эти продолжались недолго — приблизительно с 1936 по 1939 год — и что после начала второй мировой войны Оппенгеймер быстро отошел от коммунистического движения и от своих старых друзей. Когда ученый начал работать в Лос-Аламосе, его коммунистические связи были, без сомнения, делом прошлым.

О методах, к которым прибегли обвинители Оппенгеймера, свидетельствует, в частности, то, как они обыграли увлечение молодости Оппенгеймера, когда он не был еще женат. В 1936 году молодой ученый познакомился в Калифорнии с Джейн Тэтлок, дочерью профессора английской литературы в Беркли. Оппенгеймер влюбил-

ся, ему отвечали взаимностью. Любовь Роберта и Джейн осталась бы их сугубо личным делом, если бы не тот факт, что Тэтлок была известна в университетских кругах как коммунистка. И хотя Оппенгеймер и Джейн расстались в 1939 году, когда ученый познакомился со своей будущей женой, агенты ФБР и военной контрразведки проявили большой интерес к личности Джейн Тэтлок особенно тогда, когда Оппенгеймер возглавил атомную лабораторию в Лос-Аламосе.

Агентам, которые следили за каждым шагом ученого, без особого труда удалось установить, что он несколько раз встретился со своей бывшей возлюбленной уже после разрыва. Более всего агентов заинтересовала их встреча в июне 1943 года, незадолго до окончательного отъезда Оппенгеймера в Лос-Аламос. Это была их последняя встреча, и, как установили агенты контрразведки, она продолжалась целую ночь. Обстоятельство это фигурировало в обвинительном заключении и детально разбиралось во время административного расследования, хотя Джейн Тэтлок уже десять лет не было в живых (она покойчила жизнь самоубийством через несколько месяцев после последней встречи с Оппенгеймером). Именно Тэтлок и была той «любовницей-коммунисткой», о которой писал Борден в письме шефу ФБР, а враги, очевидно, сочли это увлечение ученого достаточно пикантным, чтобы смаковать его, хотя из такого сугубо личного дела трудно было сделать какие-либо выводы юридического или административного характера. Но для бульварной американской прессы нашлась тема.

«Коммунистические контакты» Оппенгеймера, если мы снова воспользуемся этим термином из обвинительного заключения, были хорошо известны и тайной полиции, и военной контрразведке, а также начальникам ученого из числа военных руководителей «Манхэттенского проекта» (под условным обозначением «Манхэттенский проект» велись работы лаборатории в Лос-Аламосе). Начиная работу над созданием атомной бомбы, Оппенгеймер заполнил очень подробную анкету, в которой сам перечислил все свои связи с левыми элементами, которые могли бы представить интерес для полицейских и военных властей. Ученый достаточно хорошо понимал, что полиция и армия должны и будут интересоваться его прошлым, поскольку он назначался на должность, с точки зрения безопасности и разведки, очень важную.

Несмотря на то что Оппенгеймер заполнил такую анкету, в мае 1943 года, когда он назначался директором атомной лаборатории, агенты контрразведки начали слежку за ученым и занялись подробным исследованием его «дела». Расследованием руководил полковник Борис Паш, заместитель начальника штаба отдела G-2 (контрразведки) в Калифорнии. Паш был сыном митрополита православной церкви США (свою фамилию он американизировал) и в силу своего русского происхождения считал себя — и считался — знатоком коммунистических проблем.

В июне 1943 года, после прощального визита Оппенгеймера к Джейн Тэтлок, Паш решил, что у него уже собрано достаточно материала, чтобы выступить против назначения Оппенгеймера в лабораторию атомных исследований. В подробном рапорте, посланном в Пентагон, Паш утверждал, что Оппенгеймер, вероятнее всего, прежде чем представить результаты исследований в Лос-Аламосе американскому правительству, будет передавать их коммунистам. Посредником в этом может явиться именно Джейн Тэтлок.

Рапорт Паша был направлен генералу Лесли Рихарду Гровсу, который возглавил «Манхэттенский проект» и которому суждено было сыграть большую роль в организации лаборатории в Лос-Аламосе и в создании атомной бомбы. В это же время Гровс получил уведомление, что назначение Оппенгеймера на должность директора лаборатории атомных исследований отклонено по соображениям безопасности. Однако Гровс оказался умнее и дальновиднее сотрудников контрразведки. Считая, что при организации атомного центра Оппенгеймер ему необходим, Гровс, пользуясь своими исключительными полномочиями, направил в Вашингтон следующую депешу: «В соответствии с моими устными указаниями от 15 июля [1943 года. — Г. Я.], желательно, чтобы допуск к работе Юлиуса Роберта Оппенгеймера был выдан без задержки, независимо от той информации, которой вы располагаете. Оппенгеймер абсолютно необходим для проекта».

Таким образом, генерал Гровс настоял на своем решении и оказался от этого в выигрыше. Оппенгеймер дал ему атомную бомбу, а в последующие годы неоднократно демонстрировал свою антисоветскую позицию. Однако это не помешало врагам ученого 10 лет спустя

разворошить дело о его «коммунистических» контактах. Наиболее интересным из них и заслуживающим внимания был так называемый инцидент с Шевалье.

Хаакон Шевалье в 1938 году, когда он познакомился с Оппенгеймером, был преподавателем романских языков в Калифорнийском университете. Он был старше ученого на несколько лет. Он не был коммунистом, но имел много друзей в левых кругах и не скрывал своих прогрессивных взглядов. За его плечами была бурная жизнь моряка и бродяги, поэта и выдающегося знатока французской литературы.

Между Оппенгеймером и Шевалье завязалась сердечная дружба, ставшая особенно тесной после женитьбы ученого. Они поселились по соседству и постоянно встречались — одни или в обществе жен, которые тоже дружили. В то время Оппенгеймер очень интересовался политикой, литературой и искусством. В интеллигентном и воспитанном Шевалье он нашел интереснейшего собеседника, с которым мог говорить на любые темы, когда ему хотелось отвлечься от напряженной научной работы.

В конце 1942 года или в первые дни 1943 года — точная дата не была установлена — супруги Шевалье пришли вечером с визитом к Оппенгеймерам, чтобы, как обычно, вместе поужинать и поболтать. Именно тогда и произошел инцидент, который вскоре заинтересовал контрразведку и который спустя много лет, раздутый до невероятных размеров, привлек внимание административной комиссии и американской прессы.

Когда женщины разговаривали в комнате, Оппенгеймер и Шевалье занялись на кухне приготовлением напитков. Шевалье мимоходом заметил, не придавая этому никакого значения, что на днях он встретил общего знакомого, англичанина Джорджа Элтонтона, работавшего в Калифорнии, который высказал мнение, что между американскими и советскими учеными не существует никакого обмена информацией о результатах научных исследований, хотя оба государства являются союзниками в борьбе против фашистской Германии. Элтонтон спрашивал Шевалье, не согласен ли Оппенгеймер как частное лицо предоставить подобную информацию. Реакция Оппенгеймера была именно такой, какую и ожидал Шевалье. Ученый воскликнул: «Это было бы ужасно! Этого делать нельзя! Ведь это — государственная измена!».

На этом разговор закончился. Друзья вернулись в комнату и сели за ужин. Шевалье больше не возвращался к этой теме. Только три года спустя он убедился, что короткий обмен мнениями на кухне Оппенгеймеров роковым образом повлиял на его дальнейшую судьбу. Шевалье стал объектом слежки ФБР, его стали часто вызывать на допросы, а вскоре он потерял место и не мог найти никакой работы в США, несмотря на то что был выдающимся специалистом. Он был вынужден эмигрировать во Францию, где прославился как прекрасный переводчик и писатель.

В августе 1943 года, то есть вскоре после назначения на пост директора лаборатории атомных исследований в Лос-Аламосе, Оппенгеймер счел нужным вспомнить о своем разговоре с Шевалье. Он сделал это, пожалуй, неожиданно, подвергнув бесчисленным неприятностям и притеснениям не только своего ближайшего в то время друга, но, как потом оказалось, и себя самого.

Оппенгеймер обратился в Беркли к агенту службы безопасности Л. Джонсону, который, кстати сказать, принимал посетителей в одной из аудиторий университета. После короткого вступления, касавшегося одного из его бывших учеников, — а это был, скорее, предлог для встречи с агентом, — профессор изложил дело. Он, в частности, заявил Джонсону, что с некоторых пор русские стараются получить информацию об американских атомных исследованиях и что англичанин Элтон, работавший до войны в Советском Союзе, обратился к некоему лицу с просьбой помочь ему установить связи с физиками, принимавшими участие в работе над «Манхэттенским проектом». Фамилию этого лица Оппенгеймер называть не хотел, хотя Джонсон сразу же заинтересовался ею.

Джонсон попросил ученого, чтобы, учитывая важность дела, тот встретился с его начальником, уже известным нам полковником Пашем. Встреча произошла на следующий день, причем Паш, уже давно интересовавшийся личностью Оппенгеймера и не доверявший ему, разместил в комнате несколько скрытых микрофонов, а в соседней поставил магнитофон. Разговор, записанный таким образом на пленку, был использован спустя многие годы при административном разбирательстве дела ученого, а пленка фигурировала в качестве вещественного доказательства.

Паш больше всего интересовался тем, кто был посредником, к которому обратился Элтон с просьбой об установлении контактов с физиками-атомниками. Оппенгеймер всячески уклонялся от ответа на этот вопрос. Не хотел ли он тогда втягивать своего друга Шевалье в эту искусственно раздуваемую аферу или руководствовался другими мотивами — сказать трудно. Но он считал возможным поставить Паша в известность, что «посредник» беседовал еще с тремя физиками-атомниками. Это подхлестнуло интерес полковника. Ведь если «посредник» разговаривал не только с Оппенгеймером, но и еще с тремя физиками, то дело тем более требовало энергичного вмешательства контрразведки.

После неудачи Паша, не сумевшего узнать от Оппенгеймера фамилию «посредника», ученого вызвали в сентябре 1943 года в Пентагон. Там с ним беседовал один из наиболее способных сотрудников контрразведки, полковник Джон Лансдэйл, занимавший должность шефа службы безопасности всего «Манхэттенского проекта». Лансдэйл начал разговор с Оппенгеймером льстиво: «Вы, вероятно, самый умный человек из тех, которых я когда-либо встречал...». Он испробовал также много других способов. Однако Оппенгеймер остался непоколебим и не согласился назвать фамилию «посредника», хотя выразил готовность сотрудничать с контрразведкой по многим другим вопросам.

Отчет об этой беседе Лансдэйл направил генералу Гровсу, который за несколько месяцев до этого под свою личную ответственность потребовал утверждения кандидатуры Оппенгеймера. К отчету полковник приложил подробную характеристику ученого, составленную агентом контрразведки Пииром де Сильва. Вот отрывок из этого документа:

«Автор нижеследующего хочет особенно подчеркнуть, что, по его мнению, Ю. Р. Оппенгеймер играет ключевую роль в попытках Советского Союза получить путем шпионажа наиболее секретные сведения, которые являются существенными для безопасности Соединенных Штатов...».

Оказавшись благоразумнее, чем агенты и полковники контрразведки, генерал Гровс не поверил подобному вздору. Однако он решил действовать энергично. Еще во время первого разговора о «посреднике» Оппенгеймер, отказавшись назвать его имя, добавил: «Генерал! Если

Вы прикажете мне назвать его, я назову». Теперь — а это было в декабре 1943 года — Гровс приказал и ученый послушно назвал имя своего ближайшего друга — Шевалье. Он не предвидел, что попытка утаить эту фамилию явится через десять лет одним из самых важных пунктов обвинительного акта против него.

Оппенгеймер никогда не говорил Шевалье, что донес на него; даже тогда, когда последний потерял работу и должен был эмигрировать из США, Оппенгеймер не признался, что стал виновником всех его неприятностей. Позже, в конце 1953 года, когда Оппенгеймер с женой был в Париже, он разыскал Шевалье. Они встретились как старые друзья и вместе навестили французского писателя и политика Андре Мальро (Шевалье переводил его произведения на английский язык). Парижская встреча ученого со старым другом была также использована во время судебного разбирательства. Только после опубликования протоколов следствия Шевалье понял, что пал жертвой доноса Оппенгеймера.

В 1966 году Хаакон Шевалье издал книгу «Оппенгеймер. История одной дружбы», в которой подробно описал так называемый инцидент и пытался понять побуждения, которыми руководствовался ученый. Взгляды Шевалье субъективны — он внес много личного в этот вопрос. Поэтому мы приводим мнение австрийского писателя Роберта Юнга, автора книги «Ярче тысячи солнц», который много пишет о «инциденте с Шевалье».

«В создавшейся ситуации Оппенгеймер мог бы занять такую позицию, что его функции в Лос-Аламосе носят чисто научный характер и что он не обязан действовать как информатор контрразведки или выполнять приказы как солдат. Если бы власти не согласились с такой точкой зрения, он всегда бы мог отказаться от должности. Следовательно, если бы Оппенгеймер действительно не хотел давать информацию о Шевалье, в невиновности которого был убежден, то он отлично мог бы настоять на своем. Но он капитулировал и, наконец, назвал имя человека, которому затем было предъявлено столь суровое обвинение. Спасая себя и свою карьеру, он сделал, наконец, то, что его месяцами тщательно убеждали сделать. За весьма короткое время он в своей карьере поднялся на вершину славы и могущества».

Возвращаясь еще раз к обвинительному акту, следует вспомнить об отрицательном отношении Оппенгейме-

ра к производству Соединенными Штатами водородного оружия. Была ли эта оппозиция подлинной или же она преувеличивалась? В письме генерального директора Комиссии по атомной энергии К. Д. Никольса — а административная комиссия отнеслась к этому письму как к обвинительному акту — дело представлено следующим образом:

«Как установлено, осенью 1949 года и позже Вы (письмо было адресовано Оппенгеймеру. — Г. Я.) решительно воспротивились производству водородной бомбы: 1) по моральным соображениям; 2) утверждая, что это невозможно; 3) утверждая, что для производства бомбы отсутствуют технические возможности и научный персонал; 4) так как это нежелательно по политическим соображениям».

В вышеприведенной формулировке следует обратить внимание на слова «осенью 1949 года и позже». Действительно, Оппенгеймер, как и подавляющее большинство американских ученых в области ядерной энергии, выступал в 1949 году против производства водородного оружия. Но фактом является также и то, что, когда президент Трумэн, несмотря на оппозицию ученых, в начале 1950 года принял решение приступить к производству водородной бомбы, Оппенгеймер больше не высказывался и ни разу не протестовал против решения президента. Следовательно, слова «и позже», содержащиеся в обвинительном акте, не соответствуют действительности.

О позиции Оппенгеймера в отношении атомного оружия и о том, что потом было названо бунтом американских ученых, речь пойдет позже. А пока вспомним о событиях 1949 года, явившихся для Оппенгеймера поводом для того, чтобы высказать свои возражения.

В сентябре 1949 года в Соединенных Штатах стало известно, что Советский Союз произвел первый взрыв атомной бомбы. Для компетентных американских кругов это было полной неожиданностью, так как еще недавно американские специалисты уверяли, что Советский Союз отстает в атомной области от Соединенных Штатов на 10, 15 и даже на 20 лет и что еще долгое время США будут монополистами в этой области. В Вашингтоне немедленно родилась идея производства водородной бомбы, чтобы таким образом вернуть себе утраченное превосходство над Советским Союзом.

29 октября 1949 г. в Вашингтоне состоялось заседание Объединенного консультативного комитета Комиссии по атомной энергии. Председателем комитета был Оппенгеймер, в его состав входило несколько выдающихся ученых, а также два представителя промышленных и финансовых кругов. На повестке дня стоял вопрос, должны ли Соединенные Штаты приступить к созданию водородной бомбы. После длительного обсуждения комитет пришел к единодушному решению, в котором высказался против производства водородной бомбы по моральным, политическим и техническим соображениям.

«Мы все убеждены, — заявили члены комитета, — что тем или иным способом можно избежать создания такого оружия. Нежелательно, чтобы Соединенные Штаты выглядели инициатором его разработки. Все мы согласны с тем, что в настоящее время было бы неправильным компрометировать себя решительными действиями по созданию такого оружия».

Двое членов комитета пошли еще дальше, сформулировав свое отрицательное отношение к созданию водородной бомбы в значительно более сильных выражениях.

Комиссия по атомной энергии, главой которой был в то время Дэвид Лилиенталь, большинством голосов одобрила решение Объединенного консультативного комитета под председательством Оппенгеймера. Только один член Комиссии по атомной энергии голосовал за создание водородной бомбы. Это был адмирал Льюис Страусс. В июле 1953 года Страусс возглавил Комиссию по атомной энергии. Страусс уже неоднократно имел столкновения с Оппенгеймером. Этот реакционный банкир (звание адмирала он получил, выполняя административные функции на флоте во время войны) не мог примириться с независимыми и слишком, по его мнению, либеральными взглядами ученого.

Характерно столкновение, которое произошло между ними в 1949 году по вопросу о возможности экспорта Соединенными Штатами радиоактивных изотопов в союзные государства. Страусс высказался против, опасаясь, что таким образом за границу просочатся американские атомные секреты. Оппенгеймер безжалостно высмеял Страусса, доказав, что экспорт изотопов не раскроет никаких секретов. Мнение ученого возобладало в то время, но Страусс никогда ему этого не простил. Когда Страусс стал председателем Комиссии по атом-

ной энергии, а это было в период наибольшего разгула маккартизма, он благосклонно отнесся к возбуждению дела против Оппенгеймера.

Защита

Юлиус Роберт Оппенгеймер, которого друзья называли Оппи, родился в Нью-Йорке в 1904 году. Его отец был богатым торговцем, по происхождению немецким евреем, эмигрировавшим в Америку в 17-летнем возрасте. Его мать, уроженка Балтимора, была коренной американкой. Еще будучи мальчиком, Роберт отличался незаурядными способностями, читал свободно на латинском и греческом языках, писал по-французски сонеты и интересовался проблемами физики. В 1922 году он поступил в Гарвардский университет и через три года получил степень магистра физики.

После этого он отправился в Европу, подобно многим молодым американцам, которые предпочитали продолжать обучение в старых европейских учебных заведениях и называли себя «Колумбами наоборот». Сначала Оппенгеймер остановился в Кембридже, где его учителями были выдающиеся английские физики Эрнст Резерфорд и Джордж Томсон. Затем он отправился в Геттинген. Здесь он получил докторскую степень у великого немецкого ученого Макса Борна.

При этом произошло небольшое происшествие, типичное для последующих столкновений Оппенгеймера с властями. Когда весной 1927 года он подал прошение о допуске его к докторскому экзамену, прусское министерство просвещения, в чьем ведении находился университет в Геттингене, ответило отказом. После вмешательства декана оказалось, что Оппенгеймер во время поступления в университет не приложил к заявлению с просьбой о приеме подробной автобиографии и поэтому формально вообще не был зачислен в учебное заведение. Макс Борн и другие профессора выступили в защиту талантливого студента, прося ректора и министра допустить Оппенгеймера к сдаче докторского экзамена.

Обосновывая свою просьбу, Борн писал, что поданная Оппенгеймером докторская работа является выдаю-

щейся и будет напечатана в издаваемой им серии самых лучших диссертаций Геттингенского университета. Преодолев бюрократические рогатки, Оппенгеймер смог в мае 1927 года сдавать экзамены. По всем предметам (за исключением физической химии) он получил оценки «отлично» или «очень хорошо». Профессор Борн отметил, что докторская работа Оппенгеймера представляет научную ценность и значительно превосходит обычный уровень диссертаций. «Единственным недостатком работы, — отметил Борн, — является то, что она написана неразборчивым почерком. Однако, учитывая достоинства содержания, недостатки формы не следует принимать во внимание. Предлагаю оценку: «с отличием».

Затем, после непродолжительного обучения в Лейденском и Цюрихском университетах, Оппенгеймер в 1929 году вернулся в США. Ему было всего 25 лет, но он уже был известен в научных кругах как чрезвычайно одаренный ученый, специализирующийся в области теоретической физики. Сразу же несколько американских учебных заведений предложили ему солидные должности. Оппенгеймер решил возглавить кафедру в Калифорнийском университете в Беркли, около Сан-Франциско. Когда декан факультета спросил, что повлияло на его решение, он ответил так: «Несколько старых книг — издание стихов французских поэтов XVI и XVII веков, собранных в университетской библиотеке...». В этом ответе было немного поэзии и немного правды, что было характерным для молодого Оппенгеймера.

Кроме лекций в Беркли, Оппи вел также занятия в Калифорнийском технологическом институте в Пасадене, недалеко от Лос-Анджелеса. Когда он кончал курс лекций в Калифорнийском университете в Беркли и выезжал на следующий семестр в Пасаден, то вслед за ним направлялось и большинство его слушателей. Вскоре вокруг Оппенгеймера образовалась группа молодых одаренных ученых, занимавшихся исследованиями в области квантовой теории, ядерной физики и теории относительности. «Школа Оппенгеймера» стала известна за пределами Соединенных Штатов. Студенты и докторанты обожали своего молодого учителя, подражали его поступкам и манере говорить.

Интересы ученого в то время были весьма разнообразными. Он изучал санскрит, знакомился с трудами из различных областей точных наук, читал много литера-

турных, драматических и поэтических произведений. Но, как сообщает о том периоде сам Оппенгеймер, «я не интересовался ни политикой, ни экономикой и ничего об этом не читал. Я почти ничего не знал о текущих событиях в Америке. Я никогда не читал ни газет, ни актуальных журналов типа «Тайм» или «Харперс». У меня не было ни радио, ни телефона. О катастрофе на бирже осенью 1929 года я узнал только спустя много времени. Впервые в жизни я принял участие в президентских выборах только в 1936 году. Мое равнодушие к современным событиям казалось странным некоторым из моих друзей».

Только в 1936 году, когда Оппенгеймер был уже зрелым человеком, с большим стажем научной работы, актуальные политические события внезапно ворвались в его башню из слоновой кости. К тому было несколько причин. Оппенгеймер узнал о преследованиях евреев в гитлеровском рейхе, где жили его родственники. Он узнал о последствиях экономического кризиса от своих студентов и коллег, которые боролись со все растущими экономическими трудностями, а иногда бывали попросту безработными. Он узнал о начале гражданской войны в Испании, которая его глубоко взволновала.

Ворота в башню из слоновой кости открыла Джейн Тэтлок, в которую Оппи влюбился именно в это время. Это она ввела его в левые круги. Это она обратила его внимание на драматические события, происходившие в Германии, Испании и в самих США. Влияние Коммунистической партии Соединенных Штатов было в то время значительным именно в кругах интеллигенции и в высших учебных заведениях. Младший брат Оппенгеймера Фрэнк и его жена вступили в Коммунистическую партию. Сам Оппи в партию не вступил, но установил тесный контакт с различными прогрессивными организациями и, как человек состоятельный, охотно принимал участие в денежных сборах в помощь испанским республиканцам и т. д.

Спустя несколько лет, приблизительно в 1939 году, Оппенгеймер начал отходить от коммунистов. В это время кончился его роман с Джейн Тэтлок, несомненно сыгравшей решающую роль в сближении молодого ученого с левыми кругами. В конце 1939 года Оппенгеймер познакомился с Кэтрин Гаррисон, которая вскоре стала его женой. С точки зрения американской тайной полиции

и контрразведки Кэтрин была «опасной коммунисткой», поскольку она была вдовой коммуниста, погибшего во время боев в Испании. В действительности Кэтрин — в отличие от Джейн Тэтлок — сравнительно мало интересовалась политикой и всячески способствовала тому, чтобы Оппенгеймер порвал свои прежние связи и знакомства и отошел от левых кругов.

В то время перед Оппенгеймером стоял вопрос о продолжении научной карьеры. Несмотря на очевидные успехи, он не был доволен собой, а политические разочарования только подогревали его интерес к науке. Роберт Юнг в книге «Ярче тысячи солнц» пишет об этом периоде жизни Оппенгеймера:

«В отличие от Резерфорда, Бора и Борна, которые были не только великими учителями, но и великими первооткрывателями, Оппенгеймер к тому времени не подарил миру никаких новых идей, делающих эпоху. Несомненно, он собрал вокруг себя определенный круг ученых, но не сумел еще создать своей школы. Многочисленные научные статьи, которые он публиковал в периодической печати разных стран, представляли ценный вклад в растущее здание новейшей физики. Но они, к сожалению, не были фундаментом этого здания. Академические круги считали его достижения исключительными. Но он сам, критически мысля, отдавал себе полный отчет в том, что к сорока годам не сумел осуществить своих величайших надежд и достичь высочайших вершин созидательной работы в области физики, как, например, Гейзенберг, Дирак, Жолио и Ферми, которые были примерно одного возраста с ним. В это время ему и представилась возможность совершить нечто исключительное, но в совершенно другом направлении: его пригласили возглавить конструирование могущественнейшего оружия».

Оппенгеймер принял это предложение, отдав ему несколько лет жизни, принеся в жертву своих ближайших друзей, отказавшись от многих своих убеждений. Он всецело посвятил себя карьере творца атомной бомбы.

Атомной бомбой он заинтересовался уже в 1939 году, когда после лекции датского ученого Нильса Бора он узнал о возможности расщепления урана и об огромном количестве высвобождающейся при этом энергии. Вероятно, лекция произвела на него огромное впечатление, поскольку в тот же день он пробовал вычислить так на-

зываемую критическую массу урана, необходимую для того, чтобы вызвать взрыв.

Спустя два года, осенью 1941 года, Оппенгеймер принял участие в секретных подготовительных работах по созданию урановой бомбы. По приглашению выдающегося американского физика Артура Комптона он присутствовал на сессии специальной комиссии Национальной академии наук. На повестке дня стоял вопрос использования атомной энергии в военных целях. С этого момента проблема атомной бомбы совершенно захватила Оппенгеймера. Его все чаще занимает вопрос, сколько урана-235 требуется для производства взрыва.

В тот период проблема интересовала его исключительно с научной и, если можно так выразиться, с технической точки зрения. Так же как и многие другие ученые, Оппенгеймер совершенно не задумывался над политическими и военными последствиями создания атомного оружия, а если и задумывался, то только в аспекте разработки нового оружия в борьбе против фашистской Германии.

Оппенгеймер добился изумительных результатов. В радиационной лаборатории университета в Беркли он стал сотрудничать с группой физиков, которые под руководством профессора Эрнста Лоуренса проводили опыты по разделению в природном уране изотопов-235, годных для цепной реакции, и нерасщепляющихся изотопов-238. Эта проблема имела принципиальное значение, поскольку урановый изотоп-235, необходимый для производства атомного оружия, входит в состав природной смеси всего лишь в пропорции 7 : 1000. Оппенгеймеру удалось сделать открытие, давшее возможность снизить стоимость выделения этого изотопа на 50 и даже на 90%.

Артур Комптон пришел в восторг от результатов его исследований и в начале 1942 года предложил ему постоянное сотрудничество. В то время в США уже началась подготовка к созданию атомной бомбы. В июле 1942 года Оппи возглавил небольшую группу физиков, которая обсуждала лучшую теоретическую модель «Бомбы FF» (от слов «fast fission» — быстрое деление). Когда Оппенгеймер представил свой отчет, Комптон заявил: «Под руководством Оппенгеймера делалось нечто реально осязаемое, и делалось с поразительной быстротой».

Чем ближе Оппенгеймер соприкасался с подготовительными работами, связанными с производством атомной бомбы, тем глубже убеждался в необходимости сосредоточить всю работу в одном месте. Там под общим руководством работали бы специалисты в области теоретической и экспериментальной физики, математики, радиохимии, эксперты по взрывчатым веществам и другие специалисты. Замысел этот понравился руководителям «Манхэттенского проекта», в особенности Комптону и генералу Гровсу. Они предложили Оппенгеймеру заняться организацией новой атомной суперлаборатории и стать ее директором.

Решающий разговор между генералом Гровсом и Оппенгеймером из-за спешки проходил в купе поезда, шедшего из Чикаго к Тихоокеанскому побережью. Одним из участников разговора был коллега Гровса полковник Никольс, который позже, будучи уже генералом, стал директором Комиссии по атомной энергии и подготовил в 1953 году обвинительный акт против ученого.

Но в 1942 году такого развития событий никто предвидеть не мог. Новые шефы Оппенгеймера подробно знали о его, как их потом называли, коммунистических контактах и непродолжительном сближении с левыми кругами. Но их это мало беспокоило. Во-первых, они знали, что такие политические взгляды ученого — дело прошлого. Во-вторых, они не сомневались в его лояльности, патриотизме и преданности делу. В-третьих, наконец, если уж и шла речь о симпатиях ученого к коммунизму, то ведь Советский Союз был в то время союзником Соединенных Штатов в борьбе против фашистской Германии.

Первой задачей Оппенгеймера после назначения его на пост директора центральной атомной лаборатории был выбор места для ее строительства. По соображениям безопасности и необходимости сохранения полной тайны для этой цели не подходил ни один из крупных населенных пунктов. Оппи вспомнил, что мальчиком в течение некоторого времени жил в школьном интернате, расположенном в глухой местности Лос-Аламос, в штате Нью-Мексико. Он повез туда генерала Гровса, который одобрил этот выбор. Плоскогорье Лос-Аламос и немногочисленные школьные здания были реквизированы для военных целей, интернат закрыт, и вскоре туда прибыли первые строительные рабочие, которые начали копать ямы под фундаменты будущих лабораторий.

Другой задачей Оппенгеймера был подбор научных работников, которые согласились бы на переезд в Лос-Аламос. Это было нелегким делом, так как кандидатов необходимо было сразу предупредить, что они будут полностью изолированы, будут подчиняться военной дисциплине и что никто точно не знает, как долго они будут находиться в атомной лаборатории. Сам Оппи предполагал, что для создания атомной бомбы будет достаточно одного года, но каждый сотрудник должен был подписать обязательство остаться в Лос-Аламосе на все время войны — без определения срока.

Несомненной заслугой Оппенгеймера был подбор необходимых специалистов. Он не мог даже раскрыть им всей правды о предстоящей работе. Но он пустил в ход свое личное обаяние и умение завоевывать симпатии людей. Крупные ученые, специалисты и менее крупные работники соглашались на выезд в Лос-Аламос, хотя условия там были не очень выгодны, а местность — отдаленной от цивилизованного мира. Первоначальное предположение, что для центральной атомной лаборатории потребуется небольшое количество специалистов, оказалось ошибочным. Уже через год там жило и работало 3500 человек, а через два года — 6 тысяч.

Оппенгеймер был не только директором этой огромной научной лаборатории. Он был также и руководителем проводившихся здесь теоретических и экспериментальных работ, и координатором исследований в различных областях, посредником между коллективом ученых и военными, ответственными за «Манхэттенский проект», а также любимым «вождем» всей компании интеллектуалов и простых работников, собранных в уединенном Лос-Аламосе. Он знал по имени не только ученых, но и рядовых технических работников, знал о их заботах и трудностях, которых было достаточно из-за строгой дисциплины, необходимой для обеспечения безопасности и секретности работ.

В марте 1943 года в Лос-Аламос приехали первые ученые-атомники. В июле того же года было привезено оборудование, позволившее приступить к ядерным экспериментам. Работа над изготовлением первой атомной бомбы продолжалась два года. В июле 1945 года в пустыне Аламогордо, в штате Нью-Мексико, была взорвана первая в истории человечества экспериментальная атомная бомба. Эксперимент удался. В Лос-Аламосе и

были произведены атомные бомбы, которые были сброшены на Хиросиму и Нагасаки.

Когда сразу же после войны американская печать назвала Оппенгеймера «отцом атомной бомбы», в этом не было преувеличения. Производство бомбы было, несомненно, заслугой целого коллектива ученых и технических работников, которые в свою очередь использовали идеи, открытия и изобретения многих других людей. Но неоспоримым руководителем коллектива был Ю. Роберт Оппенгеймер. Одна из его секретарш говорила о нем позже: «Почти все, кто работал с самого начала в Лос-Аламосе, прыгнули бы за ним в огонь». А генерал Гровс рассказывал: «Мне с укоризной говорили, что только лауреат Нобелевской премии или, по крайней мере, достаточно пожилой человек может занимать подобное положение. Но я делал ставку на Оппенгеймера, и его успех подтвердил, что я был прав. Никто не мог бы сделать того, что сделал он».

В октябре 1945 года, то есть вскоре после капитуляции Японии и окончания второй мировой войны, Оппенгеймер отказался от поста директора лаборатории. Он, по-видимому, считал, что успешно выполнил порученное ему задание и теперь может найти для себя более широкое поприще. Он отказался также от первоначального намерения вернуться после войны на кафедру в Беркли и Пасаден.

Вместо этого он занял ряд государственных постов и чаще находился в министерских кабинетах Вашингтона, чем в каких-либо лабораториях. Когда в 1946 году была создана Комиссия по атомной энергии, Оппенгеймер возглавил ее Объединенный консультативный комитет, а этот пост давал ему возможность оказывать влияние на государственные дела. Кроме того, он был советником в Пентагоне и государственном департаменте, а также входил в состав многих правительственных комиссий. Подсчитано, что в некоторые моменты Оппенгеймер был членом по крайней мере 35 государственных комиссий.

В то время его слава в США и за их пределами достигла кульминации. Газеты Нью-Йорка писали о нем все чаще в стиле сообщений о кинозвездах Голливуда. Еженедельник «Тайм» поместил его снимок на обложке, посвятив ему центральную статью в номере. Именно с тех пор его стали называть «отцом атомной бомбы». Президент Трумэн наградил его «Медалью за заслуги» —

высшим американским орденом. Журнал «Попьюлар микэник» причислил его к «Пантеону первой половины столетия». Многие заграничные высшие учебные заведения и академии присылали ему членские и почетные дипломы. Одна из его секретарш собирала и систематизировала посвященные ему статьи, снимки и карикатуры.

Еще совсем недавно столь уважаемый учеными Оппи теперь почти полностью порвал с ними отношения. Он не разделял озабоченности своих вчерашних друзей, которые были поражены последствиями создания атомной бомбы и которым не давали покоя жертвы в Хиросиме и Нагасаки. Оппенгеймер принимал активное участие в разработке атомной стратегии, которая обеспечила бы Соединенным Штатам монополию в этой области. К этому периоду относятся его резкие антисоветские высказывания. Он участвовал в подготовке американского проекта, названного позднее «планом Баруха», направленного против Советского Союза.

Старые друзья Оппенгеймера говорили, что Вашингтон влияет на него гораздо сильнее, чем он на Вашингтон: Один из его любимых учеников сказал: «Когда Оппи начал толковать о Дине Ачесоне просто как о «Дине» и ссылаться на генерала Маршалла просто как на «Джорджа», мне стало ясно, что мы больше не принадлежим к одному кругу и что наши пути должны разойтись. Я думаю, что его внезапная слава и новое положение настолько ударили ему в голову, что он стал считать себя чуть ли не божеством, способным призвать к порядку весь мир». Когда-то самый близкий друг, Хаакон Шевалье, написал об Оппенгеймере книгу, которую назвал: «Человек, который хотел быть богом».

В 1947 году Оппенгеймер стал директором научного института в Принстоне, в котором много лет сотрудничал Альберт Эйнштейн. Принстон в штате Нью-Джерси находится недалеко от Вашингтона, куда Оппенгеймера часто вызывали на секретные заседания и совещания. Участие ученого в многочисленных комиссиях и государственных органах по существу положило конец его научной деятельности. В специальных журналах его фамилия почти перестала появляться. В течение десяти лет — с 1943 года, когда он возглавил лабораторию в Лос-Аламосе, и до 1953 года, когда он стал объектом преследования маккартистов, — Оппенгеймер опубликовал только пять небольших и не очень интересных научных работ.

Однако Оппенгеймер, ослепленный своей новой ролью советника правительства, не видел, что над его головой собираются тучи. В 1949 году он председательствовал на упоминавшемся выше заседании Объединенного консультативного комитета Комиссии по атомной энергии, на котором было принято решение, направленное против производства водородной бомбы. Позиция Оппенгеймера в этом вопросе вернула ему уважение и авторитет среди американских ученых, а точнее говоря, той части ученых, которые высказывались против гонки ядерных вооружений. Вместе с тем его оппозиция работам по производству водородной бомбы была встречена с недовольством и критикой в правящих американских кругах, которые именно в усилении гонки вооружений видели основную цель американской внешней политики.

В середине 1952 года Оппенгеймер счел необходимым уйти с поста председателя Объединенного консультативного комитета. Это был логичный и необходимый шаг. Комиссия по атомной энергии приступила, вопреки советам Оппенгеймера и других ученых, к производству водородного оружия, привлекая к сотрудничеству научных работников, подобных профессору Теллеру, который был поборником гонки вооружений и претендовал на титул «отца водородной бомбы». Однако Оппенгеймер сохранил связь с Комиссией по атомной энергии, а также разрешение на допуск к наиболее охраняемым атомным секретам. Вскоре оказалось, что именно это и явилось звеном, на которое и направили свои атаки враги ученого, приверженцы сенатора Маккарти.

В 1953 году Оппенгеймер, который постепенно отказался от большинства государственных постов и от членства в многочисленных комиссиях, имел больше времени и предпринял ряд заграничных поездок. В Вашингтоне с начала 1953 года у власти находился президент Эйзенхауэр, который в еще большей степени, чем его предшественник Трумэн, делал уступки террору Маккарти. Атмосфера для Оппенгеймера была неблагоприятной. Зато этот новый политический климат охотно использовали все те, кто в прошлые годы сомневался в лояльности и патриотизме ученого и строчил на него доносы.

В течение 1953 года Оппенгеймер побывал в Великобритании, где в Оксфорде получил очередной, шестой по счету, титул почетного доктора и где по приглашению радиостанции Би-Би-Си выступал с лекциями в передаче

«Рейтовские чтения», что считается большой честью. Затем он выехал для чтения публичных лекций в Латинскую Америку, а в конце года опять собрался в Европу — в Париж. За пределами Соединенных Штатов его еще почитали великим ученым, который создал атомную бомбу, а потом понял опасность дальнейшей гонки ядерных вооружений. В старой Европе это считалось достойным уважения. В маккартистских США это подстегнуло его врагов, которые старательно готовились к атаке. Тогда, в конце 1953 года, Борден и направил шефу ФБР письмо, послужившее сигналом к началу травли ученого.

Следует вспомнить о конкретных обвинениях и об отношении к ним Оппенгеймера.

Составители обвинительного акта не повторили выдвинутых в письме Бордена и в других доносах обвинений в том, что Оппенгеймер был попросту советским агентом или шпионом. Но они попали на страницы американской прессы, на радио и в телевизионные программы. Слова «шпион» и «красный» повторялись без конца. Миллионы легковверных американцев, поддавшихся демагогии Маккарти и его приспешников, поверили, что Оппенгеймер был советским агентом, хотя в этом его не обвиняли.

Однако его обвинили, как известно, в «коммунистических контактах», в том, что он сыграл неприглядную роль во время «инцидента с Шевалье», и в том, что он выступал против производства водородной бомбы. Вот его ответ на эти три обвинения.

Был ли он коммунистом? Оппенгеймер решительно отверг это как в своем письменном ответе на обвинительный акт, так и во время административного разбирательства, когда юрисконсульт комиссии Роджер Робб, выступавший в роли прокурора, задавал ему бесконечные вопросы на эту тему, пытаясь поймать на каких-нибудь противоречиях или неточностях. В обвинительном акте фигурировала, в частности, выдумка из донесений тайной полиции, что якобы летом 1941 года на квартире Оппенгеймера в Беркли состоялось тайное собрание группы Коммунистической партии района Аламеда. Ученый категорически заявил, что в его доме такого собрания никогда не было и что он никогда не принимал участия в подобном собрании где-либо.

Но он признал, что в годы, предшествовавшие началу второй мировой войны, являлся «fellow traveller». Это

трудное для дословного перевода выражение, будучи синонимом русского слова «попутчик», означает, что кто-то считает себя сочувствующим левым силам, коммунистическому движению, но по тем или иным причинам не решается вступить в партию. На расследовании много времени было уделено тому, чтобы установить, в какой именно период ученый был «fellow traveller», хотя, разумеется, точных дат установить было невозможно, поскольку несомненно имела место эволюция его взглядов, а не предполагаемый срок вступления в партию или выхода из нее. Вывод следствия был следующим: Оппенгеймер считал себя сочувствующим левым приблизительно с конца 1936 года или начала 1937 года. В конце 1939 года, в связи с подписанием советско-германского договора, его симпатии остыли, а в 1942 году полностью исчезли. Последняя дата имеет значение постольку, поскольку именно в это время началось его сотрудничество по «Манхэттенскому проекту» и в лаборатории в Лос-Аламосе.

Оппенгеймер признал также, что его брат и жена брата в 1936 году вступили в Коммунистическую партию и что он один раз присутствовал в их квартире на собрании членов партии. Главным вопросом, обсуждавшимся на этом собрании, был вопрос о расовой сегрегации на городском пляже в Пасадене. Он признал, что встречался с другими коммунистами, что имел среди них друзей, что давал деньги на цели, ставящиеся Коммунистической партией. Все эти факты были досконально известны тайной полиции и контрразведке еще с той минуты, когда он стал директором лаборатории в Лос-Аламосе.

Когда весной 1954 года Оппенгеймер давал эти показания, США были охвачены безумием маккартизма. Достаточно было обмолвиться, что брат был коммунистом или что ты случайно попал на партийное собрание, чтобы демагогическая и ничем не брезговавшая пропаганда признала тебя «опасным коммунистическим деятелем» или даже «советским шпионом». Именно так и случилось с Оппенгеймером.

Вернемся к обвинениям, выдвинутым против ученого во время административного расследования, в особенности к «инциденту с Шевалье». Этот «инцидент» не делает чести Оппенгеймеру. Он подтвердил на расследовании, что донес на своего самого близкого друга (добавим: донес напрасно, так как сам понимал, что случай не имел

никакого значения). Он подтвердил, что вначале не хотел назвать фамилию Шевалье в качестве мнимого «посредника», но позже уступил и назвал ее. Наконец, он подтвердил, что во время своих бесед об этом в 1943 году с агентами контрразведки фантазировал и дал много ложных сведений, в которых сам запутался, но Шевалье стал их жертвой. Это, вероятно, самая неприятная часть показаний Оппенгеймера.

Именно он заявил сотрудникам контрразведки, что Элтон (который при посредничестве Шевалье якобы выступил с предложением открыть советским ученым доступ к информации об американских научных работах) пробовал установить контакт с тремя американскими научными работниками, что он якобы имел контакты с работником советского консульства и пытался снимать микрофильмы. Все это было полнейшей выдумкой, так как Шевалье ни о чем подобном не упоминал во время своего короткого разговора с Оппенгеймером.

«Боюсь, — заявил Оппенгеймер на расследовании, — что все это дело было попросту идиотизмом. К сожалению, не могу объяснить, откуда взялся консул, откуда микрофильм и откуда три лица, двое из которых будто бы были из Лос-Аламоса. Все это представляется мне сплошной ложью».

На этот раз Оппенгеймер говорил правду. Об этом свидетельствует то, что тайная полиция и контрразведка, несмотря на длительные усилия, нигде не нашли «трех лиц», с которыми Элтон якобы хотел установить контакт, а также то, что Шевалье, несмотря на донос Оппенгеймера, ни в чем не был обвинен. Против него не было возбуждено уголовное дело, и только административные притеснения (лишение работы) вынудили его выехать во Францию. «Инцидент с Шевалье» свидетельствовал, что в 1943 году Оппенгеймер готов был делать карьеру любой ценой и был полон решимости пожертвовать ради этого своими старыми привязанностями. Он не предвидел, что наступит время, когда он запутается в собственных показаниях.

Наконец, дело об оппозиции Оппенгеймера производству водородного оружия. Более подробно об этом пойдет речь в главе «Бунт ученых». А пока лишь стоит привести отрывок из протокола административного расследования. На вопрос обвинителя, выступал ли Оппенгеймер против производства водородной бомбы

также и после того, как президент Трумэн принял решение по этому вопросу, ученый ответил коротко и ясно: «После принятия решения я не возражал против проекта». В связи с дальнейшими вопросами обвинителя Оппенгеймер разъяснил, что действительно он не выехал повторно в Лос-Аламос, однако, как председатель Объединенного консультативного комитета, косвенно принимал участие в работах над водородным оружием. Он категорически отверг обвинение в том, что пытался убедить некоторых выдающихся ученых отказаться от работ над производством водородной бомбы.

Возвращаясь через несколько лет к решению Объединенного консультативного комитета в октябре 1949 года (когда комитет под его председательством высказался против производства водородного оружия), Оппенгеймер заявил:

«Я считаю сегодня бесцельной спекуляцией рассуждения на тему, как бы мы поступили, если бы технические возможности были в то время выше, более приближены к уровню, которого мы достигли позже. Мое суждение сводится к тому, что если перед вами возникает технически интересная проблема, то вы стремитесь к ее решению, не раздумывая о том, что будет с этим потом. Так было и с атомной бомбой. Не помню, чтобы кто-нибудь выступал против нее. Когда она уже стала свершившимся фактом, происходили дебаты, что с ней делать. Не представляю себе, чтобы тон нашего рапорта (то есть решения в октябре 1949 г. — Г. Я.) был таким же, как если бы мы в конце 1949 года знали то, что узнали в 1951 году».

Последние слова относятся к тому, что в 1951 году Эдвард Теллер выдвинул некоторые новые концепции, которые дали возможность создать водородную бомбу. В связи с этим стоит привести слова тогдашнего председателя Комиссии по атомной энергии Гордона Дина, который описывает секретное совещание группы выдающихся ученых в июле 1951 года в кабинете Оппенгеймера в Принстоне. На этом совещании Теллер изложил свои новые проекты.

«Когда я покидал совещание, — вспоминает Гордон Дин, — у меня сложилось впечатление, что каждый из присутствующих, без исключения, радуется тому, что в конце было найдено позитивное решение... Прекратились взаимные колкости, пожалуй, впервые план вызвал ис-

креннее воодушевление. Дискуссия дала положительный результат: менее чем за год можно будет произвести этот «приборчик». Оппенгеймер председательствовал на совещании, принимал в нем активное участие и покинул его в приподнятом настроении. Когда я потом с ним разговаривал, он казался мне попросту обрадованным и взволнованным надеждой, что, наконец, будет создано что-то, что будет функционировать».

Если верить Дину — а нет оснований ему не верить, — оказывается, что Оппенгеймера, скорее, можно обвинить в чрезмерном восторге, который он испытывал перед водородной бомбой, нежели в саботаже ее производства. Однако его обвинители представили дело иначе.

Маккарти

Я был в США летом 1948 и 1949 года, незадолго до того, как звезда Маккарти засияла на политическом небосклоне. Никто, кроме небольшой группы профессиональных политиков и его родного штата Висконсин, еще не знал его фамилии; печать еще не публиковала отчетов о его выступлениях, и сам Маккарти, пожалуй, даже в самых смелых снах не мечтал о роли, которую ему было суждено сыграть в ближайшее время.

Но уже была подготовлена почва для выступления этого провинциального и ограниченного, если не сказать глупого, политика, оказавшегося одним из величайших демагогов нашего времени. Этой почвой стала продолжавшаяся уже несколько лет «охота за ведьмами», начатая пресловутой Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности и другими подобными учреждениями. Новоявленными ведьмами, на которых началась облава, были «коммунисты». Кавычки тут необходимы, так как это были чаще коммунисты мнимые, нежели настоящие.

Во время моего пребывания в США там проходил нашумевший «процесс 12-ти» — расправа с руководителями Коммунистической партии, которым было предъявлено вздорное обвинение в том, что они хотели с помощью насилия захватить власть в Соединенных Штатах. В это время начался процесс Элджера Хисса, который станет героем последней части этой книги. В это же время Ко-

миссия по расследованию антиамериканской деятельности часто возобновляла свои «прослушивания», во время которых безуспешно вынюхивала «коммунистов» и «шпионов».

Печать и радио (телевидение делало еще только первые шаги) создавали атмосферу истерии, которая была составной частью «холодной войны», начатой в то время США против Советского Союза. В этой атмосфере средний американец был склонен поверить, что его родина находится под угрозой «красных». В этой атмосфере должен был появиться демагог, который довел бы до совершенства — а вместе с тем и до абсурда — методы охоты на «красных».

Еще раз я приехал в США в 1956 году, вскоре после того, как Маккарти, осужденный сенатом и скомпрометированный в общественном мнении, сошел с политической арены и спустя несколько месяцев умер от пьянства. Если в 1948 и 1949 годах я мог наблюдать зарождение маккартизма, американской разновидности фашизма, то теперь видел его последствия.

В политических, журналистских и в кругах творческой интеллигенции не было человека, который бы так или иначе не столкнулся с проявлением маккартизма. Профессора высших учебных заведений, писатели и художники, которых Маккарти травил с особым ожесточением, с ужасом говорили о недавних годах, когда фашиствующий сенатор навязывал свою волю президентам, конгрессу и другим американским властям. Рассказывали о многих жертвах самого Маккарти и его последователей, бравших пример со своего учителя. В качестве примера указывали на профессора Оппенгеймера, который дал США атомную бомбу, а в годы маккартизма оказался на скамье подсудимых как «предатель родины»...

Головокружительная политическая карьера сенатора Джозефа Р. Маккарти, которого в Вашингтоне всюду называли «Джо», была очень короткой. Она началась в феврале 1950 года, когда он выступил с сенсационным заявлением, что в государственном департаменте работает много коммунистов, и бесславно кончилась в конце 1954 года, когда сенат большинством голосов принял резолюцию, осуждавшую Маккарти. В течение почти пяти лет демагог из Висконсина хозяйничал в Вашингтоне, обвинял сотни ни в чем не повинных людей, всюду выискивал «коммунистов», терроризировал министров, сена-

торов и военное командование, если они не были ему послушны, шантажировал политиков и журналистов, если они отваживались его критиковать, и не без успеха толкал Соединенные Штаты на путь фашизма, вопреки многолетним демократическим традициям этого государства.

Американский публицист Ричард Ровер, вашингтонский корреспондент еженедельника «Нью-Йоркер», пишет в своей интересной книге «Сенатор Джо Маккарти»:

«Два президента были его пленниками — в той мере, в какой кто-либо из президентов Соединенных Штатов когда-либо был пленником. Руководя делами нации, Гарри Трумэн и Дуайт Эйзенхауэр с начала 1950 года и до конца 1954 года никогда не могли действовать, не взвесив предварительно, какое впечатление произведут их намерения на Маккарти и на силы, стоящие за ним. В результате зачастую они вообще не могли действовать. Этот человек имел огромное влияние на американскую внешнюю политику в то время, когда эта политика играла большую роль в формировании мировой истории. Американская дипломатия имела бы теперь, может быть, другое лицо, если бы не существовал Маккарти».

Слова эти, написанные в 1959 году, отнюдь не потеряли актуальности. Критики вьетнамской политики президента Джонсона в 1967—1968 годах, ссылаясь на эпоху Маккарти, вспоминали о его влиянии на внешнюю политику и предостерегали от применения маккартистских методов по отношению к противникам агрессии во Вьетнаме.

Ровер приводит данные, показывающие, какие глубокие корни пустил Маккарти в американском обществе. В январе 1954 года, когда каждый американец уже хорошо знал его фамилию и его дела, Институт Гэллапа проводил опрос общественного мнения о сенаторе. Был получен следующий результат: 50% опрошенных американцев ответили, что они имеют о Маккарти «положительное мнение» и считают его деятельность полезной для страны; 29% имел «отрицательное мнение»; 21% уклонился от высказывания своего мнения. Ровер добавляет: «На оппозицию, состоящую только из 29% (общества), не очень-то можно было рассчитывать, и не удивительно, что современники его боялись...».

Когда в начале 1950 года Маккарти выплыл на широкие воды американской политики, ему было 42 года. Он

уже несколько лет был сенатором и мог похвастаться большой общественной деятельностью в качестве судьи накануне войны, офицера — во время войны, а потом профессионального политика. Маккарти, однако, не очень охотно говорил о своем прошлом, а если и говорил, то подтасовывая и извращая факты, пытаясь скрыть то, что не очень подходило для публикации. А таких фактов было достаточно, так как кандидат в руководители американского народа и «безупречный рыцарь» борьбы с коммунизмом был, как оказалось, обыкновенным мошенником, аферистом и пьяницей.

Два американских журналиста Джек Андерсон и Рональд Мэй еще при жизни Маккарти взяли на себя труд подробно изучить его биографию. В результате появилась книга «Маккарти. Человек. Сенатор. Маккартизм». Книга была издана и в Англии. Английское издание сопровождалось предисловием, в котором Маккарти как «мастер пропаганды» сравнивался с Геббельсом и в котором утверждалось, что, «по мнению многих людей, он является наиболее опасным человеком, который когда-либо рождался в Америке». Заслуга авторов книги состоит в том, что они собрали материалы, разоблачившие Маккарти. Характерным для тогдашних США (а может, и не только для тогдашних?) было то, что авторы неоднократно подчеркивали свою враждебность коммунизму и Советскому Союзу, чтобы никто, а особенно Маккарти, не мог сомневаться в их политических взглядах.

Как следует из этой книги, Маккарти начинал политическую карьеру перед второй мировой войной в качестве деятеля демократической партии в штате Висконсин, чтобы через несколько лет переметнуться в республиканскую партию, где перед ним открывались более широкие перспективы. Не будем предъявлять к нему претензии — разница между обеими американскими партиями была минимальной, а временами они ничем не отличались. Хуже то, что обман и демагогия были средствами его карьеры с самого начала.

После поражения на выборах на должность районного прокурора в 1936 году Маккарти в 1939 году выдвинул свою кандидатуру на пост районного судьи в штате Висконсин (в США эти должности являются выборными). Его противником был прежний судья этого округа, человек пожилой и заслуженный. Маккарти проводил избирательную кампанию, ссылаясь на то, что прежний

судья — человек старый, прибавлял ему день ото дня лишние годы и пользовался другими демагогичными приемами. Эти методы оказались успешными. Маккарти выиграл выборы и стал судьей.

Как судья он отличался, мягко говоря, полным пренебрежением к законам. Он специализировался на предоставлении легких и быстрых разводов — в некоторых случаях буквально в судебных коридорах. По трудному гражданскому делу он вынес приговор, не совместимый с законом, а когда потерпевшая сторона обратилась в Верховный суд, оказалось, что Маккарти изъял из дела самую важную часть протокола. Верховный суд не скупился на критику в его адрес.

В это время Соединенные Штаты, подвергшиеся нападению Японии, вступили во вторую мировую войну. Маккарти пошел на военную службу, правильно предвидя, что это ему пригодится в политической карьере. Поскольку он позже часто ссыался на свой героизм во время войны, авторы вышеупомянутой книги сопоставили бахвальство с действительным ходом его военной службы. Оказалось, что Маккарти лжет от начала до конца. Он много рассказывал о своей роли стрелка в бомбардировщике. В действительности он был офицером разведки, сидел за столом и записывал показания пилотов. Он подробно рассказывал, как был тяжело ранен в бою. Он действительно был ранен, однако во время попойки по случаю перехода через экватор (Маккарти служил на Тихом океане). Маккарти так много говорил о своих боевых заслугах, с годами преувеличивая их все больше и больше, что в 1952 году получил один из самых высших американских военных орденов, хотя для этого не было никаких оснований.

Вранье и бахвальство по поводу военной службы облегчили Маккарти проведение избирательной кампании и получение в 1946 году мандата сенатора от штата Висконсин. В свою очередь, пост сенатора дал ему возможность вести различные подозрительные финансовые махинации и получать — назовем вещи своими именами — взятки. Так, например, Андерсон и Мэй подробно рассказывают, как Маккарти получил от фирмы «Ластрон» 10 тыс. долл. в виде гонорара за якобы написанную им статью. Сенатор отблагодарил фирму, защищая ее интересы в Вашингтоне. Концерн «Пепси-Кола» (конкурент «Кока-Кола») также не скупился на деньги для

Маккарти, который так энергично действовал в пользу концерна, что его называли в Вашингтоне в то время «парень Pepsi-Колы». Но все это было перед началом его большой карьеры, когда в сенате еще не боялись шутить с ним.

Следует вспомнить еще об одном, по меньшей мере странном, деле с участием Маккарти. Оно связано с так называемой резней в Мальмеди, во время которой — дело происходило в конце 1944 года в Бельгии — отряд СС истребил 150 американских пленных и 100 бельгийцев. После окончания военных действий гитлеровцы из бригады СС предстали перед американским судом, который 43 человека из числа обвиняемых приговорил к смертной казни. Их защитники из Западной Германии развернули в Соединенных Штатах кампанию за пересмотр приговора, ссылаясь на то, что гитлеровцев якобы подвергали пыткам и только после пыток они признали свою вину. Дело тянулось, пока не попало в 1949 году на рассмотрение сената. Маккарти проявил тогда огромную активность, выступив, пожалуй, в довольно неожиданной роли представителя гитлеровцев из Мальмеди. Можно предполагать, что он и на этот раз действовал небескорыстно...

Таким было прошлое сенатора Маккарти, когда в феврале 1950 года он начал великий крестовый поход «против коммунистов в американском правительстве». 9 февраля 1950 г. в маленьком городе Уилинг, в штате Западная Виргиния, он произнес речь, вошедшую в историю Соединенных Штатов. В ходе своего выступления сенатор заявил: «У меня в руке список из 205 фамилий. Это список людей, о которых сообщено государственно-му секретарю как о членах Коммунистической партии. Несмотря на это, подобные лица по-прежнему работают в государственном департаменте и формируют его политику...». На следующий день Маккарти произнес аналогичную речь в Денвере, а днем позже повторил ее в Солт-Лейк-Сити, хотя говорил на этот раз о 57 членах Коммунистической партии.

Выступления сенатора, вполне понятно, стали сенсацией, тотчас же подхваченной прессой. Его предшественники из Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности и подобных организаций довольствовались до сих пор менее значительными «ведьмами». За небольшим исключением, они преследовали как коммунистов

людей, занимавших относительно второстепенные должности. Объектами их атак были зачастую работники кино, писатели и художники. Но никому до сих пор и в голову не приходило начать охоту в стенах государственного департамента — учреждения, сотрудники которого в годы «холодной войны» много раз проверялись и перепроверялись тайной полицией (ФБР), разведкой (ЦРУ) и различными административными комиссиями.

Маккарти эта мысль пришла в голову, и его заявление всколыхнуло американское общество, легковверное и готовое, особенно в те годы, поверить в любой вздор, если только он имел патриотическую окраску. А что могло иметь более патриотический привкус, как не оборона родины от «коммунистов» и «изменников», занимавших к тому же высокие посты в Вашингтоне?!

Когда Маккарти вернулся в Вашингтон из поездки по разным штатам и когда его сенсационные обвинения получили в печати достаточную огласку, от него потребовали представить в сенат более подробную информацию и доказательства того, что в государственном департаменте действительно работают коммунисты. Маккарти только того и ждал. 20 февраля 1950 г. он взял слово на пленарном заседании сената и в течение шести часов издавал вопли, рядясь в тогу защитника родины. Ровер назвал это выступление «самым идиотским спектаклем» в истории Вашингтона.

На этот раз Маккарти, держа в руке толстую папку и жонглируя все новыми документами, говорил о 81 коммунисте в госдепартаменте. Когда его спросили, почему, выступая в провинции, он называл числа 205 и 57, сенатор ничуть не смутился и ответил, что его слова были ошибочно процитированы. Этот метод отпираться от своих слов постоянно потом использовался Маккарти. Впрочем, список из 81 коммуниста — сотрудника госдепартамента, которых он перечислил не по фамилиям, а по порядковым номерам, был, по меньшей мере, оригинальным.

Как выяснилось, некоторые лица в списке вообще не имели отношения к государственному департаменту, а работали в Организации Объединенных Наций, другие — повторялись, третьи — являлись сотрудниками «Голоса Америки», который позднее также стал очередной целью атак Маккарти. Самым интересным был

номер 72. Из слов Маккарти следовало, что лицо, названное под этим номером, никогда не работало в госдепартаменте и, кроме того, было охарактеризовано им как «враг коммунистов». Однако этот человек был включен в список коммунистов государственного департамента.

Несмотря на очевидную абсурдность обвинений Маккарти и отсутствие каких-либо доказательств в их поддержку, сенат счел нужным создать специальную комиссию из пяти человек, которой поручил детальное расследование, действительно ли в государственном департаменте работают личности, «нелояльные в отношении Соединенных Штатов». Комиссию возглавил сенатор Милард Тайдингс от штата Мэриленд, один из наиболее реакционных членов сената, с которым в свое время как с врагом «нового курса» боролся Рузвельт.

Комиссия Тайдингса работала с февраля по июль 1950 года, пытаясь получить от Маккарти доказательства его обвинений, заслушивая свидетелей и собирая документы. Сам Маккарти не был склонен сотрудничать с комиссией. Его целью было — максимальная реклама в печати, раздувание безудержной истерии и запугивание всего общества. Он относительно легко достиг этой цели, хотя и не представил комиссии Тайдингса никаких доказательств и даже уклонялся от присутствия на ее заседаниях.

Спустя несколько месяцев сенатор Тайдингс огласил отчет комиссии, в котором утверждал, что Маккарти попросту обманул сенат и не смог привести никаких доказательств в поддержку своих обвинений. Маккарти предвидел, что дело примет такой оборот, и заранее подготовил линию защиты. Он заявил, что сенатор Тайдингс «открывает зеленый свет коммунистам», и начал на него стремительную атаку.

В ноябре 1950 года проходили выборы в конгресс. Как раз в это время кончился 6-летний срок полномочий Тайдингса, который решил добиваться нового мандата. Маккарти развил огромную активность в штате Мэриленд. Его ставленники принимали активное участие в избирательной кампании, обвиняя реакционера Тайдингса в «снисходительности к коммунистам». В это время Маккарти имел уже такое большое влияние, что кампания против Тайдингса оказалась успешной. Тайдингс проиграл выборы. Маккарти удалось добиться того, чего

не смог добиться Рузвельт. Разница была в том, что Маккарти нападал на Тайдингса с фашистских позиций, тогда как Рузвельт боролся с ним с либеральных позиций.

Метод, успешно использованный в борьбе с Тайдингом, Маккарти неоднократно применял впоследствии. Каждого, кто выступал против него или осмеливался его критиковать, Маккарти объявлял коммунистом или симпатизирующим коммунистам. Таким способом он очернял политиков, пытавшихся разоблачать его многочисленные измышления, таким способом клеймил тех мужественных журналистов, которые пробовали опровергать его инсинуации. А в США тех лет настроения были таковы, что общественность больше верила Маккарти, чем его критикам. Осенью 1951 года сенатор Уильям Бентон от штата Коннектикут огласил в сенате проект резолюции, осуждавший Маккарти. Во время выборов в 1952 году Маккарти вновь получил мандат, в то время как Бентон выборы проиграл...

Можно написать целые тома — и в США они написаны — об очередных действиях Маккарти, внешне направленных против коммунистов, а в действительности имевших целью запугать общественность. Ниже мы приведем лишь несколько примеров. При этом надо отметить, что Маккарти отнюдь не ограничивался нападками на членов демократической партии. Он был настолько «объективен», а вернее бесстыден, что выступал также против своих коллег из республиканской партии, если это отвечало его целям.

Среди наиболее известных жертв Маккарти можно назвать профессора Филипа С. Джессапа. Сегодня его имя забыто. В те годы Джессап неоднократно выступал в Организации Объединенных Наций как представитель Соединенных Штатов. Его выступления были выдержаны в тоне «холодной войны» и яростных нападок на Советский Союз. Советская пресса со своей стороны тоже не раз остро критиковала Джессапа.

Это не помешало Маккарти выступить с обвинением, что Джессап «провозглашает лозунги Коммунистической партии» и сотрудничает с американской коммунистической газетой «Дейли уоркер» и советской газетой «Известия»... В подтверждение обвинений Маккарти назвал пять якобы коммунистических организаций, к которым принадлежит Джессап. При проверке оказалось, что

либо Джессап не принадлежит к этим организациям, либо они не являются коммунистическими.

Осенью 1951 года президент Трумэн обратился к сенату, чтобы тот, в соответствии с американским законодательством, утвердил кандидатуру профессора Джессапа на пост представителя Соединенных Штатов в Организации Объединенных Наций. Маккарти произнес 10-часовую речь в подкомиссии сената, которая уже расследовала дело, выдвинув новые обвинения против Джессапа. В его защиту выступили несколько известных политиков, например сенатор Уильям Фулбрайт. Сам Джессап предъявил письма генерала Джорджа Маршалла и генерала Эйзенхауэра (тогда еще не президента), содержавшие похвалы в адрес профессора. Однако подкомиссия сената уступила Маккарти и большинством в три голоса против двух отклонила кандидатуру Джессапа.

Маккарти, конечно же, точно знал, что Джессап не коммунист и обвинение является вымышленным. И если он на него нападал, то по двум причинам: во-первых, потому, что подобное сенсационное обвинение обеспечило огромную и бесплатную рекламу на первых страницах газет; во-вторых, потому, что нападки на такую известную личность, как профессор Джессап, создавали в обществе впечатление всемогущества Маккарти. Это, в свою очередь, открывало перед ним новые перспективы: он завоевывал новых сторонников и увеличивал свои финансовые возможности. В это время Маккарти уже серьезно задумывался над возможностью выдвижения своей кандидатуры на пост президента Соединенных Штатов.

Одним из объектов нападок Маккарти стал профессор Оуэн Лэттимор, считавшийся в США выдающимся знатоком Дальнего Востока. В 1941—1942 годах Лэттимор был личным политическим советником Чан Кай-ши в Китае, а позже не раз привлекался различными американскими учреждениями и институтами в качестве эксперта по делам Азии. Однако он никогда не работал в государственном департаменте. Это отнюдь не помешало Маккарти выступить с обвинением, что именно Лэттимор является главным, то есть «наиболее опасным», коммунистом в госдепартаменте.

К своему несчастью, Лэттимор не скрывал своих либеральных взглядов, а также своего критического отно-

шения к политике Соединенных Штатов в Азии. Этого было достаточно, чтобы обвинения Маккарти в его адрес приобрели черты некоторого правдоподобия и чтобы профессора в течение нескольких лет вызывали как обвиняемого в разные комиссии сената и даже судебные инстанции. Его дело было полностью прекращено только в 1955 году, то есть с концом политической карьеры Маккарти. Как пишет Ровер, «Лэттимор не был шпионом, не был работником государственного департамента и не был коммунистом». Однако он был в течение пяти лет жертвой Маккарти.

С травлей Лэттимора связан характерный инцидент. На заседании сената Маккарти зачитывал выдержки из письма, написанного якобы самим профессором. Видя изумление на лицах присутствующих, он заявил, что может показать им содержание письма. Неожиданно и вопреки обычаям сената Герберт Лэмен, престарелый сенатор от Нью-Йорка, заявил, что он хочет познакомиться с письмом, встал со своего места и приблизился к Маккарти. Тот быстро спрятал документ, который зачитывал, отказавшись его показывать. Вскоре выяснилось, что у Маккарти не было никакого письма Лэттимора, что такого письма вообще не существовало, а цитировавшиеся выдержки были попросту вымышленными.

Это не помешало карьере Маккарти, который завоевывал все большее число сторонников и все больше денег. Не помешали ему — до поры до времени — и голословные обвинения широко известных американских деятелей. Так, в июне 1951 года Маккарти бешено атаковал генерала Джорджа Маршалла (автора «плана Маршалла»), одного из творцов антисоветской политики Вашингтона в годы «холодной войны». Маккарти обвинял его в «сговоре с коммунистическими врагами» и засыпал грубостями, вроде «изменник», «руки в крови» и т. д. Генерал Маршалл не счел достойным отвечать на бредни Маккарти, однако через несколько месяцев ушел с поста министра.

Маккарти неоднократно выступал также против государственного секретаря Дина Ачесона, обвиняя его в «измене», сотрудничестве с коммунистами либо в укрытии коммунистов в государственном департаменте. В действительности Ачесон, который был министром иностранных дел в 1949—1953 годах, занимал непримиримую антисоветскую позицию и в значительной мере

способствовал усилению международной напряженности. Следует подчеркнуть еще раз: у Маккарти не могло быть никаких сомнений в лояльности Ачесона и генерала Маршалла, но, нападая на них, он обеспечивал себе надежную рекламу и приобретал популярность как непримиримый враг коммунистов и защитник отчизны.

В начале 1953 года в Белый дом пришел президент Эйзенхауэр, к власти — республиканская партия — партия Маккарти. Но отношения Маккарти с новым президентом не были наилучшими. Два года назад, нападая на генерала Маршалла, Маккарти неоднократно упоминал, что Эйзенхауэр близко сотрудничал с Маршаллом и принимал участие в его «изменнических планах». Во время избирательной кампании осенью 1952 года Маккарти сопровождал Эйзенхауэра в его поездке в штат Висконсин — так предписывала партийная дисциплина. Однако сближения между ними не произошло. Эйзенхауэр был ограниченным, но по-своему порядочным человеком, в то время как Маккарти был гораздо более ловким, но в то же время лицемерным и совершенно бесчестным человеком. Они не нашли общего языка.

В связи с победой республиканской партии на выборах (сам Маккарти второй раз получил мандат сенатора, хотя победил противника небольшим числом голосов) произошли изменения на постах председателей комиссий сената. Перед Маккарти открылись новые возможности. Он начал 1953 год с того, что привлек к работе двух новых сотрудников, не предвидя, конечно, что они станут невольными виновниками его падения. Это были Рой Кон и Дэвид Шайн, которые, несмотря на молодость, имели уже некоторый стаж в «борьбе с коммунизмом».

По их совету Маккарти начал политический сезон с преследования коммунистов в «Голосе Америки». Расследование проводили Кон и Шайн в штаб-квартире «Голоса Америки» в Нью-Йорке, что облегчило рекламу этого мероприятия в печати, по радио и по телевидению. Рекламы во вкусе Маккарти было достаточно, однако коммунистов в «Голосе Америки» найти не удалось, поэтому через несколько месяцев расследование было прекращено.

В это время Кон и Шайн по поручению Маккарти выехали в Западную Европу, и там трагедия маккартизма предстала опереткой. Оба «знатока коммунизма» с не-

обычайной поспешностью переносились на самолетах из одной столицы в другую. В Париже они находились 40 часов, в Бонне — только 16, а в Лондоне — уже всего 6. Кроме того, они успели побывать в Мюнхене и Франкфурте, Вене, Афинах и Риме. Всюду они посещали американские дипломатические представительства, всюду они интересовались американскими библиотеками и всюду созывали пресс-конференции, во время которых информировали, как и где они обнаружили коммунистов или коммунистическую литературу. Западноевропейская печать красочно, пожалуй, даже в сатирическом тоне описывала путешествие «вашингтонского дуэта».

Вскоре после возвращения в США, летом 1953 года, Шайн был призван на военную службу. Начался конфликт Маккарти с армией, который и явился концом его карьеры. Спор был вызван требованием Кона, которое поддержал Маккарти, чтобы Шайн сразу получил офицерские погоны. Американское командование отвергло требование, как несовместимое с уставными положениями. Кон потребовал тогда других привилегий для Шайна и снова получил отказ. В результате Маккарти начал ряд расследований против некоторых военных, пытаясь обнаружить «коммунистическую инфильтрацию в вооруженные силы».

Весной 1954 года в сенате началось рассмотрение спора Маккарти с армией. Оно продолжалось 35 дней. Телевизионные станции отвели на передачи с заседаний комиссии сената 187 часов. К несчастью для Маккарти, к тому времени телевидение в Соединенных Штатах уже получило большое развитие, и около 20 млн. человек могли видеть на телевизионных экранах его самого, его свидетелей и наблюдать за их попытками запугать высокопоставленных офицеров. На этот раз представители армии приступили к фронтальной атаке на Маккарти, разоблачая его ложь, демагогию и шантаж.

Результат для Маккарти был роковым. Американское общество убедилось, что еще вчера популярный кандидат в вожди является попросту вралем и аферистом. Политической карьере Маккарти, собственно говоря, был положен конец. В конце июля 1954 года сенатор Ральф Флэндерс внес предложение объявить Маккарти выговор за его поведение, не совместимое с достоинством члена сената. Большинством в 75 голосов против 12 сенат принял решение о создании специальной ко-

миссии, которой поручил расследовать обвинения против Маккарти. Комиссия работала несколько месяцев. Маккарти защищался, нападал на обвинителей и, конечно, обвинял их в том, что они являются тайными коммунистами... Когда, наконец, дело вернулось в сенат, 2 декабря 1954 г. большинством в 67 голосов против 22 было принято решение, осуждавшее Маккарти.

Выговор сената был равнозначен политической смерти Маккарти. Вскоре настала и его физическая смерть. После выговора он начал пьянствовать, к чему уже давно имел пристрастие. В мае 1957 года Маккарти умер от цирроза печени. Болезнь была следствием алкоголизма. Когда Маккарти умирал, Соединенные Штаты уже выбирались из мглы маккартизма, который в течение нескольких лет отягощал жизнь страны, оказывая влияние на решения высших властей и терроризируя десятки тысяч граждан.

Каким же образом мошенник и демагог типа Маккарти приобрел большое влияние в государстве, имеющем многолетние демократические традиции? Исчерпывающий ответ на этот вопрос выходит за рамки книги. Однако хочется обратить внимание на несколько обстоятельств, которыми объясняется успех Маккарти.

Во-первых, как уже о том говорилось, он ловко использовал существующую политическую атмосферу «холодной войны» и преследования коммунистов.

Во-вторых, в самом начале своей карьеры он встретил поддержку крайне правых американских кругов, которые всячески поощряли его, финансируя его кампании, расследования, многочисленных сотрудников, агентов и информаторов. Это были те самые крайне правые круги, которые в 1963 году организовали покушение на президента Кеннеди, те самые круги, которые в 1964 году рекламировали кандидатуру фашиствующего сенатора Голдуотера в президенты.

В-третьих, Маккарти несомненно пользовался актами и материалами тайной полиции (ФБР), которая давала ему возможность выискивать очередные жертвы и доносить на них как на коммунистов. Как пишет Ричард Ровер в цитируемой выше книге «Сенатор Джо Маккарти», ФБР «было ведомством, тесно связанным с самыми неприглядными махинациями, а директор ФБР Эдгар Гувер лучше, чем кто-либо, знал о мошенничествах Маккарти и был единственным человеком, который

мог в любую минуту противопоставить свою репутацию репутации Маккарти». Гувер этого не сделал.

В-четвертых, Маккарти пользовался помощью почти всей американской прессы. Некоторые газеты и отдельные видные публицисты критиковали его (подвергая себя опасности быть объявленными коммунистами), но подавляющее большинство газет, ссылаясь на обязанность информировать читателей, публиковало в течение почти пяти лет самые неправдоподобные обвинения Маккарти и популяризировало его фашистские взгляды.

Если бы не поддержка влиятельных американских кругов, если бы не их деньги, если бы не содействие ФБР и прессы, Маккарти не добился бы многого. К концу его карьеры оказалось, как легко было проколоть раздутый шар его лжи и демагогии. Достаточно было компетентным кругам американской правящей элиты принять решение ликвидировать Маккарти, и в течение нескольких месяцев ему был вынесен политический смертный приговор.

Внимательный читатель несомненно заметил хронологическое совпадение между карьерой Маккарти и преследованием Оппенгеймера. 1953 год был кульминационной точкой маккартизма, и именно в конце этого года Оппенгеймеру было предъявлено обвинение. Когда весной 1954 года началось административное разбирательство дела ученого, Маккарти уже начал катиться по наклонной плоскости. Оппенгеймер был одной из последних жертв маккартизма.

Бунт ученых

Лео Сциллард, один из самых выдающихся физиков-атомников, американец венгерского происхождения, написал маленький томик рассказов «Голос дельфинов». Собственно говоря, это размышления о человечестве в атомную эпоху. Среди этих остроумных трагических рассказов выделяется «Донесение с Гранд Сентрал Томинал», написанный еще в 1948 году.

Это рассказ о посланниках далекой звезды, которые после 10-летнего путешествия в межзвездном пространстве прибывают на Землю. Они приземляются в боль-

шом американском городе, находят много прекрасных зданий, среди них вокзал «Гранд Централ Томинл», и устанавливают, что жизнь на Земле полностью прекратилась. Один из пришельцев говорит, что пять лет назад он наблюдал на Земле загадочные взрывы, и высказывает предположение, что это были урановые взрывы, которые уничтожили все живое на этой планете.

Другой пришелец возражает ему:

«Это абсолютно неправдоподобно, поскольку уран сам по себе не является взрывчатым веществом, а для того, чтобы он мог взорваться, необходима очень сложная его обработка. И если жители Земли построили все эти города, они были разумными существами, а значит, трудно поверить, чтобы они приложили столько труда и преобразовали уран исключительно для самоуничтожения...».

Глубокий пессимизм Сцилларда имел свои корни. Сциллард был одним из тех ученых, который раньше других понял, что уран и другие радиоактивные элементы могут быть использованы в качестве опасного оружия. Он содействовал тому, чтобы Альберт Эйнштейн подписал знаменитое письмо к президенту Рузвельту. Это письмо стало отправной точкой в истории создания Соединенными Штатами атомного оружия. Несколько лет спустя Сциллард стал предостерегать, но безуспешно, от политических и военных последствий ядерного оружия и призывать, но безуспешно, к отказу от гонки ядерных вооружений.

Профессор Лео Сциллард родился в Венгрии в 1898 году. После военной службы в австро-венгерской армии он возненавидел милитаризм и многие годы спустя говорил, что считает своим хобби борьбу с «военной тупостью». Из хортистской Венгрии он эмигрировал в Берлин, где под руководством Эйнштейна и других выдающихся ученых изучал теоретическую физику. После прихода Гитлера к власти он перебрался в Вену, откуда потом выехал в Англию, чтобы наконец осесть в Соединенных Штатах, приняв американское гражданство.

«В октябре 1933 года, — рассказывает Сциллард, — мне пришла в голову мысль, что можно вызвать цепную реакцию, если бы удалось найти такой элемент, который, поглотив один нейтрон, выделил бы два нейтрона. Сначала я подумал о бериллии, потом о других элементах, в том числе и об уране...»

Но Сцилларда уже начала беспокоить мысль, какие выгоды извлекут политики и военные в связи с получением атомной энергии. Поэтому еще в 1935 году он обратился к ряду ученых-атомников с предложением не оглашать — по крайней мере временно — результаты своих исследований, так как они могут быть потенциально опасными. Ученые, отстаивавшие идею свободы науки, заинтересованные в публикации достигнутых результатов, отвергли предложение Сцилларда, считая его, по меньшей мере, преждевременным.

В 1939 году, когда над миром стали собираться тучи войны, Сциллард вернулся к идее, что ученые-атомники должны добровольно отказаться от публикаций результатов своих исследований. Его пугала возможность того, что Гитлер первым воспользуется этими результатами и получит в свое распоряжение атомное оружие. Сциллард обратился с проектом о добровольной цензуре к профессору Энрико Ферми, итальянцу, который в знак протеста против фашизма эмигрировал в США. Ферми не пришел в восторг от этого проекта: ведь он только что бежал из страны, в которой цензура, парализовавшая свободу научных исследований, была обязательной. Лишь несколько физиков-атомников поддержали проект Сцилларда.

Однако он не отказался от своего замысла, опасаясь, что Гитлер получит в свои руки атомное оружие. В феврале 1939 года он написал Фредерику Жолио-Кюри, работы которого также указывали на возможность расщепления ядра урана. Сциллард делал отсюда вывод, что открытие цепной реакции близко, «а это может при определенных обстоятельствах привести к созданию чрезвычайно опасных бомб, которые станут необычайно грозной силой в руках некоторых правительств». В заключение письма Сциллард обещал позвонить Жолио-Кюри по телефону, если соглашение о добровольном засекречивании результатов атомных исследований будет достигнуто.

Исторический парадокс заключался в том, что Жолио-Кюри, который после войны возглавил Движение сторонников мира и страстно выступал против гонки атомных вооружений, не отнесся серьезно к предложению Сцилларда. Он сам был близок к достижению цепной реакции и не хотел, чтобы его кто-то опередил. На письмо Сцилларда он не ответил вообще, а к телеграмме, прислан-

ной первого апреля, отнесся как к первоапрельской шутке... В связи с неудачами в Европе американские коллеги Сцилларда также отказались поддерживать его проект о самоцензуре.

В такой ситуации Сциллард и другие профессора, которые опасались, что атомное оружие попадет в руки Гитлера, решили заинтересовать этой проблемой американское правительство. Не имея непосредственного доступа в правительственные круги, они воспользовались помощью Альберта Эйнштейна, который подписал направленное президенту Рузвельту письмо, касавшееся этого вопроса. Александр Сакс, советник Рузвельта, передававший президенту письмо Эйнштейна, вспоминал позже: «Эйнштейн был нужен нам только в качестве нимба святости вокруг головы Сцилларда, который в то время в нашей стране был почти неизвестен».

Когда в Лос-Аламосе начались подготовительные работы к производству атомной бомбы, Лео Сциллард принимал в них активное участие. Генерал Гровс признавал: «Если бы не упорная работа Сцилларда в первые годы войны, мы никогда не имели бы атомной бомбы». Однако капризный и независимый в своем мышлении и поведении ученый, наверное, сильно досаждал военному руководителю «Манхэттенского проекта», если Гровс добавил к этому: «Но если уж дело закрутилось, то я был бы не против, чтобы он провалился сквозь землю».

Поэтому не удивительно, что весной 1945 года, когда работа в Лос-Аламосе уже приближалась к завершению, Сциллард первым обратил внимание на опасные политические последствия атомного оружия.

«Весь 1943 и отчасти 1944 год,— писал он впоследствии,— нас преследовал страх, что немцам удастся сделать атомную бомбу раньше, чем мы высадимся в Европе... Но когда в 1945 году нас избавили от этого страха, мы с ужасом стали думать, какие же еще опасные планы строит американское правительство, направленные уже против других стран».

Сциллард решил еще раз воспользоваться помощью Эйнштейна и, прибегнув к его посредничеству, предостеречь президента Рузвельта от опасности гонки атомных вооружений, которую могли начать Соединенные Штаты. Эйнштейн снова охотно подписал письмо, подготовленное Сциллардом. К сожалению, это письмо не было прочитано Рузвельтом и было найдено нераспечатанным на

его столе 12 апреля 1945 г., в день его смерти. Сциллард пробовал обратиться к преемнику Рузвельта, президенту Трумэну, но это ему не удалось.

Вскоре после того, как Трумэн приступил к исполнению своих обязанностей, он создал специальную комиссию, которая должна была вынести решение относительно возможности использования атомного оружия. В состав комиссии входили политические деятели и несколько ученых, в том числе и Оппенгеймер. Комиссия высказалась за то, чтобы сбросить атомную бомбу на Японию, причем без предупреждения. Когда об этом стало известно в атомных центрах Лос-Аламоса, Ок-Риджа и Чикаго, среди ученых началось волнение. Многие из них, в особенности молодые научные работники, считали, что атомная бомба, сброшенная на Японию, послужит началом гонки атомных вооружений.

В Чикагском университете ученые создали комиссию из семи человек, которой поручили подготовить подробный доклад «о социальных и политических проблемах, связанных с атомной энергией». Комиссией руководил лауреат Нобелевской премии Джеймс Франк. Одним из основных авторов документа, представленного 11 июня 1945 г. в Вашингтон, был Лео Сциллард. Семеро ученых пророчески предостерегали от развязывания гонки ядерных вооружений и призывали отказаться от плана сбросить атомную бомбу на Японию.

Министр обороны снова пригласил своих научных советников и просил их высказать мнение относительно меморандума из Чикаго. «В то время,— пишет Роберт Юнг,— четверо ученых — Комптон, Ферми, Оппенгеймер и Лоуренс — несомненно могли поддержать предложение своих чикагских коллег и, по меньшей мере, поставить под вопрос, а возможно даже предупредить, атомную бомбардировку Японии». Трудно сказать, могло ли это осуществиться. Зато является фактом, что, когда Оппенгеймер встретился со своими тремя коллегами в Лос-Аламосе, они высказались против аргументации ученых из Чикаго и, следовательно, за то, чтобы применить атомные бомбы.

Сциллард не признал себя побежденным. После успешного взрыва экспериментальной атомной бомбы в Аламогордо (16 июля 1945 г.) он отредактировал петицию, содержащую требование не применять атомного оружия против Японии без предварительной демонстра-

ции бомбы и предложения условий капитуляции. Хотя генерал Гровс и старался помешать этой кампании протеста, Сцилларду удалось собрать под петицией подписи 67 видных ученых. Петиция с подписями была переслана президенту Трумэну, который, в свою очередь, направил дело еще раз к вышеупомянутым четырем научным советникам. Сциллард и его друзья тщетно рассчитывали на то, что, может быть, после эксперимента в Аламогордо Оппенгеймер, Комптон, Ферми и Лоуренс изменят свою позицию. Советники Трумэна, включая и Оппенгеймера, не видели, однако, причины для изменения своей рекомендации, которая заключалась в следующем: применить атомную бомбу.

Сциллард продолжал свою кампанию и после того, как атомные бомбы были сброшены на Хиросиму и Нагасаки. Он высказывался за соглашение с Советским Союзом по вопросу об организации совместного контроля над атомной энергией и решительно выступал против так называемого законопроекта Мэя и Джонсона, целью которого было передать контроль над атомной энергией армии. Сциллард предвидел, что в случае принятия такого закона атомная энергия будет использоваться прежде всего для военных целей.

Он снова поднял тревогу между своих коллег-ученых и потребовал, чтобы комиссия по вооруженным силам палаты представителей провела публичное слушание дела о законопроекте. Он сам выступил в качестве первого свидетеля, подверг резкой критике законопроект и способствовал тому, что законопроект Мэя — Джонсона не был принят, и контроль над атомной энергией был поручен гражданской Комиссии по атомной энергии (что, впрочем, как оказалось позже, не имело существенного значения, так как гражданская комиссия послушно выполняла указания Пентагона). Забегая несколько вперед, следует сказать, что Лео Сциллард также и в 1950 году настойчиво протестовал против решения президента Трумэна по вопросу о создании водородной бомбы.

Здесь уделено относительно большое внимание действиям профессора Сцилларда, который, пожалуй, первым отчетливо понял те политические последствия, которые связаны с производством ядерного оружия. Но Сциллард не был одинок. Его горячо поддерживали многие другие ученые. Джеймс Ньюмэн и Байрон-Миллер, бывшие юридические советники Комиссии по атомным вопро-

сам американского сената, в книге «Контроль над атомной энергией» следующим образом пишут о движении ученых против законопроекта Мэя — Джонсона:

«Первыми забили тревогу ученые... Многие из них покинули свои башни из слоновой кости и энергично, пылко, со страстной убежденностью и несколько неожиданным организаторским талантом включились в борьбу. Быть может, в вопросах политики они были негибкими и наивными, но нельзя отрицать того, что они проявили способность к импровизации, к быстрому принятию решений, к действию, к чему оказались неспособными экономические круги, жизненно заинтересованные в этом законе (речь идет о законопроекте Мэя — Джонсона. — Г. Я.).

Ученые первыми оказались на арене борьбы и возглавляли ее до самого конца. Они создали свои местные комитеты по всей стране; содействовали созданию гражданских комитетов; предоставляли материалы членам конгресса, публицистам и комментаторам. Вскоре к ним присоединилась огромная и разнородная армия, которую трудно было бы собрать ради какого-либо другого дела. В рядах этой армии можно было обнаружить представителей различных политических взглядов — от радикалов, позиция которых была заранее известна, до истинных консерваторов».

Газеты самых различных политических оттенков клеймили милитаристский характер законопроекта Мэя — Джонсона. Профессиональные объединения, клубы женщин, церковные организации, профсоюзы, организации бывших солдат, студенты высших учебных заведений принимали резолюции против законопроекта. Письма и телеграммы протеста потоком шли в Белый дом и членам конгресса. В одну только Специальную комиссию сената поступило более 75 тыс. писем и телеграмм, огромное большинство которых было направлено против законопроекта.

Американский писатель Майкл Амрин назвал кампанию ученых против законопроекта Мэя — Джонсона «последним крестовым походом ученых». «Эти люди — писал он, — осознали свою личную ответственность и были полны решимости преодолеть все препятствия, чтобы снова вернуть общество на путь прогресса и отвести его от того пути, который вел к уничтожению».

Роберт Юнг пишет о «поразительной кампании, проводившейся против мощного и хорошо организованного

сопротивления при полнейшем равнодушии Белого дома, государственного департамента и конгресса. Опытные люди из Вашингтона потирали руки. Они предупреждали «лигу перепуганных людей», как они именовали ученых, не рассчитывать на успех... Недостаток политической опытности молодые ученые возмещали энтузиазмом и искренностью, что производило впечатление на политических деятелей и особенно на вашингтонских представителей прессы. Первым результатом этой деятельности был новый законопроект, составленный учеными в сотрудничестве с сенатором Мак-Магоном и представленный конгрессу. Следующей проблемой стала поправка к законопроекту, внесенная сенатором Ванденбергом, который избрал такой обходной маневр, чтобы все-таки протащить снова военный контроль. Ученым удалось заставить эту попытку лавиной писем с протестами от семидесяти пяти тысяч возмущенных избирателей. Наконец, в июле 1946 года, когда законопроект Мак-Магона, отдавший контроль над атомными исследованиями в Соединенных Штатах в руки гражданской комиссии, стал законом, ученые могли вкушать плоды победы».

«Но эта победа,— добавляет Юнг,— очень скоро оказалась пирровой».

Последние слова, совершенно очевидно, относятся к тому факту, что гражданская Комиссия по атомной энергии по мере возрастания в США настроений «холодной войны» и усиления волны маккартизма во все большей степени становилась орудием в руках милитаристов, а ее очередные руководители, вроде уже известного нам Льюиса Страусса, послушно и охотно выполняли приказания Пентагона.

Таким образом, победа ученых действительно была пирровой. Однако организованная ими кампания протеста, в которой приняли участие несколько десятков известных ученых, в частности Сциллард и Юри, а также сотни и тысячи молодых и менее известных научных работников, имела существенное значение. Они смогли обратить внимание американской общественности на опасности, связанные с гонкой атомных вооружений, а сами в ходе проводимой с таким темпераментом кампании достигли политической зрелости и поняли, что результаты их научной деятельности имеют военные и идеологические последствия. Если позже, например, во время эскалации агрессии во Вьетнаме, именно американские

ученые так часто оказывались в первых рядах протестовавших против войны, то это были, несомненно, в какой-то мере последствия их бунта в 1945 и 1946 годах. Стоит здесь привести еще несколько высказываний американских ученых, относящихся к тому периоду.

Так, например, молодой физик-электроник Вилли Хиджинботтэм писал своей матери из Лос-Аламоса: «Я ни капли не горжусь проделанной нами работой... Единственный смысл ее состоит в том, чтобы заставить человечество быть миролюбивым. Теперь невозможно представить себе что-нибудь другое, кроме мира. Я понял только сейчас, что значит раздвоение чувств».

«Раздвоение чувств» — гордость за достигнутые результаты и страх перед их возможными последствиями — вот что было характерно для многих ученых.

Профессор Гарольд Юри написал в то время брошюру под названием «Я напуган» (“I am a Frightened Man”).

«Я напуган тем,—писал он,—что политики и генералы могут сделать с атомной бомбой... Если с чьей-либо стороны будет предпринято наступление во имя господства над миром, то наша жизнь и жизнь последующих поколений будет лишена всякой ценности... Мировая война, в которой будет применяться атомное оружие, ослабит все страны и все народы, видимых победителей и побежденных до такой степени, что они не смогут далее существовать. До сих пор гибли отдельные цивилизации, а атомная война может привести к гибели всего человечества».

Другой американский ученый, профессор Филип Моррисон, делал вывод:

«Если атомное оружие ускользнет из рук человечества, то есть если мы не научимся искусству сосуществования с другими народами в том смысле, чтобы знание стало для нас благом, а не катастрофой, то города исчезнут с лица земли».

Профессор Эдвард Кондон, который позже стал одной из жертв сенатора Маккарти, обращался к молодым ученым:

«Борясь против угрозы уничтожения, мы должны сотрудничать во всех международных организациях и предпринимать совместные усилия ради лучшего «завтра»... Нашим долгом в особенности является укрепление сотрудничества с нашими друзьями и союзниками —

русскими. Россия и Соединенные Штаты являются сегодня самыми могущественными державами в мире. До тех пор, пока эти две страны не пойдут плечом к плечу, до тех пор не будет всеобщего мира».

Нетрудно понять, что этих слов для Маккарти было вполне достаточно, чтобы приклеить Кондону ярлык «предатель»...

В начале 1946 года группа ученых, которые в значительной мере содействовали созданию атомной бомбы, выпустила книгу под красноречивым названием «One World or None» («Мир единый или никакой»). В предисловии к книге можно было прочесть, что без «всемерного контроля над атомной бомбой невозможно представить дальнейшего существования рода человеческого». В книге были приведены высказывания таких крупных ученых, как Альберт Эйнштейн, Нильс Бор, Артур Комптон, Ганс Бете, Эдвард Кондон и Гарольд Юри.

Было приведено и высказывание Роберта Оппенгеймера. Однако если сравнить его позицию в вопросе об атомной бомбе со взглядами других американских ученых, то окажется, что герой нашей книги далек от бунта ученых и, вопреки утверждениям его обвинителей, никогда не выступал последовательно против ядерных вооружений.

Оппенгеймер был слишком разумен и интеллигентен, чтобы не отдавать себе отчета в трагических последствиях гонки ядерных вооружений. Он сам когда-то написал:

«В то время атомные часы шли все быстрее. Мы можем предвидеть такую ситуацию, когда любая из двух великих держав окажется в состоянии уничтожить цивилизацию и жизнь другой державы, с риском для собственной жизни. Нас можно сравнить с двумя скорпионами в банке, из которых каждый может убить другого, но только рискуя собственной жизнью».

И это он в другой раз заявил:

«Я разочарован. Может быть, я был глупцом, но я допускал, что это последнее насилие вызовет у людей отвращение к последующим насилиям. Я надеялся, что после создания бомбы люди объединятся и найдут способ жить в мире. Видите, однако, что произошло...»

С другой стороны, в 1945 году, после успешного завершения работы в Лос-Аламосе, Оппенгеймер был слишком тесно связан с правящими кругами, в особенности с военными, и поэтому не испытывал желания присоеди-

ниться к бунту ученых. Кроме того, его антисоветские взгляды проявлялись в то время настолько отчетливо, что он не мог отмежеваться от официальной политики Вашингтона, проводившейся все более в духе «холодной войны».

В то время как Маккарти, Страусс и другие обвинители Оппенгеймера ссылались на его высказывания, в которых он выражал свое беспокойство и предостерегал от уничтожения человечества в атомной войне, многие американские ученые критиковали его за то, что он не присоединился к их кампании протеста и оказался почти по другую сторону баррикады.

Выше речь уже шла о том, как Оппенгеймер вместе с тремя другими учеными летом 1945 года отверг аргументацию Сцилларда и высказался за применение атомного оружия против Японии. Обосновывая позже свое решение, Оппенгеймер писал: «В нашем подсознании укоренилась мысль, что вторжение в Японию неминуемо, ибо это нам внушили... Мы заявили, что не считаем себя компетентными в суждениях о том, надо использовать атомную бомбу или нет; мнения наши разделились». (Как оказалось позже, среди коллег Оппенгеймера, которым было предложено высказать свое мнение, Эрнст Лоуренс противился тому, чтобы сбросить бомбу на Японию.) Что касается предложения Сцилларда продемонстрировать взрыв бомбы в пустыне и таким образом принудить Японию к капитуляции, то Оппенгеймер сказал по этому поводу следующее: «Мы заявили также о том, что вряд ли взрыв одной из этих бомб над пустыней сможет произвести большее впечатление».

Таким образом, ученый полностью присоединился к взглядам и решениям американских политиков и военщины, хотя, несомненно, лучше, чем они, знал, каковы будут политические последствия того, что в руках у Соединенных Штатов оказалось атомное оружие. Как следует из различных высказываний Оппенгеймера, он уже тогда знал, что производство первых атомных бомб — это лишь начало и что теоретически и практически будет возможно в течение относительно короткого времени расширить арсенал ядерного оружия. У него не было также сомнений в том, что Советский Союз сможет создать атомную бомбу.

Однако свои колебания и сомнения Оппенгеймер хранил при себе и выступал как глашатай и защитник офи-

циальной американской политики. После того как он высказался за применение атомного оружия против Японии, он последовательно выступал за продолжение ядерных вооружений и считал необходимым наблюдать за возможными советскими достижениями в этой области. Роберт Юнг пишет:

«В то время как люди, подобные Эйнштейну, Сцилларду, Франку и Юри, говорили о необходимости достичь взаимопонимания с Россией, Оппенгеймер пытался организовать воздушное патрулирование с помощью самолетов, оснащенных чувствительной измерительной аппаратурой для обнаружения атомного взрыва в России или в любом другом месте земного шара. Уже в течение первой недели после сбрасывания двух атомных бомб Оппенгеймер, Комптон, Ферми и Лоуренс наметили направления, по которым следовало осуществлять дальнейшее атомное вооружение».

Этот план стал чрезвычайно актуальным в 1949 году, когда в Вашингтоне узнали, что Советский Союз ликвидировал американскую атомную монополию и произвел первый экспериментальный взрыв. «Холодная война» продолжалась уже несколько лет, и в Соединенных Штатах было немало сторонников так называемой превентивной войны против Советского Союза. Не удивительно поэтому, что сразу же после сообщения о том, что Советский Союз располагает атомным оружием, в Вашингтоне раздались требования создать «супербомбу», то есть водородную бомбу, и таким образом вернуть потерянное превосходство над Советским Союзом.

Оппенгеймер снова растерялся. Его мнения ожидали официальные круги хотя бы потому, что он занимал пост председателя Объединенного консультативного комитета Комиссии по атомной энергии. Его взглядами интересовались другие ученые, а некоторые из них ставили в зависимость от его совета возможность своего участия в работах над созданием водородной бомбы.

К тому периоду относится интересный обмен письмами между Оппенгеймером и Джеймсом Конэнтом, который во время войны был одним из руководителей «Манхэттенского проекта». Конэнт, высказываясь на этот раз решительно против создания водородной бомбы, писал, что если власти потребуют ее сделать, то, пожалуй, это произойдет только «через его труп»... Оппенгеймер, в свою очередь, писал Конэнту:

«Я озабочен, по правде говоря, не технической стороной вопроса, хотя и не уверен, что это гадкое создание (водородная бомба. — Г. Я.) будет ответом на проблемы, которые являются следствием успехов русских. Было бы безумием противиться изучению этого оружия... Но я вижу большую опасность в том, если оно будет признано способом спасения нашей страны и мира».

Как видно, Оппенгеймера соблазняла мысль «изучить это оружие», хотя он и отдавал себе отчет во всех связанных с этим опасностях.

В середине октября 1949 года в его кабинете в Принстоне появились два видных ученых: Эдвард Теллер, который был горячим сторонником «супербомбы» и который потом был назван «отцом водородной бомбы», и Ганс Бете, ставший впоследствии лауреатом Нобелевской премии, которого Теллер обязательно хотел привлечь к сотрудничеству, хотя Бете не скрывал своих колебаний. Прежде чем дать ответ Теллеру, Бете хотел узнать мнение Оппенгеймера. Оппенгеймер показал им вышеупомянутое письмо Конэнта. Однако, как пишет Юнг,

«...Оппенгеймер, по-видимому, не разделял взглядов Конэнта, но он не сказал и ничего определенного против них... В течение всей беседы он воздерживался от искреннего выражения своего мнения то ли из-за присутствия Теллера, то ли потому, что не хотел влиять на Бете, или же просто потому, что еще не составил собственного мнения».

Вскоре Оппенгеймер вынужден был занять более определенную позицию. В конце октября 1949 года в Вашингтоне под его председательством состоялось заседание Объединенного консультативного комитета Комиссии по атомной энергии. Целью этого заседания было сформулировать мнение относительно создания водородной бомбы. Выше уже шла речь о решении, принятом Консультативным комитетом, который высказался против создания Соединенными Штатами водородной бомбы. Здесь стоит привести мнение двух выдающихся американских ученых, членов Консультативного комитета, которые в своем «особом мнении» пошли значительно дальше Оппенгеймера и остальных участников заседания.

Профессора Энрико Ферми и Исидор Раби, оба лауреаты Нобелевской премии, писали в этом документе:

«Не существует пределов разрушительной способности нового оружия. Поэтому оно чрезвычайно опасно для

человечества. При всех обстоятельствах его следует рассматривать как зловещее явление. И мы уверены в необходимости выступления президента Соединенных Штатов перед американской общественностью и всем миром. Он должен разъяснить, что, руководствуясь основными принципами морали, мы не считаем возможным быть инициаторами в разработке такого оружия».

Эти сильные слова были явным отголоском бунта ученых в предыдущие годы.

Выше речь шла также о решении президента Трумэна, который, вопреки мнению ученых из Консультативного комитета, отдал приказ приступить к созданию водородной бомбы, и о том, что в 1951 году Оппенгеймер принял участие во встрече ученых в Принстоне, на которой почти с энтузиазмом приветствовал появлявшуюся возможность устранить препятствия на пути к созданию водородной бомбы. Его позиция по этому вопросу, таким образом, с начала и до конца была непоследовательной.

В заключение хочется привести вопрос, поставленный Робертом Юнгом, который в своей уже несколько раз цитировавшейся книге занялся судьбами исследователей атома:

«Разве не был прав Оппенгеймер, когда во время дискуссии в Объединенном консультативном комитете утверждал, что русские в атомном соревновании всегда делали лишь «второй шаг» и (как об этом сказал Оппенгеймер) только «наследовали» других? Поэтому если бы американцы сообщили для всеобщего сведения, что они отказываются от водородной бомбы и ракеты дальнего действия, — разве это не склонило бы Советский Союз к тому, чтобы затормозить и так уже слишком грозный и бурный темп вооружений, в особенности в области современной военной техники?».

Попытка ответа на этот риторический вопрос выходит за рамки этой книги.

Процесс

Процесс против Роберта Оппенгеймера начался в Вашингтоне 12 апреля 1954 г. Судебное разбирательство продолжалось пять недель. В тогдашней политической

атмосфере Соединенных Штатов обвинительный приговор по существу был предрешен. Обвинители Оппенгеймера не могли начать против него уголовного дела — слишком очевидным было то, что ученый не нарушил ни одной из статей уголовного кодекса и ни одного предписания существующего законодательства. Они не решились также вести публичное разбирательство дела в какой-либо из комиссий конгресса перед телевизионными камерами, как это было модно во времена Маккарти, — слишком велика была бы опасность раскрытия в такой обстановке секретов атомных исследований и ядерных вооружений.

Враги Оппенгеймера избрали иной метод. Комиссия по атомной энергии передала дело для административного разбирательства и поручила его рассмотрение комиссии из трех членов — «Personel Security Board» — отделу безопасности персонала. В состав комиссии входили Гордон Грэй — председатель комиссии, а также Томас Морган и доктор Уорд Ивэнс в качестве членов комиссии. Грэй был в то время ректором университета в Северной Каролине и владельцем нескольких газет и радиовещательных станций. Он происходил из семьи, известной своими военными традициями, и поэтому было ясно, что он оправдает доверие своих хозяев. Морган был промышленником и до недавнего времени возглавлял крупную фирму «Сперри жирокоп компани». Доктор Ивэнс был известным ученым, профессором химии. Он-то и заявил потом «особое мнение» против обвинительного приговора Оппенгеймеру.

Дисциплинарная комиссия с начала процесса подчеркивала, что это не суд, а административное расследование. Однако в действительности применялись такие судебные методы, как перекрестный допрос свидетелей. Особую заботу об этом проявлял самозванный прокурор. Эту незавидную роль взял на себя некий Роджер Робб, юридический советник Комиссии по атомной энергии, который был близко связан с сенатором Маккарти. В течение всего длительного административного расследования Робб не скрывал своей антипатии и недоверия к Оппенгеймеру и другим ученым, задавал им провокационные вопросы, стремясь представить их как врагов отечества. Времена маккартизма способствовали процветанию подобного рода фашиствующих типов.

Заседания дисциплинарной комиссии проходили при закрытых дверях. В зале присутствовали только члены

комиссии, вышеназванный «прокурор», Оппенгеймер в сопровождении четырех адвокатов (одним из них был известный американский адвокат Ллойд Гаррисон), а также приглашаемые поодиночке свидетели. Процесс проходил в комнате № 2022 здания Т-3, своеобразного барака, переданного в распоряжение Комиссии по атомной энергии. Желая избежать сенсации, Оппенгеймера ежедневно вводили в здание через заднюю дверь. Вначале было решено, что о ходе процесса общественности сообщаться не будет. Однако обвинительный приговор Оппенгеймеру вызвал такое большое волнение, что Комиссия вынуждена была опубликовать стенограмму административного разбирательства, которая насчитывала тысячу страниц.

Это — потрясающий документ, особенно в той части, где записаны показания самого Оппенгеймера. Известный ученый должен был отвечать на каверзные провокационные и злобные вопросы ничтожного человека, узурпировавшего права прокурора и в то же время права мнимого защитника общественных интересов. Потом слово было предоставлено свидетелям обвинения и защиты. В числе первых — агенты разведки и контрразведки, а также Эдвард Теллер, который не скрывал своей неприязни к Оппенгеймеру. В качестве свидетелей защиты выступали выдающиеся американские ученые, которые не дали себя запугать ни Маккарти, ни Роббу.

В результате административного разбирательства Оппенгеймер не мог быть осужден ни в уголовном, ни даже в дисциплинарном порядке, так как к этому времени он уже не являлся сотрудником Комиссии по атомной энергии. Предложение его обвинителей сводилось, таким образом, к тому, чтобы лишить его доступа к секретным данным в области атомных исследований. Принятие этого предложения было равнозначно осуждению ученого и ограничению для него возможностей научной работы. Принятие этого предложения было задумано как пощечина Оппенгеймеру и всем тем ученым, которые были с ним солидарны. Оно было задумано в качестве предостережения ненавистным для Маккарти «яйцеголовым» научным работникам.

Майкл Уортон, который в 1955 году издал сокращенную стенограмму процесса против Оппенгеймера под названием «Национальная безопасность. Случай доктора Ю. Роберта Оппенгеймера», называет расследование.

проводившееся дисциплинарной комиссией, «трагической драмой».

«Как исполнитель главной роли в этой драме, — пишет Уортон в предисловии, — Оппенгеймер выступал не только от своего имени, но также и от имени всего поколения ученых и интеллигенции. В ходе расследования велись поиски ответа не только на вопрос, должен ли Оппенгеймер и далее «иметь доступ к секретным сведениям», но также и на вопрос, каково должно быть отношение к жизни ученого в эпоху коммунизма и тотальной войны».

Как нетрудно догадаться, Робб и его покровители, председатель дисциплинарной комиссии и члены Комитета по атомной энергии, которые потом утвердили приговор, стремились к тому, чтобы поставить ученых «на место» и примерным наказанием Оппенгеймера принудить их к безоговорочному послушанию. Однако Робб, Грэй, Страусс и даже Маккарти не предусмотрели того, что этот спектакль заранее был обречен на провал.

Почти всю первую неделю разбирательства заняло прослушивание или допрос самого Оппенгеймера. Предметом разбирательства — содержанием сотен вопросов, задаваемых прокурором Роббом, адвокатами ученого, членами комиссии, — были уже известные нам обвинения: коммунистические связи Оппенгеймера, инцидент с Шевалье, а также оппозиция созданию водородной бомбы. Чтобы охарактеризовать атмосферу процесса, можно привести два фрагмента из протокола. Первый из них касается связи ученого с Джейн Тэтлок.

Робб начинает свои вопросы на эту тему, приведя слова Оппенгеймера из его ответа на обвинительный акт.

«Весной 1936 года, — писал ученый, — один из моих друзей познакомил меня с Джейн Тэтлок, дочерью известного профессора английского языка в университете; осенью я стал за ней ухаживать и мы сблизились. По крайней мере дважды мы чуть не поженились и имели все основания считать себя помолвленными. С 1939 года и до ее смерти в 1944 году я встречался с нею очень редко...».

Далее следовал диалог между Роббом и Оппенгеймером.

«Робб: Доктор, если я хорошо понимаю, Ваши контакты с мисс Тэтлок в период между 1939 и 1944 годами были, скорее, случайными. Так ли было в действительности?»

Оппенгеймер: Наши встречи были редкими. Но, по-моему, нельзя сказать, что наше знакомство было случайным. Мы были очень близки друг другу, нас продолжало связывать сильное чувство, когда мы встречались.

Робб: Не могли бы Вы подсчитать, сколько раз Вы с нею встречались с 1939 по 1944 год?

Оппенгеймер: Это пять лет. Наверное, раз десять.

Робб: При каких обстоятельствах Вы с нею встречались?

Оппенгеймер: Конечно, случалось, что мы встречались в обществе других людей. Я припоминаю, что посетил ее накануне Нового, 1941 года.

Робб: Где?

Оппенгеймер: Я пошел к ней домой или в больницу, уже не помню, и мы вместе пошли в бар... Я припоминаю, что она несколько раз приходила к нам домой, в Беркли.

Робб: К господину и госпоже Оппенгеймер?

Оппенгеймер: Да. Ее отец жил в Беркли недалеко от нас. Я был там у нее только раз. Я посетил ее, как уже, наверное, сказал, в июне или июле 1943 года.

Робб: Вы, как мне кажется, сказали, что Вы должны были ее увидеть.

Оппенгеймер: Да.

Робб: С какой целью Вы должны были ее увидеть?

Оппенгеймер: Она высказала горячее желание увидеть меня перед нашим отъездом (в Лос-Аламос. — Г. Я.). Я чувствовал, что ей необходимо со мной увидеться. Она проходила курс лечения у психиатра. Была очень несчастлива.

Робб: Установили ли Вы, для чего она хотела с Вами увидеться?

Оппенгеймер: Потому что она продолжала любить меня.

Робб: Где Вы с ней виделись?

Оппенгеймер: На ее квартире.

Робб: Когда Вы встретились с нею потом?

Оппенгеймер: Она проводила меня на аэродром, и больше ее я никогда не видел.

Робб: Это был 1943 год?

Оппенгеймер: Да.

Робб: Была ли она в то время коммунисткой?

Оппенгеймер: Мы даже не говорили об этом. Сомневаюсь.

Робб: Вы заявили в своем ответе (на обвинительный акт.— Г. Я.), что Вам было известно, что она — коммунистка?

Оппенгеймер: Да. Осенью 1937 года мне это было известно.

Робб: Имелись ли у Вас основания предполагать, что в 1943 году она уже не была коммунисткой?

Оппенгеймер: Нет.

Робб: Вы провели с нею ночь?

Оппенгеймер: Да.

Робб: То есть это было в то время, когда Вы были заняты секретной военной программой?

Оппенгеймер: Да.

Робб: Не считаете ли Вы, что это противоречило соображениям безопасности?

Оппенгеймер: Да, действительно. Должен признать, что это было неразумно.

Робб: Не подумали ли Вы, что это ставило Вас в трудное положение, если она была такой коммунисткой, о которых вы говорили сегодня утром (речь шла об антикоммунистических высказываниях Оппенгеймера на утреннем заседании. — Г. Я.)?

Оппенгеймер: Но она такой не была.

Робб: Как Вы могли об этом знать?

Оппенгеймер: Я знал ее.

Робб: Вы нам сказали сегодня утром, что, по Вашему мнению, дружеский контакт с коммунистами может временами представлять опасность для тех, кто занят разработкой секретной военной программы.

Оппенгеймер: Да, может.

Робб: Не подумали ли Вы, что провести ночь с убежденной коммунисткой...

Оппенгеймер (прерывает): По моему мнению, она не была убежденной коммунисткой.

Робб: Вы так считаете?

Оппенгеймер: Да.

Робб: Вы говорили, что она, как оказалось, дружила со многими лицами, симпатизировавшими коммунизму и коммунистам. Когда впервые Вы встретились с этой группой коммунистов и симпатизировавших коммунизму, с теми, кто был друзьями мисс Тэтлок?

Оппенгеймер: Это произошло в течение 1937, может быть, в конце 1936 года, и не сразу.

Робб: Но они оставались Вашими друзьями?

Оппенгеймер: Некоторые из них.

Робб: Шевалье еще является Вашим другом?

Оппенгеймер: Да, Шевалье мой друг».

Пожалуй, в этом месте можно поставить точку и закончить выдержку из протокола административного разбирательства. Приведенный фрагмент не оставляет сомнения в методах, которыми пользовался Робб. Копание в деле Джейн Тэтлок, которой уже десять лет не было в живых, имело своей целью только и исключительно попытку унижить Оппенгеймера, привести его в состояние растерянности и добиться от него показаний, которые могли бы ему повредить. Иного рода намерения были у Робба, когда он затронул отношение ученого к вопросу о водородной бомбе. На этот раз речь шла о том, чтобы поставить под сомнение его патриотизм и лояльность. И этот второй фрагмент протокола носит характер диалога между Роббом и Оппенгеймером.

«Робб: Сейчас, доктор, я хотел бы перейти к термоядерной проблеме.

Оппенгеймер: Хорошо.

Робб: Я думаю, что работа комиссии будет облегчена, если Вы, насколько это возможно, дадите категорические ответы на утверждения, заключенные в письме генерала Никольса (т. е. в обвинительном акте. — Г. Я.). Мне кажется, что Ваш ответ на это письмо не точно определил эти проблемы, и я думаю, что Вы могли бы их уточнить. Имеется ли перед Вами письмо генерала Никольса?

Оппенгеймер: Я возьму письмо генерала Никольса. Но на вопросы, которые плохо сформулированы, не всегда возможно дать категорические ответы.

Робб: Давайте попробуем, доктор (*цитирует из письма Никольса*). „Как установлено, осенью 1949 года и позже Вы решительно противились производству водородной бомбы: 1) по моральным соображениям, 2) утверждая, что это невозможно, 3) утверждая, что для производства бомбы отсутствуют технические возможности и научный персонал, 4) так как это нежелательно по политическим соображениям“. Это утверждение верно полностью или частично?

Оппенгеймер: Оно верно частично. Оно вырвано из контекста и производит ошибочное впечатление.

Робб: Поэтому, может быть, Вы уточните свой ответ и скажете, в какой части оно верно, в какой — нет?

Оппенгеймер: В официальном докладе, относящемся к 1949 году, который Вы читали, мы оценили возможность (производства бомбы.— Г. Я.) и определили, что шансы добиться чего-либо при напряженной работе и хороших идеях равны больше чем 50% в течение пяти лет. Так мы тогда считали. В том же докладе мы обратили внимание на моральные и политические аргументы против этого предприятия всесторонних усилий. Об этом говорилось главным образом в приложениях, а не в официальном докладе, который я подготовил.

Робб: Выступали ли Вы против создания водородной бомбы по моральным соображениям после решения президента в январе 1950 года?

Оппенгеймер: Думаю, мог наверное говорить, что это ужасное оружие, или что-либо в таком же роде.

Робб: Почему Вы думаете, что могли говорить что-либо подобное?

Оппенгеймер: Потому что всегда считал, что это ужасное оружие. Хотя с технической точки зрения это была приятная и прекрасная задача (1— Г. Я.), я все же считал, что это ужасное оружие.

Робб: И Вы говорили об этом?

Оппенгеймер: Полагаю, что говорил. Да.

Робб: Вы хотите сказать, что испытывали моральное отвращение к созданию такого ужасного оружия?

Оппенгеймер: Это слишком сильно.

Робб: Что слишком сильно — это оружие или мое определение?

Оппенгеймер: Ваше определение. Я был серьезно озабочен и обеспокоен.

Робб: Вы испытывали в связи с этим моральные угрызения совести, так будет точнее?

Оппенгеймер: Опустим слово «моральные».

Робб: Вы испытывали в связи с этим угрызения совести?

Оппенгеймер: Как можно было не испытывать угрызений совести? Я не знаю никого, кто не испытывал бы в связи с этим угрызений совести.

Робб: Очень хорошо. Пункт третий письма генерала Никольса: „утверждая, что для производства бомбы отсутствуют технические возможности и научный персонал“. Это правда? Утверждали ли Вы когда-либо, что отсутствуют технические возможности и научный персонал для создания водородного оружия?

Оппенгеймер: Конечно, не в столь упрощенной форме, потому что это было бы неправдой. Я никогда так не считал, и поэтому не верю, что мог так утверждать.

Робб (*цитирует*): «4) так как это нежелательно по политическим соображениям». Это Вы утверждали?

Оппенгеймер: Это, конечно, лучше отражает общий дух доклада Объединенного консультативного комитета — приложений к докладу, — чем моральные соображения.

Робб: Продолжали ли Вы придерживаться такого мнения и после решения президента в январе 1950 года?

Оппенгеймер: После решения президента я выступал в радиопрограмме вместе с госпожой Рузвельт, Лилиенталем и Бете. Из сказанного мною следовало, что я, может быть, не совсем удовлетворен мероприятиями, которые привели к этому решению.

Робб: Можете ли Вы повторить то, что тогда говорили?

Оппенгеймер: Я сказал, что решение по вопросу о международном контроле над атомной энергией и решение о создании водородной бомбы имеют сложный технический аспект, но имеют также важные моральные и человеческие последствия, что опасным является сам факт принятия такого рода решений втайне; не потому, что люди, принимающие эти решения, не являются мудрыми, а потому, что отсутствие критики и обсуждения ведет к нарушению процедуры при принятии решений. Я говорил, что это были трудные решения, что они касались страшных вещей и что временами ответ на страх не может заключаться в том, чтобы были объяснены и устранены причины для страха. Временами единственным ответом на страх является мужество.

Робб: Когда, приблизительно, Вы сделали такое заявление?

Оппенгеймер: Я думаю, что это было после 1 февраля 1950 г., в течение двух месяцев.

Робб: Следующее предложение из письма генерала Никольса: „Далее установлено, что даже после признания того, что создание водородной бомбы отвечает целям национальной политики, Оппенгеймер продолжал противодействовать этой программе и отказывался полностью сотрудничать по ее выполнению“. Является ли верным это утверждение?

Оппенгеймер: После принятия решения я не противодействовал программе.

Робб: Очень хорошо. Перейдем ко второй половине предложения.

Оппенгеймер: Я не выехал в Лос-Аламос и не засучил рукава. Может быть, речь идет об этом, когда говорится о полном сотрудничестве? Я хотел бы знать, что под этим подразумевается.

Робб: Говорили ли Вы когда-нибудь Теллеру, что не можете работать над данной программой?

Оппенгеймер: Я сказал ему, что не поеду работать в Лос-Аламос.

Робб: Говорили ли Вы ему когда-либо, что вообще не можете над ней работать?

Оппенгеймер: Вы имеете в виду что-то гораздо большее, чем было в действительности, и я сомневаюсь, что говорил что-либо подобное.

Робб: Какую работу Вы выполнили в связи с этой программой?

Оппенгеймер: Я выполнял свои официальные обязанности по изучению программы, давал советы и размышлял над нею.

Робб: Вы имеете в виду официальные обязанности председателя Объединенного консультативного комитета?

Оппенгеймер: Да, а также и других комитетов.

Робб: Выполняли ли Вы научную работу в связи с этой программой? Я имею в виду расчеты. Научную работу такого рода, какую Вы выполняли при создании атомной бомбы.

Оппенгеймер: Нет, во всяком случае не с такой интенсивностью. Я проверил только некоторые качественные проблемы, чтобы увериться в том, что они мне понятны. Я выполнял очень небольшой объем научной работы при создании атомной бомбы, после того как возглавил руководство лабораторией в Лос-Аламосе.

Робб: Вы там принимали решения, доктор?

Оппенгеймер: Да. Но в данном случае я бы не сказал, что принимал решения — я за них не отвечал, — но, конечно, содействовал принятию решений, которые, по моему мнению, двинули дело вперед в нужном направлении. У меня не было идей. И при создании атомной бомбы многие идеи принадлежали не мне.

Робб: В следующем предложении утверждается, что

Вы сумели убедить других выдающихся ученых, чтобы они не участвовали в работе над бомбой (водородной.— Г. Я.). Мне кажется, вы это отрицаете. Так ли это?

Оппенгеймер: Мне хотелось бы знать, кого же из выдающихся ученых я убедил не работать над бомбой?

Грэй (председательствующий): Старались ли Вы убеждать кого-либо не работать над созданием водородной бомбы?

Оппенгеймер: Нет».

Так председательствующий дисциплинарной комиссии, относившийся к Оппенгеймеру отнюдь не доброжелательно, пресек очередную инсинуацию его обвинителя. Робб, по-видимому, это понял, потому что сразу же изменил тему допроса.

Приведенный фрагмент из протоколов процесса, пожалуй, является еще более потрясающим, чем предыдущий, который касался личной жизни Оппенгеймера. На этот раз речь шла не о делах давно минувших дней, а об актуальных взглядах ученого, который, будучи прижатым к стене, выступал в защиту своего достоинства. Это была попытка доказать, что взгляды Оппенгеймера, а следовательно и его действия, находятся в противоречии с лояльностью по отношению к его отечеству; во всяком случае, с лояльностью в понимании Робба или Маккарти.

Обвинители прекрасно отдавали себе отчет в том, что одних только показаний Оппенгеймера не будет достаточно для вынесения приговора даже подобной дисциплинарной комиссии. Поэтому было вызвано несколько свидетелей с целью доказать его пресловутые коммунистические связи и то, что он якобы противился созданию водородной бомбы. В особенности стоит обратить внимание на показания полковников Лансдэйла и Паша из американской контрразведки, а также на свидетельство профессора Эдварда Теллера, который опозорил себя неприличными нападка на Оппенгеймера.

Полковник Лансдэйл представился административной комиссии как офицер, «ответственный перед генералом Гровсом за обеспечение безопасности и разведки в связи с проектом производства атомной бомбы» в Лос-Аламосе. (Следует заметить, что в годы американской агрессии во Вьетнаме нью-йоркские газеты часто называли генерала Джона Лансдэйла из Центрального разведывательного управления как специалиста в области психологической войны, который немало сделал для того, чтобы

население Южного Вьетнама прониклось доверием к Соединенным Штатам. К сожалению, мне не удалось установить, является ли генерал Лансдэйл из Сайгона и полковник Лансдэйл по делу Оппенгеймера одним и тем же лицом.— Г. Я.)

Лансдэйл показал, что одной из главных его задач в Лос-Аламосе было собирать информацию о работающих там людях.

«В связи с этим,— продолжал он,— мы получили донесения, в основном из ФБР, касавшиеся, как я припоминаю, связей доктора Оппенгеймера, его родственников и его самого. Не стоит и говорить, что эти донесения доставили нам массу хлопот. Так как доктор Оппенгеймер занимал ответственный пост шефа лаборатории в Лос-Аламосе, я представил их генералу Гровсу, и мы с ним все подробно обсудили.

Насколько я припоминаю, генерал Гровс высказал мнение, что: а) доктор Оппенгеймер необходим; б) по его мнению — а в это время он уже хорошо познакомился с доктором Оппенгеймером, — он лоялен; в) мы допустим его к работе несмотря на то, что сообщается в донесениях.

Должен признать, что в то время я испытывал серьезные сомнения. Из-за нашей или, скажем, из-за моей озабоченности относительно доктора Оппенгеймера мы продолжали делать все, что было возможно, чтобы следить за ним. Мы следили за ним всякий раз, когда он покидал «программу» (т. е. выезжал из Лос-Аламоса.— Г. Я.). Мы распечатывали его почту. Мы делали разного рода неприятные вещи, которые делаются или делались в связи с «программой».

Я сам с ним беседовал неоднократно. Насколько я припоминаю, рекомендации органов безопасности были неблагоприятными для доктора Оппенгеймера. Они высказывались против его сотрудничества. Лично я в ходе нашего следствия согласился с генералом Гровсом относительно соответствующего утверждения доктора Оппенгеймера».

Продолжая свои показания, полковник Лансдэйл подчеркнул, что, по его мнению, Оппенгеймер не был коммунистом, что он был «лояльным американским гражданином» и ставил превыше всего интересы своей страны. Такого рода ответы на вопросы защитников Оппенгеймера, конечно, не нравились прокурору Роббу. Поэтому он

вспомнил о различных упреках, которые делались ученому секретной полицией и контрразведкой во время войны. В частности, Робб предложил комиссии одно из донесений полковника Паша, сотрудника контрразведки, направленных Лансдэйлу в сентябре 1943 года.

В этом донесении, в частности, говорилось: «Мы все еще придерживаемся мнения, что Оппенгеймер не заслуживает полного доверия и что его преданность государству двусмысленна. Чувствуется, что безраздельно он предан только науке, и если бы Советское правительство предложило ему больше для его научной карьеры, то он избрал бы это правительство, чтобы выразить ему свою преданность»...

Я старался возможно более точно перевести этот невероятный документ; однако если он звучит неправдоподобно, то не по моей вине, а по вине автора документа — полковника Бориса Т. Паша из американской контрразведки.

Отвечая на каверзные вопросы Робба, Лансдэйл подтвердил, что его подчиненные, в том числе и Паш, высказывались против сотрудничества Оппенгеймера в Лос-Аламосе. В ходе дальнейших показаний Лансдэйла дело доходило несколько раз до стычек между ним и Роббом. Вот один из примеров, который говорит, пожалуй, в пользу полковника Лансдэйла.

«Лансдэйл: Я убежден, что доктор Оппенгеймер, по крайней мере, насколько мне известно, лоялен. Я чрезвычайно обеспокоен всей теперешней истерией, проявлением которой кажется мне все это.

Робб: По Вашему мнению, это расследование также является проявлением истерии?

Лансдэйл: Я думаю...

Робб (прерывает): Да или нет?

Лансдэйл: Я не отвечаю на этот вопрос ни «да», ни «нет». Если вы хотите — если Вы мне позволите высказаться, — я охотно отвечу на Ваш вопрос.

Робб: Хорошо.

Лансдэйл: Я считаю, что теперешняя истерия в связи с коммунизмом является чрезвычайно опасной... Думаю ли я, что данное расследование является проявлением этой истерии? Нет. Я хочу это сформулировать следующим образом. Я считаю проявлением истерии тот факт, что связи, относящиеся к 1940 году, рассматрива-

ются столь же серьезно, как трактовались бы подобные связи сегодня».

Этот урок логики, однако, ни в чем не убедил прокурора Робба. Он предпочитал полагаться на показания таких свидетелей, как Паш или Теллер. Полковник Борис Паш, о котором уже шла речь, повторил перед дисциплинарной комиссией известную информацию о так называемом инциденте с Шевалье. Пользуясь предоставившимся случаем, он выразил свое недоверие Оппенгеймеру, подчеркнув, что испытывал это чувство и раньше, то есть в 1943 году, и испытывает теперь. Паш заявил на специфическом жаргоне времен Маккарти, что Оппенгеймер представляет собой «security risk», это означает, что привлечение ученого к работе является делом рискованным с точки зрения интересов безопасности. Отвечая на вопрос Робба, полковник из контрразведки подчеркнул, что и сейчас он продолжает придерживаться того же мнения.

Во время показаний Паша было зачитано одно из его донесений, относившихся к 1943 году, в котором он пытался доказать, что Оппенгеймер является членом Коммунистической партии. В этом донесении есть одна небольшая деликатная подробность. Под предлогом охраны Оппенгеймера от агентов фашистской «оси» Паш предлагал выделить двух человек: «специально обученных агентов корпуса контрразведки, которые должны будут действовать не только как телохранители, но также и как секретные агенты этого учреждения (т. е. контрразведки. — Г. Я.)». Паш уклонился от ответа на вопрос, было ли осуществлено это намерение.

Отвечая на вопрос одного из защитников Оппенгеймера, Паш признал, что лично он встречался с ученым только один раз в связи с делом Шевалье. Это отсутствие личных контактов не помешало, однако, полковнику высказывать решительные суждения относительно политических убеждений Оппенгеймера. Интересен был также ответ Паша на вопрос председателя дисциплинарной комиссии Грэя. А именно, Паш подтвердил, что, если бы сам Оппенгеймер в 1943 году не пришел и не рассказал о своем разговоре с Шевалье, служба безопасности, наверное, об этом разговоре и о самом «инциденте» никогда бы не узнала.

Среди свидетелей обвинения был также Уильям Борден, письмо которого, относящееся к ноябрю 1953 года,

и явилось исходной точкой в расследовании дела Оппенгеймера. После ознакомления с письмом председательствующий Грэй заявил, что дисциплинарная комиссия «не располагает доказательствами, что доктор Оппенгеймер по собственной воле передавал шпионскую информацию Советскому Союзу или подчинялся требованию предоставлять такую информацию, что он действовал в качестве агента советской разведки или в соответствии с советскими приказами»... Таким образом, Грэй отверг самые абсурдные обвинения против Оппенгеймера. Однако он поверил в другие обвинения и подписал обвинительный приговор, хотя и эти обвинения были ложными и нелогичными.

Самым главным свидетелем обвинения был, конечно, известный ученый профессор Эдвард Теллер. Он работал вместе с Оппенгеймером еще в Лос-Аламосе, и к тому периоду относится возникновение недоразумений между ними, которые позднее вылились в откровенную вражду. Один из ученых, сотрудничавших с ними в Лос-Аламосе, сказал потом: «Если бы Оппи, хотя бы время от времени, говорил добрые слова Эдварду — а он умел находить такие слова даже для механика, — судьба обоих ученых была бы, может быть, другой...» Неприязнь Теллера к Оппенгеймеру еще более усилилась в 1949 и 1950 годах, когда первый во что бы то ни стало стремился создавать водородную бомбу (Теллер ратовал за нее уже в годы войны), а второй не скрывал своих колебаний и сомнений. Но даже вражда и неприязнь не могут оправдать тех показаний, которые Теллер дал перед дисциплинарной комиссией.

На вопрос Робба, действительно ли Оппенгеймер «нелоялен по отношению к Соединенным Штатам», Теллер ответил:

«Я не хочу утверждать нечто подобное. Я знаю Оппенгеймера как человека интеллектуального, чрезвычайно живого и очень сложного и считаю, что взял бы на себя слишком много, если бы каким-либо образом стал анализировать его побуждения. Но я всегда, как и сейчас, исходил из того, что он лоялен по отношению к Соединенным Штатам. Я верю в это и буду в это верить до тех пор, пока не услышу очень убедительные контраргументы».

Робб, который, вероятнее всего, заранее согласовал с Теллером тактику допроса, задал следующий вопрос:

«Считаете ли Вы, что в докторе Oppenгеймере нельзя быть уверенным с точки зрения требований безопасности?» Вот ответ Теллера, который стал, несомненно, основой для вынесения обвинительного приговора:

«Во многих случаях я видел, что доктор Oppenгеймер действует — или я считал, что он действует, — таким образом, что для меня это было почти совершенно непонятно. Я был абсолютно не согласен с ним по многим вопросам, и его поведение, честно говоря, казалось мне запутанным и сложным. В этой связи я чувствую, что мне хотелось бы, чтобы жизненные интересы нашей страны находились в руках человека, которого я лучше понимаю и которому поэтому больше доверяю. В этом очень ограниченном смысле могу сказать, что лично я чувствовал бы себя в большей безопасности, если бы общественные дела находились в других руках...»

В поддержку этого клеветнического утверждения Теллер заявил, что Oppenгеймер не оказал ему помощи, когда в 1950 году на повестку дня стал вопрос о создании водородной бомбы. В конце показаний Теллера между ним и председателем дисциплинарной комиссии Грэем произошел еще один весьма характерный диалог. Грэй прямо спросил Теллера, представлял ли допуск Oppenгеймера к атомным секретам «угрозу для обороны и безопасности» США.

Теллер ответил хитро, что Oppenгеймер «не сделал бы сознательно и добровольно ничего такого, что было бы направлено против безопасности нашей страны». С другой стороны, он, однако, добавил, что «в той степени, в какой это является делом его собственного понимания и оценок, доказанных им своими делами после 1945 года, он сказал бы, что было бы разумнее не предоставлять Oppenгеймеру доступа». Именно эта формулировка и легла в основу приговора, вынесенного дисциплинарной комиссией.

Последний вопрос Теллеру задал профессор Ивэнс, единственный ученый в составе комиссии. «Допускаете ли Вы, — спросил он Теллера, — что деятельность настоящей комиссии, невзирая на результаты, явится поводом для большой дискуссии в Национальной академии и среди ученых вообще?» Теллер ответил: «Так уже происходит, и так, конечно, будет происходить». Таким образом, он отдавал себе отчет в том, как его коллеги из научных кругов оценят его показания.

Роберт Юнг пишет:

«В первые месяцы после процесса Оппенгеймера коллеги обращались с Теллером как с прокаженным или, еще хуже, как с правительственным доносчиком, в присутствии которого нельзя откровенно разговаривать. Теллер потребовал, чтобы ему дали возможность защитить свою позицию перед собранием коллег по Лос-Аламосу. Его выслушали при ледяном молчании. Он никого не убедил и не получил прощения».

Стоит вспомнить, что из числа известных американских ученых, кроме Теллера, еще один выступил перед дисциплинарной комиссией в качестве свидетеля обвинения. Это был Льюис Альварец, принимавший активное участие в создании атомной бомбы, наблюдавший за тем, как ее сбрасывали на Нагасаки, а позже ставший одним из главных сторонников создания водородной бомбы. Альварец показал, что Оппенгеймер не только сам был противником водородной бомбы, но и отговаривал других ученых от работы над «супербомбой». Профессор Ивэнс задал ему несколько вопросов, позволявших дать ответ, что Оппенгеймер, быть может, имел угрызения совести в связи с атомным оружием. Альварец ответил: «У меня не было никаких моральных угрызений совести в связи с моей работой над атомной бомбой»...

К счастью, Альварец, пожалуй, явился исключением среди американских ученых, которые один за другим выступали перед дисциплинарной комиссией в защиту Оппенгеймера. Стоит напомнить, что это происходило в такое время, когда подобные выступления могли грозить неприятностями и преследованиями со стороны Маккарти и его приспешников.

Старый профессор Исидор Раби, один из выдающихся американских физиков, лауреат Нобелевской премии, показал, что он был знаком с Оппенгеймером и сотрудничал с ним начиная с 1928 года. Они поддерживали близкий контакт в Лос-Аламосе в годы войны. После войны Раби был членом Объединенного консультативного комитета Комиссии по атомной энергии и преемником Оппенгеймера на посту председателя этого комитета с 1952 года. Ссылаясь на долготетнее знакомство и совместную работу с Оппенгеймером, Раби в своих показаниях подчеркнул безоговорочную лояльность Оппенгеймера по отношению к Соединенным Штатам и его огромные заслуги перед страной. «Я не считаю, — заявил он, —

чтобы доктор Оппенгеймер был опасным по соображениям безопасности и чтобы его связи в прошлом могли закрыть ему доступ к секретной информации Комитета по атомной энергии».

Прокурор Робб старался огнем перекрестных вопросов сбить с толку старого профессора. Поэтому он задал ему вопрос: обращался ли Раби к председателю Комиссии по атомной энергии Страуссу в защиту Оппенгеймера? «Да, — ответил Раби. — Я говорил об этом с господином Страуссом, защищая доктора Оппенгеймера, но еще больше защищая безопасность Соединенных Штатов». Затем Робб хотел узнать, одобряет ли Раби поведение Оппенгеймера, который передал в прессу обвинительное письмо генерала Никольса, а также свой ответ на это письмо. «В его положении, — сказал Раби, — я поступил бы точно так же».

Когда председатель комиссии Грэй снова вернулся к вопросу о лояльности Оппенгеймера по отношению к отечеству, Раби заявил: «Я не допускаю, чтобы умом или сердцем он ставил что-либо выше преданности отечеству». Выступая в защиту Оппенгеймера, профессор Раби оставался верным своим взглядам, выраженным им в знаменитом «особом мнении» после решения Объединенного консультативного комитета Комиссии по атомной энергии в октябре 1949 года. Точно так же вел себя перед дисциплинарной комиссией и другой соавтор «особого мнения», великий ученый Энрико Ферми, который решительно отверг клевету, что Оппенгеймер подговаривал других ученых противодействовать созданию водородной бомбы.

Профессор Норрис Брэдбюри стал руководителем лаборатории в Лос-Аламосе после ухода Оппенгеймера в 1945 году. Давая показания перед комиссией, он сослался на свое многолетнее знакомство с Оппенгеймером и подчеркнул, что ему не известно ни одного случая, когда ученый отговаривал бы кого-нибудь от сотрудничества при создании водородной бомбы. На очередной вопрос, касавшийся лояльности Оппенгеймера, Брэдбюри ответил: «Основываясь на моих личных наблюдениях, я считаю его целиком лояльным по отношению к нашей стране. Я хотел бы подчеркнуть, что, по моему мнению, лояльность — это такая вещь, которую трудно продемонстрировать объективно, но насколько человек может объективно проявить свою лояльность, доктор Оппенгеймер,

руководя во время войны лабораторией в Лос-Аламосе, именно это и делал». Брэджбери не изменил своего мнения, несмотря на ту атаку, которую повели против него прокурор Робб и председатель комиссии Грэй.

Профессор Ли Дю Бридж был членом Объединенного консультативного комитета Комиссии по атомной энергии в 1946—1952 годах, то есть в то же время, что и Оппенгеймер. Он был хорошо с ним знаком. На вопрос, можно ли считать Оппенгеймера человеком, представляющим опасность с точки зрения безопасности, Дю Бридж ответил, что, по его мнению, подвергать сомнению деловые качества и лояльность человека, который с такой самоотверженностью работал для своей страны, по столь незначительным поводам — «противоречит всем принципам человеческой справедливости».

Далее следует остановиться на показаниях двух американских ученых, которые занимали крупные посты в государственном аппарате, были тесно связаны с военными кругами, особенно в годы второй мировой войны, и несомненно могут быть отнесены к так называемой властвующей элите Соединенных Штатов. Это Джеймс Конэнт и Ванневар Буш, которые работали вместе с Оппенгеймером, генералом Гровсом с самого начала подготовки к созданию атомной бомбы (об оппозиции Конэнта производству водородной бомбы речь уже шла выше).

Конэнт во время показаний дисциплинарной комиссии занимал ответственный с дипломатической точки зрения пост американского Верховного комиссара в Западной Германии. Даже у членов комиссии не могло быть сомнений относительно его связей с высшими правительственными кругами в Вашингтоне. Конэнт решительно выступил в защиту Оппенгеймера, подчеркнув, что оппозиция против водородной бомбы не является свидетельством нелояльности или отсутствия патриотизма (это было одновременно и самооправданием).

Для тогдашних — а может быть, и не только тогдашних — отношений в Соединенных Штатах характерным было то, что, защищая Оппенгеймера, Конэнт счел полезным и нужным сделать упор на его антисоветские позиции в послевоенные годы. Конэнт говорил о «мероприятиях доктора Оппенгеймера и его участии в решениях, которые все были весьма вредны для интересов Советского Союза после окончания войны. Мне казалось, добавил Конэнт, что «доктор Оппенгеймер понимал опасность со

стороны России и оценивал советскую угрозу трезво, реалистично и в решительно антисоветском духе».

Ванневар Буш также выступил в защиту Оппенгеймера, причем, считая, по-видимому, что атака является лучшим видом обороны, Буш, занимавший в то время высокий и почетный пост президента научного фонда Карнеги в Вашингтоне, повел атаку на... дисциплинарную комиссию, обвиняя ее в том, что она поступает неправильно и вредно, взяв на себя рассмотрение дела Оппенгеймера. По мнению Буша, письмо генерала Никольса, которое явилось отправной точкой для дисциплинарного разбирательства, «может интерпретироваться как попытка судить человека за его убеждения, что в корне противоречит американской системе».

Ванневар Буш сослался на большое волнение, которое вызвало дело Оппенгеймера среди американских ученых.

«Причиной этого волнения, — заявил он, — является, по их мнению, человек, который оказал огромные услуги своей стране, услуги, может быть, большие, чем оказал кто-либо другой, а теперь посажен на скамью подсудимых и подвергнут тяжким испытаниям только лишь потому, что у него хватило мужества честно высказать свои взгляды»...

Наконец, показания еще двух свидетелей защиты — на этот раз не ученых коллег Оппенгеймера — военного и политического деятелей. Военным был генерал Лесли Р. Гровс — тот самый, который возглавлял «Манхэттенский проект» и который доверил Оппенгеймеру руководство лабораторией в Лос-Аламосе, защитив его в то время от атак различного рода шпигов и доносчиков. Перед дисциплинарной комиссией Гровс повторил, что он доверял и продолжает полностью доверять Оппенгеймеру. Чтобы ни у кого не осталось сомнений в его личных взглядах, он добавил, вспоминая о «Манхэттенском проекте»:

«Я со своей стороны не испытывал никаких сомнений относительно того, что Россия является нашим врагом и что на этой основе следует осуществлять руководство проектом. Я не разделял распространенного в то время в нашей стране мнения, что Россия является нашим боевым союзником».

На фоне такого рода антисоветских заявлений особенно интересными были показания Джорджа Кеннана,

известного историка и писателя, который в течение 27 лет работал в американской дипломатии, занимая высокие посты. Кеннан выступил не только в защиту Оппенгеймера, доказывая, что ученый должен иметь доступ к секретной информации в атомной области. Пользуясь случаем, он коснулся и более общих вопросов.

В связи с вопросами о так называемом инциденте с Шевалье Кеннан заявил: «Я еще помню, что в 1943 году Советский Союз, пожалуй, не считался высокопоставленными лицами в тогдашнем правительстве врагом (намек, верно, на Рузвельта. — Г. Я.). Огромные транспорты с американскими материалами готовились к отправке в Советский Союз, и довольно часто, я думаю, использовались в деле и служебные секреты». В этом контексте Кеннан иначе рассматривал инцидент с Шевалье, чем обвинители Оппенгеймера.

Далее, отвечая на вопросы, касавшиеся создания водородной бомбы, Кеннан сказал, что ему не кажется, что международная ситуация изменилась бы коренным образом, если Советский Союз получил бы водородное оружие раньше, чем Соединенные Штаты. Приведя в изумление прокурора Робба, Кеннан напомнил, что Советский Союз никогда не воспользовался ядерным оружием как средством нажима на какую-либо другую страну и что советские руководители неоднократно заявляли, что первыми не прибегнут к этому оружию. В связи с вопросами председателя Грэя Кеннан заявил — имея в виду не только Оппенгеймера, но и себя самого, — что «можно было испытывать сомнения относительно необходимости производства такого оружия (водородного. — Г. Я.) по причинам очень серьезным и заслуживающим уважения».

Выводы такого рода, хотя они и были сформулированы очень тонко и поддержаны большим авторитетом Кеннана, совершенно не были понятны Роббу, Грэю и Страуссу. Дисциплинарная комиссия прослушала в течение пяти недель сорок свидетелей, из которых все, за небольшим исключением, выступили в защиту Оппенгеймера. Однако комиссия вынесла ученому обвинительный приговор.

Приговор

Последнее заседание дисциплинарной комиссии, на котором адвокат Гаррисон произнес свою защитительную речь, состоялось 6 мая 1954 г. Решение комиссии датировано 27 мая. Это означало, что в течение трех недель шло бурное обсуждение решения, прежде чем приговор был подписан. Дело в том, что в комиссии мнения резко разделились: два члена комиссии высказались против Оппенгеймера, третий — защищал ученого.

Приговор по делу Оппенгеймера состоит, по существу, из пяти документов: 1) решения большинства членов дисциплинарной комиссии; 2) «особого мнения» профессора Ивэнса; 3) распоряжения генерального директора Комиссии по атомной энергии; 4) решения большинства комиссии и 5) «особого мнения» одного из ее членов.

Прежде чем познакомиться с этими документами, которые представляют собой печальное свидетельство тяжелого времени маккартизма, необходимо сделать несколько предварительных замечаний.

Оппенгеймер, как уже было сказано, не мог быть осужден как уголовный преступник, так как его дело не рассматривалось уголовным судом, а абсурдное обвинение в шпионаже не выдержало ни малейшей критики, и обвинители должны были от него отказаться. Ученого не могли подвергнуть также дисциплинарной мере наказания в полном смысле этого слова, так как в то время он уже не занимал пост в Комиссии по атомной энергии. Единственной формой осуждения по решению дисциплинарной комиссии могло стать запрещение ему доступа к секретам в атомной области.

Следует сказать, что такого рода наказание является символическим и не имеет большого значения. Миллионы людей живут счастливо, не имея доступа к этим секретам. Однако с Оппенгеймером дело обстояло иначе. Лишение права доступа к атомным секретам означало для него выражение недоверия, строгий выговор и попытку перечеркнуть весь его жизненный опыт. В то время когда его дело рассматривалось дисциплинарной комиссией, Оппенгеймеру исполнилось 50 лет. День рождения он встретил на скамье подсудимых, ожидая приговора, который должен был показать американцам, что их вчерашний герой не достоин доверия.

Обвинительный приговор Оппенгеймеру имел, кроме того, и более широкое значение, так как, по замыслу его обвинителей и по своим практическим последствиям, он был направлен против всех американских ученых. Он должен был явиться предостережением для них: предостережением против контактов с людьми неблагонадежными в политическом отношении, против независимости в мышлении и высказывании своих мнений. Именно так и рассматривали американские ученые — а в особенности ученые-атомники — процесс против Оппенгеймера, и так они поняли обвинительный приговор, который вызвал в их среде возмущение и протесты. Во время дисциплинарного разбирательства дела и после вынесения приговора Оппенгеймер завоевал симпатии даже тех ученых, которые до недавнего времени избегали его, ставя ему в упрек слишком тесные связи с властями в Вашингтоне. Теперь Оппенгеймер, хотел он того или нет, оказался по одну сторону баррикад вместе с теми учеными, которые противостояли волне маккартизма.

Приговор отозвался широким эхом также за рубежами Соединенных Штатов, в особенности в странах Западной Европы, где многие ученые хорошо знали Оппенгеймера, ценили его научную работу и относились с уважением к его сомнениям относительно гонки ядерных вооружений. Дело Оппенгеймера явилось новым свидетельством успехов Маккарти в Соединенных Штатах.

Приговор дисциплинарной комиссии, подписанный ее председателем Гордоном Грэем и Томасом А. Морганом, отмечал, что «доктор Оппенгеймер является лояльным гражданином», однако, с другой стороны, рекомендовал «в соответствии с интересами безопасности Соединенных Штатов» лишить его доступа к атомным секретам. Перечислялись все обвинения, выдвигавшиеся против ученого, начиная с его коммунистических связей в предвоенные годы, включая инцидент с Шевалье, который занимал особенно большое место в рассуждениях комиссии, и кончая его оппозицией созданию водородной бомбы.

По мнению комиссии, Оппенгеймер проявлял «симпатии и интерес» к коммунизму до 1942 года, а в «менее заметной и уменьшенной форме» — вплоть до 1946 года. Это утверждение находится в вопиющем противоречии не только с показаниями самого ученого, но также с его высказываниями и поведением в те годы. Комиссия обвиняла Оппенгеймера в том, что он не порвал полностью

с Шевалье и поддерживал с ним контакт. Но еще более вменялось ему в вину то, что он не включился «с энтузиазмом» в работу по созданию водородной бомбы.

Грэй и Морган в связи с этим ханжески заявляли, что они «не ставят под сомнение права доктора Оппенгеймера иметь свои взгляды на развитие этого оружия», но в том же тоне выражали «свою обеспокоенность тем, насколько дальнейшее использование услуг доктора Оппенгеймера будет соответствовать интересам безопасности Соединенных Штатов». В заключение Грэй и Морган от имени дисциплинарной комиссии высказывались за лишение Оппенгеймера права доступа к атомным секретам по следующим соображениям:

«1) Поведение доктора Оппенгеймера и его связи являются проявлением серьезного игнорирования требований системы безопасности; 2) Мы считаем это его уязвимым местом. Подобные настроения могли бы затронуть интересы безопасности страны; 3) Поведение доктора Оппенгеймера по вопросу о водородной бомбе весьма сомнительно, чтобы разрешить ему участвовать в будущем в правительственных программах, относящихся к обороне страны; 4) Мы с сожалением отмечаем, что в отдельных случаях доктор Оппенгеймер был не откровенен перед комиссией».

Профессор Уорд Ивэнс высказался в своем «особом мнении» за то, чтобы Оппенгеймер имел право доступа к атомным секретам. Не ставя под сомнение информацию, отягощавшую вину ученого, Ивэнс отмечал, что все эти факты были известны в 1947 году, когда Комиссия по атомной энергии рассматривала дело Оппенгеймера и предоставляла ему право доступа к атомным секретам. По мнению Ивэнса, предоставление такого права Оппенгеймеру теперь (т. е. в 1954 г.) сопряжено «с меньшим риском», чем семь лет назад.

В обоснование своего мнения Ивэнс написал, что Оппенгеймер «хотя и наивен, но чрезвычайно честен» и что «он не мешал созданию водородной бомбы».

«Я лично считаю, — отмечал Ивэнс, — что наше решение против доктора Оппенгеймера ляжет черным пятном на честь нашей страны. Его свидетелями являются наиболее компетентные ученые нашей страны; они поддерживали его. Я обеспокоен последствиями, какие неправильное решение (по делу Оппенгеймера. — Г. Я.) может иметь для научного развития в нашей стране»...

В заключение своего «особого мнения» профессор Ивэнс написал: «Таково мое мнение как гражданина свободной страны». Он, видимо, не понимал, что Соединенные Штаты, в особенности во времена Маккарти, никак не могли называться свободной страной.

Дальнейший ход разбирательства по делу Оппенгеймера проводился следующим образом. Исполнительный директор Комиссии по атомной энергии К. Д. Никольс, тот самый, что подготовил обвинительный акт против Оппенгеймера, направил 12 июня 1954 г. обширное письмо членам комиссии, рекомендуя им не допускать ученого к атомным секретам, потому что «это не отвечало бы интересам национальной безопасности и могло бы представлять угрозу для обороны и безопасности».

В своем письме, составленном чрезвычайно коварно, если не сказать сильнее, Никольс пошел гораздо дальше, чем дисциплинарная комиссия. Так, например, во фрагменте о «коммунистической деятельности доктора Оппенгеймера» Никольс писал: «В делах нет прямых доказательств того, что доктор Оппенгеймер передавал секреты иностранному государству или что он был нелоялен по отношению к Соединенным Штатам». Из столь каверзной формулировки могло следовать, что существуют косвенные доказательства такого поведения ученого, хотя Никольс этого не утверждал, а лишь намекнул в своей формулировке. «Документы говорят о том, — писал далее обвинитель, — что доктор Оппенгеймер был коммунистом во всех отношениях, за исключением того факта, что не имел партийного удостоверения». В поддержку такого утверждения Никольс не приводил никаких доказательств.

Много внимания уделял Никольс рассмотрению инцидента с Шевалье и оппозиции ученого созданию водородной бомбы. Один из разделов обвинительного письма озаглавлен «Правдивость доктора Оппенгеймера».

В заключение исполнительный директор Комиссии по атомной энергии рассматривал, какое влияние окажет отстранение Оппенгеймера на дальнейшее развитие исследований в атомной области. Снисходительно признавая «огромную ценность» работы ученого в годы второй мировой войны, Никольс приходит к выводу, что в настоящее время «доктор Оппенгеймер не является необходимым человеком», то есть «мавр сделал свое — мавр может уходить»...

Комиссия по атомной энергии под председательством Льюиса Страусса рассматривала приговор дисциплинарной комиссии и рекомендации Никольса еще в течение нескольких недель. Проволочка возникла и на этот раз из-за отсутствия согласия среди членов комиссии. Большинством в четыре голоса против одного комиссия 29 июня 1954 г. одобрила решение, запрещающее допускать Оппенгеймера к секретным данным. Один из членов комиссии — Генри Д. Смит — заявил «особое мнение», выступив в защиту ученого.

Решение Комиссии по атомной энергии было коротким и не содержало в себе никаких новых элементов. Может быть, стоит обратить внимание лишь на то, что комиссия ссылалась не только на протоколы «трибунала Грэя», то есть дисциплинарного процесса, но также и на донесения военной разведки и Федерального бюро расследований. Комиссия упоминала о законе об атомной энергии, относящемся к 1946 году, в соответствии с которым на нее возлагалась обязанность расследовать «характер, связи и лояльность» своих сотрудников. «Доктор Оппенгеймер, — говорилось в решении, — не пользуется более доверием со стороны правительства и данной комиссии по причине того, что принципиальные недостатки в его характере доказаны»... Комиссия по атомной энергии не давала ответа на вопрос, поставленный профессором Ивэнсом в его «особом мнении», что же изменилось с 1947 года, когда Оппенгеймер был признан достойным доверия. Изменился ли его характер? Или, может быть, изменилась политическая атмосфера в Соединенных Штатах?

Генри Д. Смит, который имел мужество выступить против взглядов маккартиста Страусса и остальных членов Комиссии по атомной энергии, являлся по профессии физиком-атомником. Во время войны он работал в Лос-Аламосе и впоследствии явился автором официального отчета о «Манхэттенском проекте». Поэтому он хорошо знал Оппенгеймера и среду ученых. Вот коротко те выводы, которые он изложил в своем «особом мнении».

«Давние связи и действия Оппенгеймера не были каким-либо существенным образом освещены по-новому; они были давно известны компетентным органам, которые никогда не делали вывода, что доктор Оппенгеймер вследствие этого не пригоден для государственной службы». Самым серьезным обвинением в адрес Оппенгейме-

ра Смит считает утверждение, что он вел себя несоответствующим образом в связи с проблемой водородной бомбы. «И для меня не является неожиданностью, — пишет Смит, — что доводы эти ни в коей мере не подтверждают этого утверждения».

По мнению Смита, Комиссия по атомной энергии должна была ответить только на один вопрос: «Существует ли возможность, чтобы доктор Oppenheimer сознательно или неосознанно предоставил секретную информацию лицам, которые не должны иметь к ней доступа?».

Логика аргументации Смита не убедила остальных членов Комиссии по атомной энергии. Председатель комиссии Страусс поставил перед ними определенную задачу: вынести Oppenheimer обвинительный приговор, заклеить ученого, скомпрометировать его в глазах общественного мнения, которое уже было соответствующим образом обработано сенатором Маккарти, и запугать таким образом других ученых, чтобы они не слишком вольнодумствовали и были послушны властям. Члены комиссии — за исключением Смита — выполнили эту задачу, поставив свои подписи под приговором, в силу которого Oppenheimer был признан виновным.

Обжалование

Привлечение Oppenheimer к суду, ход дисциплинарного процесса и обвинительный приговор вызвали волнение среди американских ученых. Подавляющее большинство из них выступали против сенатора Маккарти и против его охоты на «коммунистических ведьм». Процесс Oppenheimer явился для многих ученых сигналом тревоги. Поэтому вскоре после оглашения приговора по инициативе профессора Ли Дю Бриджа был создан комитет защиты Oppenheimer, который поставил перед собой задачу мобилизовать общественное мнение на защиту свободы науки. Альберт Эйнштейн, пользовавшийся в США огромным авторитетом, сделал заявление, в котором подчеркнул, что он испытывает к Oppenheimer самое глубочайшее уважение как к ученому и человеку.

В известном журнале американских ученых-атомников «Бюллетин оф атомик Сайенс» была напечатана

статья профессора Чикагского университета Гарри Калвена, который проанализировал процесс Оппенгеймера с правовой точки зрения. Калвен обратил особое внимание на тот факт, что в основу обвинительного приговора были положены «недостатки характера» Оппенгеймера. Этот момент не фигурировал ни в обвинительном акте, ни даже в решении дисциплинарной комиссии, поэтому Оппенгеймер не мог защищаться против подобного обвинения. Калвен резко выступал против Роджера Робба, который, по его словам, свою роль прокурора сыграл так, что «это, пожалуй, неприемлемо даже при рассмотрении дел об убийстве».

Интересны замечания Калвена о методе, который взяла на вооружение Комиссия по атомной энергии:

«Проблема заключалась не в том, — как, вероятно, воображало себе большинство комиссии, — чтобы покарать Оппенгеймера за плохое поведение в прошлом. Проблема сводилась исключительно к тому, чтобы предсказать его поведение в будущем, учитывая соображения безопасности. А предсказывая это, конечно, было неправильно принимать во внимание только те обстоятельства, которые говорили не в пользу ученого. Задачей членов комиссии было рассмотреть вопрос в качестве судей, а не выступать в роли обвинителей»...

В связи с этим Калвен упрекает членов Комиссии по атомной энергии, что они совершенно игнорировали «позитивные факты, свидетельствовавшие о характере, преданности и достижениях Оппенгеймера, которые, по моему мнению, полностью перевешивают негативную информацию».

Критики прокурора Робба выявили одну пикантную подробность, касавшуюся его личных связей. Как оказалось, главным клиентом адвоката Робба (в качестве прокурора он выступал только в составе дисциплинарной комиссии) был американский журналист Фултон Левис. Он был не известен в Европе, но о нем в те годы хорошо знали в Соединенных Штатах как об одном из главных апологетов сенатора Маккарти. Робб позаботился о том, чтобы стенограмма дисциплинарного процесса попала в руки Левиса прежде, чем другим журналистам, чтобы Левис первым мог выступать с нападками на Оппенгеймера в комментариях на радио.

Стоит вспомнить, что эта стенограмма, как это предполагалось вначале, вообще не должна была опублико-

ваться. Но председатель Комиссии по атомной энергии Страусс счел, что путем опубликования протокола он сможет поддержать обвинительный приговор Оппенгеймеру. Он не предусмотрел, что протокол станет существенным аргументом в руках всех тех, кто защищал ученого, и тем самым критиковал окружение Страусса.

Действительно, в защиту Оппенгеймера выступали также люди, далекие от кругов интеллигенции и вообще от каких бы то ни было левых кругов. Эти люди просто смотрели немного дальше, чем Маккарти или Страусс, понимая, что преследование ученых может обернуться против интересов Соединенных Штатов. Характерны в этом отношении выступления двух известных публицистов, братьев Олсоп, которых можно подозревать в чем угодно, только не в прогрессивных убеждениях (позже они стали апологетами американской агрессии во Вьетнаме).

Братья Олсоп выступили в защиту Оппенгеймера сначала в печати, а затем — в 1955 году — написали и издали книгу, посвященную его делу. Они назвали книгу «Мы обвиняем!», сознательно стремясь вызвать ассоциации со знаменитой книгой Эмиля Золя «Я обвиняю!». В этой книге авторы собрали документы, касавшиеся обвинения и защиты ученого, провели детальный анализ этих документов. Вывод был сокрушительным для обвинителей Оппенгеймера.

Братья Олсоп доказали, что все инсинуации обвинителей лишены каких бы то ни было оснований и что подавляющее большинство обвинений против ученого много раз проверялось в предыдущие годы Федеральным бюро расследований (ФБР) и различными комиссиями по проверке лояльности, причем всякий раз результаты расследования были в пользу ученого. Наконец, они доказали, что обвинители руководствовались личными антипатиями и чувством зависти (братья Олсоп, естественно, не упоминали о политических причинах), а не общественными интересами.

Особое внимание братья Олсоп уделили Льюису Страуссу, которого они считали инициатором преследований Оппенгеймера. Авторы напомнили, что Страусс был членом Комиссии по атомной энергии уже в 1947 году и что в те годы он голосовал вместе с другими членами комиссии за то, чтобы отвергнуть обвинения, выдвигавшиеся против ученого. Возникновение антипатии меж-

ду Страуссом и Оппенгеймером относится к 1948 году, когда Страусс, проявляя заботу о безопасности, воспротивился экспорту в Норвегию каких-то радиоактивных изотопов. Оппенгеймер доказал тогда, что такого рода экспорт не имеет ничего общего с секретами и безопасностью, и, пользуясь случаем, дал понять, что Страусс является невеждой. Страусс, как пишут братья Олсоп, никогда не простил ему этого. Но отомстить он смог лишь в 1953 году, когда возглавил Комиссию по атомной энергии.

Братья Олсоп обращают внимание еще на один момент, который мог побудить Страусса ускорить начало дела против Оппенгеймера. Страуссу стало известно, что сенатор Маккарти намерен начать дело против Оппенгеймера. «Страусс,— пишут братья Олсоп,— был поставлен перед выбором: или опередить Маккарти, или же предстать перед «великим инквизитором» в роли покровителя Оппенгеймера». Конечно, он избрал первое.

Интересно сравнение постоянно менявшихся тезисов обвинения противников Оппенгеймера, которое провели братья Олсоп. Борден начал с того, что указал на него как на агента Советского Союза. Никольс в своем обвинительном акте игнорирует обвинение Бордена и обвиняет Оппенгеймера в симпатиях к коммунизму и в нелояльности. Дисциплинарная комиссия отвергает обвинение в нелояльности и не придает большого значения коммунистическим симпатиям Оппенгеймера, зато делает упор на отношении Оппенгеймера к водородной бомбе. В свою очередь, Комиссия по атомной энергии в окончательном решении отвергает тезис об отношении Оппенгеймера к водородной бомбе и занимается прежде всего «недостатками характера» ученого.

Книга братьев Олсоп явилась в то же время обвинением системы проверки лояльности вообще, которая, по их мнению, была «насилием над всеми добрыми традициями американской свободы». Авторы выступали в особенности против системы доносов, анонимных писем и полицейской слежки, которые легли в основу дела Оппенгеймера.

Братья Олсоп указали, что «круги ученых, которые возглавили доктор Раби и Ли Дю Бридж, во время разбирательства дела буквально бомбардировали Страусса письмами протеста, высказывались в поддержку Оппенгеймера и предостерегали, что это дело может оказать

фатальное влияние на жизненно важное сотрудничество между учеными и правительством». Обвинительный приговор Оппенгеймеру вызвал, как писали братья Олсоп, «глубокое потрясение, гнев и отвращение среди почти всех американских ученых».

После позорного падения Маккарти, когда Соединенные Штаты начали приходить в себя от дурмана его демагогии, кампания в защиту Оппенгеймера становится еще сильнее. Весной 1956 года Рочестерский университет в штате Нью-Йорк созвал международную конференцию по вопросам атомной физики с участием двухсот ученых со всего мира. Организационный комитет конференции выступил против приглашения Страусса, хотя он продолжал занимать пост председателя Комиссии по атомной энергии. Поводом для такого решения была кампания Страусса против Оппенгеймера, который на эту конференцию был приглашен.

В мае 1956 года Комиссия по атомной энергии сочла нужным изменить существовавшие предписания о соблюдении правил безопасности, которые раньше были обязательными для сотрудников. Косвенная связь этих перемен с делом Оппенгеймера не подлежит сомнению. В частности, было признано недопустимым принимать во внимание анонимные доносы, а также считать доказательством виновности сотрудника его принадлежность в прошлом к организациям, которые считались подрывными, или контакты с лицами, которые затем были признаны подозрительными. Парижская «Монд» написала тогда: «Ученый Оппенгеймер никогда не был бы выведен из состава комиссии, если бы к нему были применены теперешние предписания».

Однако должно было пройти еще немало времени, Льюис Страусс должен был уйти со своего поста председателя Комиссии по атомной энергии, чтобы дело Оппенгеймера снова было поставлено на повестку дня комиссии. Приговор не подлежал ни обжалованию, ни пересмотру. Впрочем, ученый несомненно считал, что было бы ниже его достоинства снова стараться получить доступ к секретной информации. Комиссия по атомной энергии в измененном составе нашла другой способ косвенного пересмотра приговора 1954 года.

5 апреля 1963 г. комиссия заявила, что присудила Роберту Оппенгеймеру ежегодную премию имени Энрико Ферми (50 тыс. долл. и золотую медаль) за «особый

вклад в дело овладения и использования атомной энергии». Присуждение премии было не столько реабилитацией ученого, которому это не было нужно, сколько реабилитацией самой Комиссии по атомной энергии, которая таким образом отмежеввалась от позорного преследования и абсурдного приговора, вынесенного девять лет назад. Поводом для особого удовлетворения Oppenгеймера мог явиться тот факт, что премия носила имя Энрико Ферми — ученого, с которым он тесно сотрудничал, который выступил в его защиту во время дисциплинарного процесса и который выступал еще резче против гонки атомных вооружений.

Таким образом, обвинительный приговор был фактически отменен. Когда в феврале 1967 года Oppenгеймер умер, американская пресса снова славил его как великого ученого и как «отца атомной бомбы». Никто и не вспомнил о том, что всего несколько лет назад его обвиняли в предательстве национальных интересов и пытались заклеить его как шпиона. И действительно, имя Роберта Oppenгеймера останется в истории науки и в истории США вместе со всеми его взлетами и падениями, вместе с его достижениями и сомнениями. Зато имена ничтожных и подлых гонителей ученого уже безвозвратно преданы забвению. Попытка очернить Oppenгеймера как человека и ученого принадлежит к самым печальным страницам печального времени маккартизма в Соединенных Штатах Америки.

Обвинение

В отличие от двух других героев этой книги, Мэртон Собелл не был выдающейся личностью. Он не был ни таким крупным ученым, как Роберт Оппенгеймер, ни талантливым юристом, занимавшим, подобно Элджеру Хиссу, ответственные государственные посты. Впрочем, он был гораздо моложе их. В момент ареста ему было всего 33 года, он занимал скромную должность инженера в одной из нью-йоркских промышленных фирм. По сути дела, он не успел сделать никакой карьеры до того времени, когда за ним захлопнулись двери тюрьмы. Говорят, он мечтал о научной работе. Но внезапный арест и обвинительный приговор помешали его мечтам.

Что же привело Мэртон Собелла на скамью подсудимых? Почему он стал — как в том уверяли секретная полиция и прокурор — «сообщником» самых знаменитых американских «преступников» середины XX века Юлиуса и Этель Розенбергов, обвиненных в так называемом атомном шпионаже?

Ответ на этот вопрос должен быть дан с учетом двух факторов: политического и уголовного. С политической точки зрения, люди, в чьих руках в то время была власть в США, и действовавшие от их имени руководители секретной полиции и прокуратуры сочли нужным инсценировать процесс о краже атомных секретов. С уголовной точки зрения, Мэртон Собелл был удобным обвиняемым в процессе Розенбергов.

Он был коллегой Юлиуса Розенберга по университету и в течение многих лет оставался его другом. Поэтому можно было подsunуть тезис об их продолжительном сотрудничестве. Кроме того, в течение нескольких лет, еще студентом, Собелл был членом Коммунистической партии, что, по мнению прокурора, имело важное значение, в особенности потому, что принадлежность Розенбергов к Коммунистической партии была не доказуема.

Шеф американской секретной полиции (ФБР) Эдгар Гувер и прокурор Ирвинг Говард Сэйпол, который сделал большую карьеру благодаря процессу Розенбергов и Собелла, никогда не выдали секрета, почему они связали в одно дело этих троих обвиняемых. Известно лишь то, что во время процесса Собелл рассматривался как «сообщник» Розенбергов. В результате трагедия Розенбергов целиком заслонила драматическое положение Мэртон Собелла, а в связи с вынесенным им смертным приговором и всемирной кампанией за спасение их жизни дело Собелла, несмотря на то что он был осужден на 30-летнее тюремное заключение, оказалось почти забытым.

Когда сейчас, спустя двадцать с лишним лет, читаешь документы по делу Собелла, трудно понять, как этот человек вообще попал на скамью подсудимых, каким образом он оказался «впутанным» — иначе это трудно определить — в дело Розенбергов и, самое главное, каким образом ему мог быть вынесен обвинительный приговор, осуждавший его на многолетнее тюремное заключение. Дело в том, что в судебных протоколах нельзя найти ни единого доказательства виновности Собелла. Мало того, из них нельзя даже понять, в чем Собелл обвинялся, какие преступные действия он совершил.

Хронологически первым документом по делу является ордер на арест Мэртон Собелла, подписанный в Нью-Йорке 3 августа 1950 г. Основанием для ареста явилось данное под присягой показание агента ФБР, некоего Рекса Шрёдера. Стоит внимательно прочитать это показание. Шрёдер утверждал, что в период с января 1946 года по май 1948 года (он указывает даты) Собелл пять раз встречался с Юлиусом Розенбергом и вел с ним беседы.

По мнению Шрёдера, эти беседы являлись будто бы доказательством существования заговора, причем заговора с целью шпионажа. Однако Шрёдер не прилагает ни малейших усилий, чтобы хоть как-нибудь обосновать столь серьезное обвинение. Он даже не утверждает, что присутствовал во время бесед Собелла с Розенбергом или узнал о их содержании. Тем не менее он уверяет, что оба они были участниками заговора с целью шпионажа, и добавляет, что заговор датируется июлем 1944 года, хотя, по его же словам, первая беседа между Собеллом и Розенбергом состоялась в январе 1946 года. Эта подробность относительно 1944 года является весьма существен-

ной потому, что позволяла предъявить обвинение в шпионаже во время войны.

Таковыми же невразумительными и голословными, как донос агента Шрёдера, являлись и все остальные материалы прокурора против Собелла. В соответствии с требованиями американской процедуры, судебный процесс по уголовному делу может быть начат лишь после того, как так называемый расширенный состав присяжных вынесет решение о привлечении гражданина к ответственности. Однако в первом решении состава присяжных по делу Розенбергов и Собелла, датированном 17 августа 1950 г., вообще не упоминается имя Собелла. Впервые о Собелле упоминается во втором решении, датированном 10 октября 1950 г. Но и на этот раз там ни слова не говорится о каком-либо конкретном действии, которое могло бы свидетельствовать о его преступной деятельности. Там нет даже упоминания о тех пяти беседах, которые Собелл, как говорится об этом в доносе агента ФБР, будто бы вел с Юлиусом Розенбергом.

Во время процесса адвокаты Собелла установили, что в период с августа по октябрь 1950 года прокурор не представил расширенному составу присяжных никаких улик, свидетельствовавших о его виновности. Решение присяжных о привлечении Собелла к ответственности было принято, таким образом, только и исключительно на основании требования прокурора, что в корне противоречит американской процедуре судопроизводства.

Каких-либо конкретных обвинений против Собелла не выдвигалось до тех пор, пока его дело не попало в суд в Нью-Йорке. В начале 1951 года его адвокаты (Собелл к тому времени уже около полугода содержался в тюрьме) сделали формальное заявление, чтобы суд в соответствии с процедурными предписаниями потребовал от прокурора сформулировать обвинения против Собелла. Суд удовлетворил заявление адвокатов, но прокурор отнюдь не спешил выполнить это требование и даже обжаловал решение суда.

После длительных процедурных проволочек за несколько недель до начала процесса прокурор дал, наконец, ответ на заявление адвокатов. Ответ снова был невразумительным и состоял из двух предложений. В первом прокурор утверждал, что Собелл вступил в стговор с Розенбергами с целью шпионажа в июне 1944 года (раньше речь шла об июле 1944 г., теперь срок отодви-

гался еще на месяц — это утверждение, впрочем, также ничем не доказывалось и, конечно же, имело своей целью сделать упор на том, что Собелл начал заниматься шпионажем еще в годы войны). Во втором предложении прокурор вновь сослался на пять встреч Собелла с Розенбергом, о которых упоминал в своих показаниях агент секретной полиции Шрёдер.

Все дальнейшие попытки адвокатов Собелла установить, в чем же, собственно говоря, обвиняется их клиент, остались безрезультатными. Прокурор лишь повторял формулировку «шпионский заговор» и называл Собелла «сообщником» Розенбергов. Американская пресса, которая подняла вокруг дела Розенбергов большой шум и заранее предрешила результат процесса, не допуская сомнений в виновности подсудимых, почти не упоминала о Собелле. А судья Кауфман отвергал одно за другим все ходатайства адвокатов Собелла, требовавших прекращения его дела, потому что оставалось непонятным, в чем он, собственно говоря, обвиняется и какие преступные действия совершил.

И все же Мэртон Собелл был осужден на 30 лет тюремного заключения, а Розенбергам был вынесен смертный приговор. Это, конечно, было связано с общей политической атмосферой в Соединенных Штатах начала 50-х годов — усилением «холодной войны», началом войны в Корее, раздуванием истерии из-за того, что Советский Союз стал обладателем атомного оружия. Со всем этим в США была тесно связана охота за «красными» и шпиономания. Этот приговор был вынесен в результате того давления, которое оказывали власти через секретную полицию и услужливую прессу на судебные органы и на так называемых рядовых граждан, выступавших в роли присяжных заседателей.

Но даже в такой политической атмосфере и при таком сильном давлении на судей и присяжных необходима была зацепка, которая создавала бы видимость законности и которая обеляла бы — по крайней мере в их собственных глазах — присяжных, выносивших решение о виновности Собелла, и судью, который обрек его на 30-летнее тюремное заключение. Прокурор и секретная полиция нашли две такие зацепки: поездку Мэртон Собелла летом 1950 года в Мексику, которую прокурор изобразил как «попытку к бегству», и показания некоего Макса Элитчера, коллеги Собелла и Розенбергов в сту-

денческие годы. Об этих двух фактах нужно рассказать несколько подробнее.

Обстоятельства выезда Собелла в Мексику и его пребывание в этой стране были представлены прокурором во время процесса в принципе так же, как позже рассказывал об этом сам подсудимый (во время процесса Собеллу не дали возможности высказаться, о чем еще пойдет речь). Однако прокурор совершенно иначе, чем Собелл, интерпретировал эти обстоятельства. По мнению прокурора Сэйпола, Мэртон Собелл, будучи участником шпионского заговора, бежал в Мексику и пытался выехать оттуда в Европу, потому что почувствовал себя в опасности и хотел избежать ареста. Обвиняемый заявил, что он выехал в Мексику с семьей на отдых и там из-за политических событий впал в панику, чем и объясняются его некоторые шаги.

Мэртон Собелл мечтал о поездке в Мексику в течение многих лет. В 1948 году он справлялся в одной из авиакомпаний о стоимости билетов в Мексику и получил от нее письменный ответ. И вот 22 июня 1950 г. Собелл вместе с женой и двумя детьми вылетел из Нью-Йорка. Стоит отметить существенный факт: он купил для всей семьи также и обратные билеты. Накануне поездки он тщательно запер двери и окна своего небольшого домика, поставил в гараж машину. Он не пытался продать дом, автомашину или мебель.

День отъезда Собелл назначил на 22 июня из-за своих семейных дел. Как раз в это время он закончил дела на той фабрике, где работал, а накануне у старшей дочери (это была дочь его жены от первого брака) закончился учебный год. Откуда Собеллу было знать, что через несколько дней, 25 июня, начнется война в Корее...

Собелл был достаточно интеллигентен и достаточно хорошо разбирался в вопросах международной политики, чтобы понять, что начало военных действий в Корее повлечет за собой дальнейшее возрастание международной напряженности и окажет влияние на внутреннее положение в Соединенных Штатах. Впрочем, и до его отъезда из Нью-Йорка политическая атмосфера в США была тяжелой. Агенты секретной полиции проявляли все большую активность. Многих друзей Собелла уже не раз вызывали в ФБР. Их допрашивали, какие газеты они читают, за кого голосовали во время последних выборов и каковы политические взгляды их друзей.

Собелл, который в студенческие годы являлся членом Коммунистической партии, был всем этим серьезно обеспокоен. Поэтому он не исключал возможности, что вместе с семьей останется на какое-то время в Мексике. Он был специалистом по электронике. В этой области Мексика делала лишь первые шаги, и Собелл мог рассчитывать на то, что если он решится остаться в этой стране, то сравнительно легко найдет там работу. Но пока он думал только об отдыхе. Известие о начале военных действий в Корее привело его в состояние нервного возбуждения.

Приехав в Мехико, Собелл снял квартиру на свое имя. Эта деталь интересна потому, что целиком противоречит утверждению прокурора, будто бы обвиняемый уже в момент отъезда из Нью-Йорка принял решение совершить побег. Станный это был бы «шпион», который, приняв решение о побеге в другую страну, продолжает пользоваться своим именем.

В Мехико Собелл познакомился с соседом по квартире — неким Мануэлем де лос Риос, который представился ему как политический эмигрант из Испании. В молодости Мэртон Собелл проявлял живейший интерес к гражданской войне в Испании и был сторонником республиканцев. Де лос Риос сразу же завоевал его симпатию и доверие. Во время долгих бесед они обменивались взглядами на международное положение. Собелл не скрывал своей ненависти к фашизму.

«Испанец» (кавычки тут необходимы, ибо не ясно, был ли де лос Риос на самом деле политическим эмигрантом) потом отблагодарил Собелла за искренность, выступив во время процесса в качестве свидетеля прокурора с детальным рассказом о содержании их бесед. Есть предположение, что этот «эмигрант» был просто-напросто агентом мексиканской секретной полиции, тесно связанной с ФБР.

Если хотя бы на минуту поверить в утверждение прокурора, что Собелл был шпионом, искавшим в Мексике возможности для побега, то тогда становится совершенно непонятно, почему же он вел себя столь неосторожно, открывенничая со случайным соседом. Или он не знал, что в Мексике, граничащей с Соединенными Штатами, действуют сотни агентов и информаторов ФБР? Шпион, несомненно, учел бы это обстоятельство при выборе знакомств. После ареста Собелла, а точнее говоря, после его похищения агентами ФБР, мексиканская газета «Прен-

са» писала: «Агенты мексиканской секретной полиции ни на минуту не прекращали слежки за Собеллом»...

Приехав в Мексику, Собелл совершил еще одну ошибку, которая потом была использована прокурором. Он считал, что его перепиской с родственниками в Нью-Йорке может заинтересоваться секретная полиция. Поэтому письма родственникам он высылал на адрес своего студенческого коллеги Уильяма Данцигера, а в качестве отправителя указывал «Мэрти Совелла», что и подтвердил потом Данцигер во время процесса.

По мнению прокурора, это было доказательством желания скрыть свою настоящую фамилию. Доказательство, по меньшей мере, странное. Если бы Собелл действительно был шпионом или действительно хотел скрыться, то он мог бы посылать письма, вообще не указывая обратного адреса или же указав совершенно другую фамилию, а не фамилию, в которой изменена только одна буква и указан не совсем точно его адрес в Мехико.

Посылая следующее письмо Данцигеру с просьбой передать корреспонденцию родственникам, Собелл указал в качестве отправителя «Мэрти Левита». Это была девичья фамилия его жены. Этот факт не свидетельствует о слишком большой изобретательности Собелла. И конечно же, он не служит доказательством его отношения к шпионажу или его намерения совершить побег, потому что если секретная полиция им интересовалась, то ей, безусловно, была известна девичья фамилия его жены.

Во время своего пребывания в Мексике, а точнее говоря, во время своих поездок в Веракрус и Тампико, Собелл еще три раза воспользовался различными псевдонимами, называя себя «Моррис Санд», «Мэрвин Салт», «Мэртон Салт». Прокурор легко доказал это во время процесса — ведь за каждым шагом Собелла в Мексике следили — и выдал эту детскую мистификацию за существенное доказательство принадлежности к шпионскому заговору. Собелл не отрицал, что в Мексике он пользовался разными фамилиями, но, как правильно указали его защитники, из этого нельзя было сделать никаких выводов относительно шпионажа, да к тому же атомного.

18 июля 1950 г., то есть спустя несколько недель после того, как семья Собеллов прибыла в Мексику, они узнали из американских газет об аресте Юлиуса Розенберга по обвинению в шпионаже. Это известие подействовало на Собелла, как гром среди ясного неба. Розенберг был

его товарищем в студенческие времена. Зная политическую атмосферу в Соединенных Штатах и методы секретной полиции, Собелл мог предполагать, что после возвращения в Нью-Йорк он обязательно будет подвергнут допросам в ФБР, для которого его связи с левыми кругами не были тайной.

Собелл вынужден был задуматься, не стоит ли выехать на какое-то время в Латинскую Америку или Европу, где он не будет обречен на преследования за свои убеждения. Следует заметить, что летом 1950 года в Соединенных Штатах не один Мэртон Собелл был охвачен паникой. Начало войны в Корее и «охота на ведьм», начатая фашиствующим сенатором Маккарти, привели в замешательство многих американцев, особенно из либеральных и прогрессивных кругов.

Мэртон Собелл решил поэтому направиться в порт Веракрус, а оттуда в Тампико, чтобы узнать о возможности выехать на пароходе в Европу, во Францию или Италию. На месте Собелл убедился, что этот план осуществить нелегко, тем более что у него и у членов семьи нет американских заграничных паспортов, необходимых для такого путешествия.

Из Веракрус Собелл сообщил жене письмом в Мехико, что план поездки в Европу он считает теперь фантастическим и что следует вернуться в Нью-Йорк. 2 августа 1950 г. он возвратился в Мехико, и семья начала готовиться в обратный путь. В частности, все члены семьи делали прививки, необходимые при въезде в Соединенные Штаты.

Поездка Собелла в Веракрус и Тампико, и в особенности то, что он узнавал о возможности поездки в Европу, по мнению прокурора, была еще одним доказательством подготовки к побегу. А если он намеревался совершить побег, утверждал прокурор, — это значит, что он был шпионом и сообщником Розенбергов. Этот вывод был сделан вопреки всякой логике.

16 августа 1950 г. разыгрался последний акт драмы Собеллов в Мексике. В этот день вечером в их квартиру неожиданно ворвались трое вооруженных мужчин. И сразу же погас свет. Один из мужчин, направив на Собелла пистолет, крикнул: «Вы — Джонни Джонс. Вы ограбили банк в Акапульке и забрали 15 тыс. долл.». Изумленный Собелл заявил, что он хочет позвонить в посольство Соединенных Штатов, где подтвердят, что его

зовут Мэртон Собелл и что он не имеет никакого отношения к ограблению банка.

Ворвавшиеся в квартиру не обратили внимания ни на слова Собелла, ни на его документы, удостоверявшие его личность и выданные именно на имя Собелла (следует заметить, что в течение всего времени пребывания в Мексике Собелл имел документы и удостоверения, включая права на вождение автомашины, на свою фамилию). Впрочем, вскоре стало ясно, что налетчики, которые заявили, что они «из полиции», ищут именно Мэртон Собелла, а не какого-то несуществующего Джонса.

Собелла вместе с женой и детьми силой принудили сесть в автомашину, ожидавшую у подъезда. Их попытки сопротивляться остались безрезультатными. Налетчики просто были сильнее. Собеллов привезли в какое-то незнакомое помещение, откуда ночью, под конвоем автомашин, направили к границе Соединенных Штатов. Поездка продолжалась почти двое суток, хотя автомашины шли с большой скоростью. В течение этого времени Собелла уверяли, что его везут к «шефу мексиканской полиции», который примет решение о его дальнейшей судьбе.

В 2 часа ночи с 17 на 18 августа 1950 г. Собеллы оказались в местечке Нуэво-Ларедо. На другой стороне реки Рио-Гранде виднелся город Ларедо в штате Техас. Похитители перевезли Собеллов через мост и остановились в Ларедо. Там к их автомашине подошел мужчина, заявивший, что он является агентом ФБР. Это был тот самый Рекс Шрёдер, который в начале месяца дал под присягой показание о «шпионских беседах» Мэртон Собелла с Юлиусом Розенбергом. Шрёдер арестовал Собелла уже и формально, надев ему наручники.

Инспектор иммиграционного отдела в Ларедо, заполнявший формуляры в связи с возвращением Собеллов в Соединенные Штаты, указал в бланке Мэртон Собелла: «Депортированный из Мексики». Это была явная ложь, так как мексиканские власти не имели ничего общего с похищением Собелла агентами ФБР. Но эпитет «депортированный» как нельзя больше подходил к слову «шпион», а, кроме того, секретная полиция не хотела и не могла признаться в похищении Собелла.

Когда Элен Собелл, жена Мэртон, оказалась в отеле в Ларедо — ибо она не была арестована, — она увидела в местной газете «Ларедо таймс» большой заголовок:

«Атомный шпион пойман во время попытки совершить побег из Соединенных Штатов». Этим шпионом, оказывается, был ее муж. Хотя в этом заголовке каждое слово было ложью, тем не менее в течение следующих месяцев он повторялся без изменений всей американской прессой.

Мэртон Собелл с момента ареста в Ларедо, а точнее говоря, с момента похищения в Мексике, находился в заключении. Его жена вскоре была вынуждена продать дом и все имущество, чтобы добыть средства к существованию. В это время к ней обратился близкий друг Мэртона, некий Макс Элитчер, который выразил готовность купить часть мебели. Элен Собелл охотно воспользовалась предложением и продала ему мебель за бесценок. Ведь Макс, наверное думала она, — друг Мэртона. Вскоре она узнала, что Элитчер является главным свидетелем прокурора в процессе против ее мужа.

Показания Элитчера сыграли решающую роль в процессе. Если бы не его заявления, столь неожиданные для Собелла, обвинительный приговор, наверное, не был бы вынесен. Судья Кауфман, который председательствовал во время процесса, предостерег присяжных: «Если вы не поверите показаниям Элитчера в части, касающейся Собелла, то должны будете оправдать обвиняемого».

Макс Элитчер был на год моложе Собелла. Они родились в Нью-Йорке, жили в одном районе и выросли в одинаковой среде — они были детьми бедных эмигрантов из Европы. В 1934 году одновременно они поступили на политехническое отделение городского университета в Нью-Йорке. Во время учебы подружились. Главное, что способствовало их дружбе, была общность политических взглядов. Оба придерживались левых убеждений и были близки к коммунистическому движению.

После окончания учебы, в 1938 году, Элитчер и Собелл получили работу в одном государственном учреждении в Вашингтоне. Они наняли совместно квартиру и считались ближайшими друзьями, конечно, не предполагая, что спустя некоторое время, при изменившихся обстоятельствах, по доносу одного из них другой будет осужден на пожизненное тюремное заключение.

После трех лет совместной работы в Вашингтоне Собелл решил, что его больше интересует новая область — электроника. Он задумал получить высшую научную степень в Мичиганском университете. Элитчер остался в Вашингтоне, очень огорчаясь из-за отъезда Собелла.

Вскоре оба женились, что еще более ослабило связи между ними, хотя они и дружили.

В годы войны и после войны Элитчер продолжал работать в Вашингтоне — в одном из учреждений военно-морского флота. В связи с этим в 1947 году он должен был дать так называемую «присягу в лояльности», то есть заявить, что он не является и никогда не был коммунистом. «Присяга в лояльности», введенная президентом Трумэнном, была одним из первых отзвуков «холодной войны» в американской внутренней политике и обрекла многие тысячи граждан Соединенных Штатов на различные издевательства и преследования.

Макс Элитчер решил дать присягу, стараясь тем самым сохранить место на государственной службе. Однако это было клятвопреступлением, так как в 1939—1941 годах Элитчер был членом Коммунистической партии, а теперь хотел это скрыть. Вскоре ему пришлось убедиться, что, давая ложную присягу, он навлек на себя такие неприятности, из которых потом не мог выпутаться. Уже в 1948 году агенты ФБР допрашивали его мать о политических убеждениях ее сына во время учебы.

Осенью 1948 года Элитчер отказался от работы в Вашингтоне и перебрался в Нью-Йорк. С помощью Собелла он нашел работу в той же промышленной фирме, в которой работал и Собелл. Элитчер купил маленький домик в Нью-Йорке, рядом с домиком Собеллов. Каждый день утром они вместе ездили на работу — поочередно то на машине Собелла, то на машине Элитчера.

Спустя некоторое время отношения между старыми друзьями начали портиться. Известную роль здесь сыграли личные дела: жена Элитчера часто ссорилась с Мэртоном Собеллом; кроме того, Собеллам в финансовом отношении везло больше, что вызвало зависть Элитчеров. В то же время наметились расхождения и в политических взглядах. Собеллы, несмотря на сгущавшуюся политическую атмосферу, не скрывали своих прогрессивных взглядов, в то время как Элитчеры все больше и больше отдалялись от левых кругов.

Летом 1950 года, когда Собеллы готовились к поездке в Мексику, их отношения с Элитчерами свелись до минимума. Обе семьи вели себя как вежливые соседи, касаясь в разговорах главным образом воспитания детей и старательно избегая политических тем. Собелл сообщил Элитчеру, что выезжает в Мексику на отдых, но не поделился

с ним своими заботами и не упоминал о том, что подумывает над возможностью выезда из Соединенных Штатов на какое-то время.

Секретная полиция, которая уже давно интересовалась Максом Элитчером, снова обратила внимание на его особу летом 1950 года в связи с арестом Юлиуса Розенберга. Ведь Элитчер был его товарищем по университету. Агенты ФБР сначала посетили Элитчера на работе, а потом неоднократно допрашивали его в штаб-квартире секретной полиции в Нью-Йорке. Содержание и очередность этих бесед остались секретом ФБР, но зато стало совершенно ясно, что в результате этих бесед, а точнее говоря, в результате нажима со стороны ФБР, Элитчер стал главным свидетелем против Мэртона Собелла.

Стоит обратить внимание на тот факт, что в первых официальных протоколах допросов Элитчера в июле 1950 года фамилия Собелла вообще не фигурирует. Этим следует объяснить и то обстоятельство, что фамилия Собелла не упоминается также в первом решении о привлечении к ответственности Розенбергов. Лишь в ходе дальнейших «бесед» с агентами ФБР или, называя вещи своими именами, по мере усиления нажима со стороны секретной полиции Элитчер «вспоминал» все больше и больше подробностей, называл все новые имена и наконец дал согласие выступить с показаниями против Собелла.

Механика действий ФБР была проста, ясна и хорошо известна в те годы в США. Элитчер был поставлен перед выбором: или сыграть роль главного свидетеля против Собелла, или же оказаться на скамье подсудимых по обвинению в принадлежности к Коммунистической партии и в том, что он скрыл этот факт во время дачи «присяги в лояльности». У Элитчера не хватило мужества. Он не выдержал и стал послушным орудием в руках ФБР.

После продолжительной обработки показаний в секретной полиции Элитчер выступил перед судом со следующими сенсациями. В июле 1944 года — эта дата, как известно, была необходима прокурору — Розенберг якобы предложил Элитчеру заняться шпионажем, ссылаясь при этом на то, что Собелл будто бы уже является участником шпионской сети. Летом 1948 года Элитчер якобы присутствовал при том, как Собелл передавал Розенбергу важную информацию (как он, Элитчер, догадался, шпионскую).

Первый из этих фактов, относящийся к 1944 году, проверить было невозможно. Следует только отметить, что Розенберг во время процесса решительно отрицал, что он когда-либо вел с Элитчером такого рода переговоры. Второго факта, относящегося к 1948 году, следует коснуться более подробно. В нем столько внутренних противоречий, что он целиком противоречит здравому смыслу.

Дело происходило будто бы в июле 1948 года, в то время, когда Элитчер решил перебраться из Вашингтона в Нью-Йорк. В связи с переездом и для того, чтобы снять квартиру, Элитчеры выехали на автомашине в Нью-Йорк, где должны были временно остановиться у Собеллов. По пути в Нью-Йорк — так, во всяком случае, сообщал суду Элитчер — у него возникло подозрение, что его машина находится под наблюдением агентов ФБР. Однако он приехал к Собеллам, и, после того как они уложили детей спать, он поделился с Мэртоном Собеллом своими опасениями.

Уже эта вступительная часть показаний Элитчера вызывает сомнения. Во-первых, трудно представить, чтобы агенты ФБР вели наблюдение за какой-нибудь автомашиной на протяжении четырехсот километров, а именно таково расстояние от Вашингтона до Нью-Йорка. Во-вторых, — и это весьма существенно, — если Элитчер действительно заметил, что за ним ведется слежка, то почему он заехал к Собеллам? Ведь, если верить его показаниям, они оба в то время являлись членами шпионской сети. Почему же он решился показать настоящим или воображаемым агентам ФБР, к кому он едет, и таким образом раскрыть всю шпионскую сеть? Он мог довольно просто изменить свои планы и остановиться где-нибудь в другом месте — хотя бы в гостинице, — введя в заблуждение и и сбив со следа секретную полицию. Однако он предпочел заехать к Собеллам, наведя ФБР на след своего «сообщника». Так ли поступает настоящий шпион?

Дальнейшие показания Элитчера вызывают еще больше вопросов. По его словам, Собелл, услышав, что ФБР следило за Элитчером, в первый момент страшно забеспокоился. Вскоре, однако, он согласился, чтобы Элитчеры остались в его доме. И тогда-то и произошло сенсационное событие, которое было, можно сказать, слишком необычным, чтобы в него можно было поверить.

Здесь поэтому стоит привести показания самого Элитчера:

«Немного погодя,—заявил этот свидетель прокурора,—Собелл подошел ко мне и сказал, что у него в доме есть важная и ценная информация, которую он должен был передать Розенбергу, но до сих пор этого не сделал. Информация была слишком ценной, чтобы ее уничтожить, но вместе с тем очень опасной, чтобы ее хранить. Поэтому он сказал, что хочет передать ее Розенбергу в тот же вечер. Я ответил, что при данных обстоятельствах это было бы легкомыслием, что это было бы опасно и глупо»...

Однако Собелл, как утверждал Элитчер в своих показаниях, не поддался уговорам и не отказался от намерения передать «информацию» Розенбергу, причем именно в тот же вечер. Более того, он обратился к Элитчеру с просьбой поехать к Розенбергу вместе с ним, ссылаясь на то, что он слишком устал и не может сам вести машину. «Когда мы выезжали,—добавил Элитчер,—я видел, как Собелл захватил с собой металлическую коробку с 35-миллиметровой пленкой»... Далее Элитчер рассказывал, как он поехал с Собеллом в район, где жил Розенберг, как поставил машину вблизи его дома и как полчаса ждал, пока Собелл вернулся, передав пленку.

Когда Собелл вернулся, Элитчер будто бы спросил его: «Ну, и что думает Юлиус о том, что за мной следили?» Собелл будто бы ответил: «Он считает, что все в порядке, не беспокойся об этом»...

В связи с этими показаниями Элитчера логически напрашиваются по крайней мере три вопроса. Во-первых, если у Собелла дома имелась «ценная» информация, которую он должен был уже давно передать Розенбергу, то почему он оттягивал это до приезда Элитчера? Во-вторых, почему он решился передать информацию именно в тот день, когда к нему приехал приятель, за которым следило ФБР, и почему он забрал с собой Элитчера, по пятам которого якобы следовали агенты ФБР? В-третьих, наконец, откуда Элитчер мог знать, каково содержание пленки, которую, по его словам, Собелл передал Розенбергу? Элитчер заявил, что не видел пленки и не слышал о том, что в ней было. Откуда же берется предположение, что пленка была «шпионской», если такая пленка вообще существовала?

Стоит лишь на мгновение задуматься над старательно подготовленными показаниями Элитчера, чтобы прийти к выводу, что они противоречат здравому смыслу, что они состряпаны по рецептам плохих детективных романов.

Именно плохих, потому что в хороших детективных романах слова и дела героев не противоречат логике.

Только тогдашней политической атмосферой в Соединенных Штатах можно объяснить тот факт, что специалисты из ФБР — а они в конце концов, действительно, являются специалистами — решились сочинить шитую белыми нитками историю с показаниями Элитчера, что Макса Элитчера принудили продекламировать эту невероятную историю перед судом, что пресса, радио и телевидение придали широкую огласку этому вымыслу, не обращая внимания на все его внутренние противоречия, что присяжные заседатели поверили во все это, вынеся определение о виновности Мэртона Собелла.

Стоит подчеркнуть, что кроме описанной выше поездки Мэртона Собелла в Мексику и вышеизложенных показаний Элитчера никаких других доказательств виновности Собелла прокурор не представил. С этим согласны все авторы американских книг о процессе Розенбергов и Собелла и те, кто утверждает, что подсудимые были невиновны (например, Джон Вексли в книге «Процесс Юлиуса и Этель Розенбергов», Нью-Йорк, 1955 г.), и те, кто считает, что их вина была доказана (в частности, Джонатан Рут в книге «Изменники», вышедшей в Нью-Йорке в 1963 г.).

Не располагая какими-либо конкретными доказательствами вины Собелла (а, кстати говоря, и Розенбергов), прокурор Сэйпол избрал своеобразную тактику, которую разъясняет только что названный американский журналист Джонатан Рут. Его мнение интересно, тем более что он в принципе поддерживает официальный тезис о виновности подсудимых.

«Прокурор, — пишет Рут, — стремился использовать неспокойную атмосферу того времени ради максимального наказания при минимальных уликах. Поэтому он решил обвинять Розенбергов и Собелла не в шпионаже — что было трудно доказать и что противоречило закону о давности совершенного преступления, — а в организации заговора с целью шпионажа. Таким образом, отпала необходимость представлять прямые доказательства, что Розенберги и Собелл занимались шпионажем, достаточно было лишь нагромоздить косвенные доказательства того, что они намеревались заниматься шпионажем»...

Рут подробно разбирает вопрос, каково различие в американском законодательстве между обвинением в

шпионаже и обвинением в заговоре с целью шпионажа, приводя следующий пример:

«Чтобы доказать, что Розенберги действительно украли военные секреты и передали их Советскому Союзу, следовало бы приложить документы. Но чтобы доказать наличие заговора, достаточно было таких улик, как донос о том, что двое людей встретились, а уж присяжные должны определить впоследствии характер этой встречи»...

Рут признает, что американская пресса, сообщая о процессе, писала о «шпионаже» и о «предательстве», но ни разу не обращала внимания на столь важный со всех точек зрения факт, как различие между шпионажем и заговором с целью шпионажа. По мнению этого автора, избранная прокурором стратегия, принятая за чистую монету прессой и присяжными, «заключает в себе большую опасность для свободного мира», поскольку облегчает задачу прокурора, но затрудняет защиту обвиняемых.

Если уж ссылаться на мнение Рута, который, повторяем, считает, что вина подсудимых была доказана, стоит привести еще две его формулировки, относящиеся к Мэртону Собеллу. Касаясь решения о привлечении его к ответственности, Рут отмечает, что в этом документе «не было конкретных упоминаний о Собелле, кроме того, что он был назван участником заговора, который продолжался с 1944 по 1950 год, и что ФБР не установило, какова была роль Собелла в этом заговоре». Можно добавить, что до конца процесса так и осталось неясным, какую же роль отводили Собеллу ФБР и прокурор в этом заговоре. Касаясь далее мексиканского путешествия Собелла, Рут считает нужным вспомнить, что «17 августа 1950 г. Мэртон Собелл был похищен из своей квартиры в Мехико». Хотя рядом со словом «похищен» отсутствуют буквы «ФБР», автор не сомневается в том, кто был инициатором и кто, пренебрегая всеми правовыми нормами, осуществлял похищение. Но это уже касается защиты Мэртона Собелла.

Защита

Адвокаты Собелла — с момента его ареста и до конца процесса — были в исключительно трудном положении: они так и не смогли узнать, в чем, собственно говоря, об-

виняется их клиент... Ни расплывчатые формулировки обвинительного заключения об участии Собелла в шпионском заговоре, ни тем более шумная кампания прессы, представлявшей Собелла как опасного шпиона и врага Соединенных Штатов, не позволяли выработать эффективную линию защиты.

Одним из основных положений уголовного права в цивилизованных странах является принцип, что виновность подсудимого должен доказать представитель прокуратуры, а подсудимый — если он не признает своей вины — имеет право опровергать доводы представителя обвинения. Для средневековых инквизиторских судов было достаточно доноса шпиона, находившегося на содержании у инквизиции, чтобы вынести обвинительный приговор. Таковыми были и знаменитые «процессы над ведьмами».

Процесс Розенбергов и Собелла во многом был похож на средневековые «процессы над ведьмами». Подсудимые должны были опровергать самые абсурдные утверждения прокурора, которые, как правило, были неточными и ничем не подтверждались. В роли свидетелей обвинения выступали люди, явно находившиеся под давлением секретной полиции и готовые «продекламировать» перед судом любой текст, предварительно подготовленный в ФБР. Такой ценой они спасали себя от уголовного преследования, которым их запугивали.

Учитывая это, адвокаты Собелла начали с того, что еще до начала судебного разбирательства ходатайствовали об отмене решения о привлечении к ответственности их клиента. Свое требование они мотивировали прежде всего тем, что в решении о привлечении Собелла к ответственности, вопреки закону, не указывались никакие факты, свидетельствовавшие о преступлении, за которое он должен отвечать. Как уже говорилось выше, в этом решении, как и потом, в ходе судебного процесса, ни разу не упоминалось ни о каком действии Собелла, которое явилось бы конкретным свидетельством его участия в шпионском заговоре.

Предложение отменить решение о привлечении Собелла к ответственности было отвергнуто. Его адвокаты потом несколько раз повторяли это ходатайство, но каждый раз оно отвергалось. Такова была судьба и других процедурных мер адвокатов Собелла. Так, например, они пробовали ссылаться на то, что Собелл был незаконно

похищен из Мексики, а это ставит под сомнение правомочность судебного разбирательства. Потом они выдвинули тезис, что если Собелл вообще должен предстать перед судом, то его дело должно рассматриваться отдельно.

Этот тезис заслуживает внимания. Мэртон Собелл, указывали его адвокаты, был знаком с Розенбергом и с Элитчером, но ни разу не встречался ни с Гринглассом, ни с Голдом (главными свидетелями обвинения против Розенбергов и предполагаемых членов их шпионской сети). Грингласс и Голд в своих показаниях не называли фамилии Собелла. Следовательно, Собелл не мог обвиняться по тому же делу, что Грингласс и Голд. Суд, однако, не согласился с таким доводом адвокатов.

Основываясь на том, что прокурор не выдвинул конкретных обвинений против Собелла, а также не представил доказательств его преступной деятельности, адвокаты Собелла свели к минимуму свое участие в судебном разбирательстве, собственно говоря, ограничились предложениями по процедурным вопросам и заслушиванием свидетелей прокуратуры. Они не привлекли своих свидетелей, а также не выдвинули свидетелем самого Собелла, что было вполне возможно по американскому судопроизводству. (Розенберги давали показания как свидетели, в свою защиту.) Наверное, адвокаты Собелла верили в американское правосудие. Они не могли даже предположить, что их клиент может быть осужден, несмотря на отсутствие каких-либо доказательств его виновности. Этим и можно объяснить их пассивность во время процесса.

Тактика, избранная защитой Собелла, подверглась критике в книгах, посвященных его делу. Так, например, Джон Вексли вспоминает, что адвокаты «посоветовали Собеллу не выступать с показаниями, поскольку прокурор не поддержал против него обвинения». Затем Вексли отмечает: «Это решение адвокатов Собелла, пожалуй, следует признать серьезной ошибкой, если анализировать его с известной перспективы».

Вексли следующим образом обосновывает свое мнение:

«Адвокаты Собелла надеялись, что если Собелл не обвиняется в атомном шпионаже, то присяжные признают рассмотрение его дела одновременно с делом Розенбергов несправедливым. Однако, учитывая атмосферу того времени, а также явную предвзятость присяжных, сле-

дует отметить, что адвокаты ошибочно оценили ситуацию. Такова была позже точка зрения многих, когда Собелл безуспешно старался добиться пересмотра дела.

Пожалуй, сейчас (Вексли писал это в 1955 г.— Г. Я.) дело было бы решено в пользу Собелла, если бы он выступил в качестве свидетеля и решительно опроверг обвинения Элитчера, хотя по закону не требуется, чтобы подсудимый доказывал свою невиновность. Сомнительно, однако, чтобы показания Собелла оказали какое-либо влияние на присяжных. Многие считают, что такие показания могли бы иметь значение для общественного мнения и во время рассмотрения дела Собелла вышестоящими инстанциями».

Джонатан Рут сообщает, что адвокаты Собелла не договорились по поводу тактики, избираемой ими в процессе, и что это проявилось даже в последний день процесса. Уже после того, как присяжные огласили решение — «виновен», и перед тем, как председательствующий огласил приговор, слово взял адвокат Собелла 76-летний Гарольд Филиппс. Он снова повторил ходатайство защиты об отмене решения привлечь Собелла к ответственности. Это ходатайство адвокат обосновывал незаконным похищением их подзащитного из Мексики. В поддержку своих доводов адвокат предложил данные под присягой показания Собелла об обстоятельствах его похищения.

На эту тему произошел диалог между председательствующим — судьей Кауфманом и адвокатом Филиппсом. Судья выразил удивление, что защита не заслушала Собелла в качестве свидетеля, и добавил: «Я никогда не смогу понять этого». По мнению судьи, защита не обратила также внимания на то, что Собелл выехал из Соединенных Штатов в Мексику открыто, под своей собственной фамилией. «Вы же могли, — указал судья, — сослаться на свидетеля — чиновника авиакомпании».

Отвечая на возражения судьи, адвокат Филиппс признал, что он совершил ошибку, и пояснил, что причиной этой ошибки было именно различие мнений между ним и другим защитником Собелла, адвокатом Эдвардом Кунтцем, который решительно воспротивился тому, чтобы заслушать Собелла в качестве свидетеля. Судья Кауфман не отрицал, что это было неблагоприятным стечением обстоятельств, однако отверг ходатайство защиты.

Из книги Рута, который отнюдь не симпатизирует Собеллу, стоит привести изложение основной речи адвоката

Эдварда Кунтца в защиту Мэртон Собелла, которую он произнес перед тем, как присяжные должны были удалиться на совещание:

«Я не знал,— заявил Кунтц,— в чем обвиняется Собелл, когда начался процесс, и до сих пор этого не знаю. Показания Элитчера — единственное, что в какой-то мере говорит о виновности Собелла,—являются делом рук ФБР и прокурора, который уподобился горе, родившей мышь, то есть Элитчера. Элитчер признался в том, что он дал ложные показания. Из его собственных показаний следует, что в течение длительного времени он колебался, вступить или нет в шпионскую организацию. Этого было бы достаточно, чтобы настоящий агент разведки счел рискованным отнестись к нему с доверием. Разве такой человек мог в течение ряда лет принимать участие в интригах двух якобы ведущих советских агентов — Розенберга и Собелла? А если Собелл был участником заговора, то почему Грингласс его не знал и даже не упомянул его имени?

Если поездка Собелла в Мексику была доказательством его желания избежать ареста и если советские шпионы — как уверял будто бы Грингласса Розенберг — все приготовили для побега, то почему Собелл не встал с путеводителем в руках у какого-нибудь памятника в Мексике, дожидаясь, пока кто-нибудь не установит с ним контакт? Вместо этого он ездил по Мексике без определенной цели в течение двух месяцев, а потом вернулся в квартиру, которую снял на собственное имя, и был известен под своим именем. То, что он пользовался псевдонимами во время поездки в Веракрус и Тампико, не является доказательством ни побега, ни вины».

Заключая достаточно объективное изложение речи Кунтца, Рут пишет:

«Более всего Кунтца беспокоил способ, к какому прибег прокурор Сэйпол, поддерживая обвинение, — неясные выдумки и стремление запутать дело (Рут, безусловно, имеет в виду попытку прокурора воспользоваться фактом принадлежности Собелла и других обвиняемых к коммунистическому движению, хотя это обстоятельство и не было предметом разбирательства. — Г. Я.). Собелл никогда не был депортирован из Мексики, если в мексиканских официальных актах нет и следа такого делопроизводства, и Сэйпол отлично об этом знал. Такого рода тактика, с сожалением покачал головой

Кунтц, подрывает наше законодательство и становится угрозой для свободы каждого из нас».

В одной из своих кассационных жалоб, написанных уже после приговора, 23 сентября 1953 г., Мэртон Собелл объясняет, почему он не давал показаний во время процесса.

«Я хотел выступить как свидетель в свою защиту во время судебного разбирательства. Я не сделал этого потому, что мои адвокаты были против этого. По их мнению, во-первых, выдвинутое против меня обвинение было настолько слабым, что моя невиновность не подлежала сомнению. А во-вторых, было совершенно ясно, что я не имею ничего общего с каким бы то ни было заговором в целях атомного шпионажа (что и признал потом судья Кауфман, вынося мне приговор), поэтому можно было надеяться, что я буду оправдан... Сейчас я знаю, что должен настаивать на том, чтобы дать свои показания».

В той же кассационной жалобе Мэртон Собелл подробно описывает свою поездку в Мексику. Поскольку эта поездка — наряду с показаниями Элитчера — имела решающее значение для вынесения обвинительного приговора, стоит привести объяснения Собелла.

«Моя поездка в Мексику, которую я совершил вместе с семьей, не имела ничего общего со шпионажем. Лишь после суда я отдал себе отчет, как в глазах суда и присяжных могла выглядеть эта поездка, что в действительности не соответствовало истинным фактам. Лишь после суда я понял, что показания о поездке были использованы против меня и что из них были сделаны ошибочные выводы. В целях разъяснения дела я хочу сейчас описать это событие.

Моя жена, дочь, маленький сын и я покинули Нью-Йорк в конце июня 1950 года и направились в Мехико. Это решение не было внезапным. Я разочаровался в своей работе еще летом 1949 года, но не мог тогда подать в отставку, так как в фирме «Ривз инструмент компани», где я работал, я лишь наполовину выполнил порученное мне задание. Я отвечал за проектирование и производство специального радарного компьютера, известного под названием «Плоттинг Борд», и если бы остановился на полпути, выполняя это задание, то позже мне было бы трудно найти работу. В течение следующего года я собирал сведения о других местах, но не мог найти ничего, что бы мне нравилось. Больше всего меня интересовала

научная работа или место в высшем учебном заведении.

Свою работу я закончил в июне 1950 года. Почти в то же время закончились учебный год у дочери и курс лекций по физике в Колумбийском университете, которые посещала моя жена. Настали также каникулы на курсах в Бруклинском политехническом институте, где я читал лекции. У нас не было особых причин задерживаться в городе, поэтому мы и решили выехать в Мексику. Как доказал мой адвокат, выступая с ходатайством об уменьшении вынесенного мне наказания, мы мечтали о таком путешествии и планировали его в течение ряда лет. В доказательство этого адвокат представил письменные документы.

Хотя мы и не заявляли публично о наших намерениях, мы также не делали из них тайны. Я написал своему шефу просьбу о предоставлении мне бессрочного и неоплачиваемого отпуска, мы получили в мексиканском консульстве в Нью-Йорке необходимые визы (о чем прокурор должен был знать, хотя и отрицал это во время процесса) и купили в отделении «Амэрикен айрлайнз» авиабилеты для путешествия туда и обратно. Во время поездки я обратился к таможенникам в Далласе с просьбой сделать отметку о моих фотоаппаратах заграничной марки, чтобы при возвращении назад в страну не платить пошлину. В Мехико мы сняли квартиру на месяц или два, и моя семья все время находилась в этой квартире.

Все же в одном отношении эта поездка отличалась от нормальных каникул. В середине 1950 года я почувствовал себя обеспокоенным признаками политических репрессий и попыток запугивания в нашей стране — следствий, чисток и политических преследований, явившихся общим последствием «холодной войны», — и я не был одинок в этих чувствах. Хотя я и был научным работником, я не оставался равнодушным к политическим событиям и вместе с многими другими научными работниками считал, что мое будущее находится под угрозой в гнетущей атмосфере, в которой мы должны были работать. Я разговаривал с женой о том, как спасти наших детей от страшных событий, подобных тем, которые мир наблюдал в фашистской Германии. Нам казалось, что мы можем избежать подобной угрозы.

В студенческие годы мы оба проявляли политическую активность в левых организациях. Каждый день мы наблюдали, как люди, не исключая выдающихся ученых,

таких, например, как доктор Кондон, подвергались травле и преследованиям исключительно за свои взгляды и связи. Все это, вместе взятое, наряду с моим разочарованием в работе, а также потому, что у нас было немного сэкономленных денег, означало, что в момент нашего выезда мы не знали, решимся ли мы возвратиться. Насколько я помню, я думал, что Мексика является страной, где у меня появятся большие возможности, что Мексика в той области техники, которой я занимался, делает лишь первые шаги.

В Мексике произошло многое, что говорит о нашей нерешительности. Воспользовавшись предоставившейся возможностью, я узнавал в бюро путешествий о корабле итальянских линий, который должен был идти из Веракрус в Гавану, а оттуда во Францию и Италию. Но я только узнавал о ценах на билеты до Гаваны и о возможности возвращения самолетом в Соединенные Штаты, не заказывая никаких билетов. В другом случае мы получили деньги за обратные билеты от «Амэрикен айрлайнз» для меня и моей жены, так как срок годности этих билетов был только 60 дней, но сохранили билет нашей дочери, действительный в течение 6 месяцев.

И тогда, когда мы проявляли такую нерешительность, в газетах появилось сообщение об аресте Юлиуса Розенберга будто бы за «атомный шпионаж». Я считал это обвинение абсурдным, но тем не менее потрясающим по своему красноречивому смыслу. Я знал Юлиуса много лет, еще по университету, в годы учебы мы принадлежали к многим прогрессивным студенческим организациям, а позже время от времени встречались.

Я считал, что Розенберг подвергается преследованию по политическим соображениям и что обвинение против него имеет своей целью запугать политическую оппозицию в Соединенных Штатах. Я допускал мысль, что каждый, кто воспротивится начинавшейся войне в Корее или каким-либо другим образом отважится выступить против американской политики, которую он не одобряет, будет под тем или иным предлогом брошен в тюрьму. И это привело меня к ошибочному заключению, что диктатура уже восторжествовала в моей стране.

Тогда и только тогда, оставив семью в квартире в Мехико, я отправился в путешествие по Мексике — в Веракрус и Тампико, — пользуясь даже фальшивыми фамилиями, стараясь узнать о возможности нашего выезда в

Европу или Южную Америку. Трудно понять, что толкнуло меня на столь неразумные поступки, но спустя некоторое время я и сам понял, насколько они неуклюжи и бессмысленны. Конечно, я не мог и предположить, как ошибочно они будут истолкованы и как это окажется опасно.

Итак, я снова вернулся в Мехико и снова все обсудил с женой. Мы пришли к выводу, что наша связь с родиной слишком сильна и что мы обязаны вернуться и содействовать борьбе с репрессивными тенденциями, которых мы хотели избежать и которые мы хотели «переждать». Теперь я знаю, что это последнее решение было правильным, что я ошибался, когда думал, что смогу изолировать себя от других людей, имевших те же самые проблемы.

Так жена и я решили возвращаться в Нью-Йорк, вернуться к нашему нормальному образу жизни и включиться по мере возможности в движение сопротивления атакам на гражданские свободы в Соединенных Штатах. Мы разработали план возвращения. Существуют реальные, документальные доказательства нашего решения, так как мы сделали прививки в Мехико, которые не были нужны при въезде туда, но были необходимы при возвращении в Соединенные Штаты.

Но в то время как раз и произошло неслыханное нападение, лишившее нас возможности добровольного возвращения. В мою квартиру ворвались вооруженные мужчины, которые заявили, что они являются мексиканскими полицейскими, но они, не обращая внимания на мою просьбу, не согласились, чтобы я позвонил в американское посольство...

Во время моего процесса прокурор, собственно говоря, признал, что вся эта авантюра была подготовлена ФБР. По сей день я не могу понять, каким образом это нарушение закона могло остаться безнаказанным. Это было предпринято для того, чтобы не дать мне возможности добровольно вернуться в Соединенные Штаты, а ведь мне никогда даже не сообщали о том, что меня разыскивают с целью получения от меня определенных показаний...».

Этот обширный фрагмент из заявления Мэртон Собелла приводится здесь потому, что он является документом, пожалуй, весьма красноречивым. Из этого заявления, написанного в тюрьме спустя несколько лет после вынесения приговора, можно сделать вывод, что Собелл редактировал его сам, без участия адвокатов. За этим

письмом стоит образ человека интеллигентного, но совсем не понимающего американскую действительность начала 50-х годов.

Собелл не скрывает от судей в вышестоящих инстанциях — а именно им и адресовано письмо — своих политических взглядов и своих колебаний в связи с поездкой в Мексику. Он пишет откровенно, что задумывался над возможностью выехать из Соединенных Штатов по политическим мотивам, и искренне признается, почему пришел к решению вернуться в Нью-Йорк. Его вера в американское правосудие не вызывает сомнений, хотя, казалось бы, после приговора, обрекшего его на 30 лет тюрьмы, эта вера должна была бы пошатнуться.

Создается впечатление — скажем правду, — что Мэртон Собелл является человеком прогрессивным, честным и благородным, но, быть может, не слишком мудрым. Кроме того, знакомство с его умозаключениями не оставляет сомнений в том, что писал их несколько оторванный от действительности человек науки, но не участник шпионского заговора. В начале того же заявления Собелл касается показаний Макса Элитчера. Стоит процитировать также и этот фрагмент.

«Невероятный рассказ, — пишет Собелл, — Макса Элитчера о сумасшедшей езде среди ночи на квартиру Юлиуса Розенберга — это вымысел. Мне казалось это очевидным, тем более Элитчер признался во время процесса в том, что этот рассказ был сочинен только после его многочисленных бесед с агентами ФБР, много месяцев спустя после того, как его «убедили» сотрудничать с ними. В такой же степени ложна и остальная часть его показаний против меня, где нет ничего, кроме клеветнических измышлений, что я будто бы «вспоминал о шпионаже» в невинных и обычных разговорах, которые с ним вел»...

В связи с упоминанием Собелла о «многочисленных беседах» Элитчера с агентами ФБР стоит обратить внимание на несколько дат. Как следует из документов по делу, Элитчер давал свои письменные показания секретной полиции трижды — 20 и 21 июля, а также 23 октября 1950 г. Перед так называемым расширенным составом присяжных заседателей он давал показания дважды — 14 августа 1950 г. и 31 января 1951 г. Кроме того, Элитчер, выступая в качестве свидетеля во время судебного процесса, вспоминал, что он разговаривал с агентами

ФБР «неоднократно» и что восемь раз совещался с помощниками прокурора.

Однако ни во второй половине 1950 года, ни в начале 1951 года Элитчеру нечего было сказать о какой-либо «шпионской» деятельности Собелла или о его участии в «заговоре». Лишь в марте 1951 года, выступая уже в качестве свидетеля прокурора перед судом, Элитчер «припомнил» о подробностях, отягощавших вину Мэртон Собелла.

Уильям А. Рюбен, автор интересной книги «Атомный шпионаж: мистификация», пишет:

«Память Элитчера... с течением времени и после каждой новой встречи с представителями прокуратуры и агентами ФБР, по-видимому, улучшалась. Первое заявление для ФБР было подписано 20 июля 1950 г., после 12-часового допроса. Сам Элитчер охарактеризовал это показание как исчерпывающее. Однако власти, вероятно, должны были потом расшевелить его память через определенные отрезки времени, прежде чем он смог припомнить что-либо такое, что отягощало бы вину его давнего коллеги».

Выше уже шла речь о том, каков был механизм давления, который оказывало ФБР на Элитчера: находясь под угрозой оказаться на скамье подсудимых, он решился выступить в роли свидетеля прокурора. Стоит внимательнее разобраться в его показаниях, данных перед судом после столь длительной подготовки и после стольких бесед в ФБР и прокуратуре.

Как заявил Элитчер в суде, в июне 1944 года в его квартире в Вашингтоне появился Юлиус Розенберг. Едва начав беседу, Розенберг якобы попросил, чтобы жена Элитчера оставила их одних, и тогда изложил цель своего визита. Этой целью, по словам Элитчера, было предложение присоединиться к шпионской деятельности и передавать информацию с места работы Элитчера в отделе военно-морского флота. Одним из аргументов, которым якобы воспользовался Розенберг, желая убедить Элитчера принять его предложение, было будто бы сообщение о том, что и Мэртон Собелл также участвует в шпионаже.

Из протокола допроса Элитчера защитниками Собелла и Розенберга можно извлечь несколько весьма существенных подробностей, вызывающих сомнение в правдивости этого свидетеля. Невыясненным остается, например, почему о столь существенном и интересном факте, как ви-

зит Розенберга, Элитчер «припомнил» только накануне суда, а не во время многочисленных предыдущих бесед и допросов.

Во-первых, можно сомневаться в сроке этого, так называемого визита Розенберга в Вашингтон. Элитчер утверждал сначала, что Розенберг посетил его в июне 1944 года, причем назвал точную дату — 6 июня. Это был день открытия «второго фронта» в Европе, то есть высадки войск союзников во Франции, и, по словам Элитчера, он пил с Розенбергом вино по случаю этого события. Под огнем перекрестных вопросов защитников Элитчер запутался и заявил, что Розенберг посетил его вскоре после того, как он перебрался на новую квартиру, что произошло в сентябре 1943 года. Прокурор старался «освежить» память своего запутавшегося свидетеля, но сомнения относительно даты визита Розенберга остались.

Установление точной даты визита было важно еще в одном отношении. Когда защитники Собелла перед началом процесса требовали от прокурора более точных подробностей, связанных с обвинением их клиента, им было сообщено, что прокурор обвиняет его в том, что он 15 июня 1944 г. присоединился к заговору. А теперь Элитчер утверждал, что уже 6 июня 1944 г. Розенберг говорил об участии Собелла в заговоре. И это противоречие не было объяснено.

Далее приходится сомневаться в содержании разговора Элитчера с Розенбергом (Розенберг подтвердил, что посетил Элитчера в Вашингтоне, но решительно отрицал, что будто бы разговаривал с ним о шпионаже). Из ответов Элитчера на вопросы защитников было ясно, что его контакты с Розенбергом полностью прекратились после окончания ими высшего учебного заведения и что в течение последних шести лет (1938—1944 гг.) они не встречались, не переписывались и ни разу не разговаривали друг с другом.

Визит Розенберга к Элитчеру был в этих условиях случайным (Розенберг приехал в Вашингтон по делам и отыскивал старого коллегу). Оба заявили одно и то же — и, пожалуй, только в одной этой детали их показания совпадали, — что этот визит продолжался всего один час. При таких обстоятельствах трудно представить, а, вернее, следует признать невероятным, чтобы коллеги, которые в течение ряда лет не встречались друг с другом, во время случайной и короткой встречи сочли возможным и подхо-

дящим затронуть столь скользкую тему, как шпионаж.

Наконец, сомнения вызывают и слова Элитчера о том, что Розенберг якобы ссылался на участие Собелла в шпионской сети. Не говоря уже о вышеупомянутой путанице в деталях и сроках, кажется по крайней мере удивительным, чтобы Розенберг, будто бы опытный и будто бы почти профессиональный разведчик, столь легкомысленно нарушил условия конспирации и назвал своего сообщника — Собелла. Ведь, если верить Элитчеру, Розенберг в момент своего прихода не мог знать заранее, какой ответ он получит на свое предложение. Как же он мог рисковать и в разговоре с коллегой, которого не видел шесть лет, выдать фамилию своего «сообщника»?

Таким образом, становится ясно, что рассказанная Элитчером (несомненно, под диктовку ФБР) версия о его первой беседе с Розенбергом о «шпионаже», включая и упоминание о Собелле, не выдерживает ни малейшей критики. Точно такие же выводы позволяет сделать анализ показаний Элитчера о его визите к Собеллу в 1948 году и об их будто бы совместной поездке на квартиру к Розенбергу. Поэтому определение «невероятный рассказ», которое употребил Собелл для характеристики показаний Элитчера, полностью справедливо.

Во время процесса выяснилось также, что Элитчер — как он сам заявил — с детства страдал неврастением и в течение нескольких последних лет находился под наблюдением психиатра. Состояние его здоровья, несомненно, облегчило задачу агентам ФБР, которые получили распоряжение соответствующим образом «подготовить» этого свидетеля. А ведь показания Макса Элитчера явились единственным основанием для вынесения обвинительного приговора Собеллу.

Цитировавший выше Уильям Рюбен так пишет в своей книге о деле Собелла:

«Во время процесса не было представлено никаких улик, которые доказывали бы связь Собелла с кем-либо из его мнимых сообщников, передававших будто бы какие-то документы или информацию в Россию. Прокурор даже не утверждал, что кто-либо из признавших свою вину атомных шпионов, посаженных на скамью подсудимых вместе с Собеллом, а именно Голд и Грингласс, когда-либо слышал о Собелле или видел его, а тем более участвовал вместе в заговоре, чтобы передавать секреты атомной бомбы в Россию,

Хотя прокурор все время называл Собелла атомным шпионом, в его обвинениях во время процесса можно было заметить три изъяна:

1. Не было представлено никаких доказательств того, что Собелл когда-либо передавал кому-либо секретную информацию.

2. Не было представлено ни одного письменного доказательства о какой-либо связи Собелла с каким-либо заговором.

3. Не было представлено ни одного доказательства того, что Собелл был в какой-либо мере связан с чем-то похожим на атомный шпионаж.

В заключение Рубен приводит слова судьи Кауфмана, который, осуждая Собелла на 30-летнее заключение и обосновывая справедливость приговора тем, что Собелл принимал участие в шпионаже, счел, однако, возможным заметить: «Улики, представленные по этому делу, не указывают на то, чтобы Вы имели какую-либо связь с программой создания атомной бомбы»... Слова судьи были занесены лишь в стенограмму процесса. На страницах американской печати Мэртон Собелл продолжал фигурировать как «атомный шпион» и предатель, выдававший «атомные секреты».

Атомные секреты

Когда в 1945 году Соединенным Штатам удалось создать первые в истории человечества атомные бомбы, американская пропаганда начала муссировать два тезиса. Первый — об атомных секретах: американским ученым удалось открыть то, что не известно ученым других стран, и благодаря этому создать атомную бомбу. Другой тезис, в известной степени связанный с первым, сводился к утверждению, что Соединенные Штаты, завоевав первенство в атомной области, стали самой могущественной державой мира и смогут навязать другим государствам свое руководство. «Двадцатый век, — твердили американские политики и публицисты, — будет американским веком».

В 1945—1949 годах, то есть с момента завоевания Соединенными Штатами так называемой атомной монополии и до момента ликвидации этой монополии Советским Союзом, тезис об атомных секретах распространялся в США в самых разнообразных вариантах, начиная с вы-

кладок ученых на страницах специальных журналов и кончая самой вульгарной популяризацией в бульварных газетах.

В течение этих четырех лет возможность того, что Советский Союз откроет так называемые атомные секреты, не исключалась, но сроки такого открытия отодвигались в далекое будущее. Например, генерал Лесли Гровс или ученый Ванневар Буш, непосредственно связанные с американской программой создания атомной бомбы, уверяли, что Советский Союз откроет атомные секреты не раньше, чем через 15—20 лет. Даже в 1949 году, то есть незадолго до того, как президент Трумэн объявил американцам, что Советский Союз произвел атомный взрыв, американская пресса уверяла своих читателей, что монополия Соединенных Штатов в этой области обеспечена на долгие годы вперед. Специалисты из военно-морской разведки подсчитали, что Советский Союз создаст первую атомную бомбу не раньше 1965 года; сухопутная разведка указывала на 1960 год, а эксперты из авиации, настроенные более реалистично, предсказывали, что Советский Союз получит атомное оружие уже в 1952 году.

Самый короткий из предсказывавшихся сроков был сокращен Советским Союзом на три года. США охватил шок: американской общественности внушали, что безопасность Соединенных Штатов и всего «свободного мира» зависит именно от атомной монополии. Необходимо было как-то смягчить удар и объяснить дезориентированным американцам, почему все эти расчеты, которые делались столько лет, провалились. Было найдено самое простое объяснение: русские украли секреты и благодаря этому ликвидировали американскую монополию. А каким образом украли? Конечно же, с помощью шпионов...

Миф о советских шпионах, которые охотятся за американскими атомными секретами, был не новым. Его распространяли уже несколько лет, после так называемой канадской аферы 1946 года. В 1949 году этот миф был освежен, к нему было добавлено несколько пикантных подробностей, а в действие было введено несколько новых героев...

Но существуют ли в принципе атомные секреты?

Атомных секретов нет, во всяком случае, их нет в том смысле, в каком эти слова употреблялись в Соединенных Штатах секретной полицией и пропагандой. Если же таковой вещи, как атомные секреты, не существует, то, зна-

чит, эту вещь нельзя украсть. А если ее нельзя украсть, то никто не может совершить эту кражу. То есть атомные шпионы являются лишь плодом воображения ФБР и американских обывателей, которые поверили секретной полиции, газетам, радиостанциям и политикам, пугавшим их атомными шпионами.

Такого понятия, как атомные секреты, нет в том смысле, что основные принципы использования ядерной энергии — в военных или мирных целях — давно общеизвестны и не являются тайной. Точно так же и принцип конструкции атомного или водородного оружия известен каждому ученому в этой области. Лишь только некоторые детали технологического порядка, играющие существенную роль, до определенного времени могут оставаться секретом.

Эти детали или подробности являются, однако, столь сложными, что разобраться в них может только выдающийся ученый или техник, работающий в атомной области, но никак не обычный смертный, не имеющий соответствующей подготовки. Более того, эти детали и подробности могут быть известны только тем специалистам, которые непосредственно с ними сталкиваются, но остаются непонятными другим ученым или техникам, хотя бы они и работали на атомном предприятии.

В такой ситуации обвинение в выдаче атомных секретов тех людей, которые этих секретов (в вышеизложенном, техническом значении этого слова) не знают и не могли бы понять, а если бы даже узнали, то не смогли бы рассказать о них, является абсолютным нонсенсом. Нонсенсом является утверждение, что такой чрезвычайно недалекого ума человек, как, например, Грингласс (главный свидетель обвинения против Розенбергов), набросал схему атомной бомбы «на 12 страничках». Это нонсенс потому, что общеизвестные принципы функционирования ядерного оружия можно изложить в 12 строчках (хотя Грингласс их, конечно бы, не понял). Это нонсенс еще и потому, что технические подробности и разного рода «мелочи», которые в известном смысле еще можно было бы считать секретом, никак не удастся изложить на 12 страничках, и они ни в коем случае не были бы понятны для человека с таким мышлением и с такой подготовкой, как Грингласс.

Мы не открываем никакой Америки, утверждая столь категорично, что атомные секреты общеизвестны и что

никаких атомных шпионов в природе не существует. Это подтверждают и многие американские ученые, и различные американские газеты, даже те, которые в течение многих лет пичкали своих читателей сообщениями о «секретах» и «атомных шпионах».

Из многочисленных высказываний на эту тему приведем только некоторые.

Еще в 1945 году, то есть вскоре после взрыва первой атомной бомбы, был опубликован официальный доклад правительства Соединенных Штатов об использовании атомной энергии в военных целях — так называемый «Смит-рипот». В этом докладе, во-первых, утверждалось, что принцип конструкции атомной бомбы общеизвестен еще с 1940 года, во-вторых, в этом отчете приводились гораздо более обширные и более подробные сведения об атомном оружии, чем те, которые будто бы передавали шпионы. Благоразумнее, таким образом, было бы купить «Смит-рипот», чем ввязываться в рискованные шпионские дела...

К тому же времени, то есть к осени 1945 года, относятся высказывания такого, например, авторитетного американского органа, как «Нью-Йорк таймс», который, комментируя 11 августа 1945 г. первую атомную бомбардировку, подчеркнул, что «наука по своей сущности делает невозможным сохранение тайны», а госпожа Клэр Люс, известная деятельница республиканской партии, 28 октября 1945 г. заявила: «Фактически, принципиального секрета бомбы (атомной) не существует».

В конце 1949 года, после того как Трумэн подтвердил, что в Советском Союзе произведен взрыв атомной бомбы, информационное агентство Херста Интернэшнл Ньюс Сервис сообщало из Вашингтона: «Комиссия по атомной энергии опубликовала секретные документальные доказательства того, что Россия располагала научными секретами, связанными с производством атомной бомбы, еще в 1940 году».

В отчете Объединенной комиссии конгресса по вопросам атомной энергии за 1949 год можно прочитать:

«Распространено достойное сожаления мнение, что существует лишь одна чудодейственная формула, объясняющая, как делать бомбы (атомные), и что эта формула является собственностью Соединенных Штатов. В действительности, основные сведения, касающиеся использования атомной энергии с целью взрыва, заняли бы гро-

мадную библиотеку — эти сведения никогда не являлись собственностью только одного народа».

К вопросу о существовании секрета атомной бомбы американская пресса вернулась во время процесса Розенбергов и Собелла, комментируя показания свидетеля Грингласса. Широко распространенный журнал «Тайм», разделяя мнение о виновности подсудимых, сомневался, однако, в показаниях Грингласса о краже атомных секретов и заметил: «С научной точки зрения некоторые его показания являются бессмысленными». Журнал «Лайф», также разделявший мнение о виновности подсудимых, признавал: «Бомба Грингласса лишена логики, а скорее всего, она не могла бы просто функционировать».

Научный журнал «Сайентифик Америкэн», проанализировав показания Грингласса, пришел к выводу: «Газеты не обратили внимания, что без количественных данных и другой необходимой информации бомба Грингласса имела весьма мало общего с секретом». Тогда же известный американский ученый, специалист в области ядерной химии профессор Гарольд Юри подчеркнул, что Грингласс не мог понять теоретических и научных основ конструкции атомной бомбы, а тем самым это означает, что он не мог выдать никакого секрета.

В 1952 году, то есть уже после процесса Розенбергов и Собелла, в Лондоне была издана книга Алена Мурхеда «Изменники», посвященная делу Клауса Фуша, Алена Нун Мея и других ученых, которых на Западе обвинили в том, что они использовали свои научные посты для того, чтобы передавать в Советский Союз атомные секреты. Мурхед, выступавший с антисоветских позиций и в духе «холодной войны», тем не менее признавал:

«Фуш или кто-либо другой был не в силах дать русским атомную бомбу... Производство бомбы зависит исключительно от наличия огромных промышленных и технических ресурсов и квалифицированных ученых и техников... Самая ценная информация, которую Россия получила из Америки, была информация о том, что атомная бомба может быть создана, что можно ее взорвать, но эту информацию русские получили, не прибегая к помощи шпионов».

Спустя еще несколько лет в Соединенных Штатах большим успехом пользовалась книга американского физика-атомника Ральфа Лаппа «Новая сила. Атомы и люди». Касаясь интересующей нас темы, Лапп писал:

«Вскоре после окончания войны возникла удивительная ситуация. Был создан миф о существовании атомных секретов... Следует раз и навсегда сказать, что атомная бомба не представляет собой тайны. Когда-то она действительно являлась тайной, но эта тайна была развеяна вместе с дымом после взрыва бомбы над Хиросимой».

Лапп с иронией рассказывает о том, что внимательный читатель мог найти в американском «Ежегоднике по минералогии» за 1943 год «сверхсекретную» информацию о накоплении урана как источника атомной энергии.

Проблема — существуют или нет атомные секреты — предстала в новом свете после первой международной конференции по вопросам использования атомной энергии в мирных целях, которая состоялась в 1955 году в Женеве в условиях некоторого смягчения международной напряженности. На конференции выяснилось, что американские, советские, английские ученые пришли самостоятельно к почти одинаковым выводам и результатам в своих атомных исследованиях. Эти исследования — если говорить о деталях (именно о деталях, которые могли быть секретом) — проводились разными путями и методами, но если отправные точки были одинаковыми и использовались одни и те же основные принципы, то полученные результаты оказались почти идентичными.

После окончания конференции в Женеве в американском специализированном журнале «Бюллетин оф атомик сайенс» была напечатана статья вышеупомянутого ученого Ральфа Лаппа, который в связи с истерией вокруг атомных секретов делал вывод:

«Наши секреты были выданы не людьми, а госпожой Природой, этой щедрой поставщицей правды. Секреты, даже оправданные, не могут оставаться таковыми. В течение десяти лет эти секреты пробовали держать под замком... «Бюллетень» много раз выступал против этой отупляющей секретности — отчасти это был голос вопиющего в пустыне. Комиссия по атомной энергии должна будет сделать выводы из изменившейся ситуации и снять покров тайны с громадного большинства исследований».

Таким образом, мнение ученых о так называемых атомных секретах однозначно. Это мнение, несомненно, было известно людям, которые по образцу средневековых процессов над «ведьмами» режиссировали в середине XX века охоту на «атомных ведьм». Прокурор Ирвинг Говард Сэйпол, который выступал с обвинением против

Розенбергов и Собелла, судья Ирвинг Кауфман, который председательствовал в суде и оглашал приговор, а также судебные комментаторы, которые посвящали целые страницы краже атомных секретов, должны были знать, что таких секретов не существует и что ни Розенберги, ни Собелл не имели ничего общего с атомным шпионажем.

Обвинительный приговор этим людям был вынесен потому, что в отношениях между Соединенными Штатами и Советским Союзом возросла напряженность, потому, что Соединенные Штаты раздували войну в Корее. Приговор выносился также по соображениям внутренней американской политики: это была попытка запугать общественность и ликвидировать в самом зародыше все критические и оппозиционные тенденции. Жертвами этой политической кампании стали Розенберги и Мэртон Собелл.

Стоит, может быть, обратить внимание на тот факт, что их процесс был последним в серии процессов о выдаче атомных секретов. Последним, но не первым. Трудно сказать, что заставило владык Америки отказаться от такого рода судебно-политических представлений. Может быть, явная абсурдность выдвигаемых обвинений? Или мощная волна протестов во всем мире? Это неизвестно. Но остается фактом, что после того, как Розенберги были отправлены на электрический стул, и после того, как за Мэртоном Собеллом захлопнулись тюремные ворота, больше такого рода процессов не было.

Зато процессу Розенбергов и Собелла предшествовало несколько иных дел, во время которых было сформулировано и стало широко распространенным понятие о краже атомных секретов. Здесь имеются в виду прежде всего такие процессы, как канадская афера 1946 года, как мероприятия небезызвестной Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, которая некоторое время специализировалась в расследовании дел по «атомному шпионажу», или процесс некоего Гарри Голда, который явился своеобразным прологом к процессу Розенбергов и Собелла. Поэтому следует, хотя бы кратко, остановиться на истории их «предшественников» — конечно, предшественников только в том смысле, как это представляла американская (или канадская) тайная полиция.

Начнем с так называемой канадской аферы, в связи с которой в современный политический словарь и вошло

такое понятие, как «кража атомных секретов» (хотя стоит сразу же оговориться, что если бы такие секреты и существовали, то уж, наверное, не в Канаде, а в Соединенных Штатах).

Во второй половине 1945 года из советского посольства в Канаде должен был быть отозван в Москву сотрудник посольства Игорь Гузенко, совершивший злоупотребления по службе.

Предав родину, Гузенко обратился к канадским властям, сообщив, что он располагает «сенсационными сведениями о деятельности шпионской группы канадских граждан». Первые визиты Гузенко в редакцию местной газеты в Оттаве и в несколько канадских учреждений были безуспешными. Никто не относился серьезно к его «сенсациям». Только некоторое время спустя, после его очередного визита, кому-то из полиции пришла в голову мысль, что Гузенко вместе с «сенсациями» является подходящей фигурой для целей «холодной войны».

Тренировка Гузенко в канадской полиции продолжалась довольно долго. Впервые он установил контакт с канадскими властями в сентябре 1945 года, но лишь в феврале 1946 года в Оттаве было опубликовано первое сообщение о том, что в Канаде якобы раскрыта «кража атомных секретов». Более подробная информация попала в прессу только 2 марта 1946 г. По времени она почти совпадает с пресловутым выступлением Уинстона Черчилля в Фултоне, где он в присутствии президента Трумэна провозгласил начало «холодной войны» против Советского Союза.

Вряд ли такое совпадение произошло в результате случайного стечения обстоятельств. Во всяком случае, не подлежит сомнению, что атмосфера вокруг «канадской сенсации» способствовала целям Черчилля и Трумэна. Канадская афера стала существенным элементом в «холодной войне», развязанной Вашингтоном и Лондоном против социалистического содружества, почти сразу же после окончания второй мировой войны.

Ссылаясь на показания Гузенко, канадская полиция производит многочисленные аресты. Канадская, а вслед за ней американская пресса поднимают большую шумиху. Газетные заголовки кричат: «Обнаружены атомные шпионы!». Такой формулировкой реакционная печать заранее пытается предопределить приговор обвиняемым, но, когда они предстают перед судом, оказывается,

что фактически дело обстоит совсем иначе, чем кричали о том газетные заголовки.

Американский публицист Уильям Рюбен в упоминавшейся выше книге описывает результаты скрупулезного расследования дел всех тех канадцев, которые были арестованы на основании показаний Гузенко. Во-первых, оказалось, что Гузенко лично не знал ни одного из 26 арестованных. Во-вторых, среди 26 арестованных четверо никогда не были привлечены к суду, а дела еще 12 обвиняемых закончились или оправданием, или же прекращением судебного преследования из-за отсутствия улик. Однако судебное разбирательство продолжалось несколько лет, обвиняемые подверглись травле и преследованиям, а сообщения об оправдательных приговорах или вообще не появлялись в газетах, или же их прятали на последних страницах, чтобы на них никто не обратил внимания. В-третьих, в процессах десяти обвиняемых, которые были осуждены на различные сроки тюремного заключения, речь ни разу не зашла об атомном шпионаже. Так, например, одна из обвиняемых была осуждена на 20-месячное тюремное заключение за контакты с советским посольством. Действительно, контакты такие были: обвиняемая, русская по происхождению, хлопотала о разрешении на выезд в Советский Союз. Другая обвиняемая, осужденная на 3 года тюрьмы, действительно призналась в том, что она была знакома с канадским коммунистическим деятелем Фрэдом Розе. Этого было достаточно для вынесения обвинительного приговора. Сам Фрэд Розе, против которого, по мнению американской прессы, имелись наиболее отягчающие улики, был осужден на 6 лет тюрьмы. Но и во время его процесса ни разу не было произнесено слово «атом». Основанием обвинительного приговора явились показания Гузенко о том, что Розе собирал «техническую информацию» по теме, не относящейся к атомным исследованиям. В том же самом — сборе и передаче «технической информации» — обвинялись еще несколько человек. Во время процессов оказалось, что эта информация не являлась секретной или даже предназначенной только для служебного пользования.

Отличительной чертой канадской аферы, которая потом использовалась во время всех провокаций с «атомными шпионами», была попытка связать обвиняемых с коммунистическим движением. Среди канадских граждан, против которых началось следствие после «сенсационных

разоблачений» Гузенко, было всего двое коммунистов. Однако американская пресса в течение длительного времени вела шумную кампанию под лозунгом «коммунисты — это шпионы», ссылаясь при этом на канадскую аферу, а отсутствие в делах следствия или в судебных протоколах каких-либо упоминаний об атомном шпионаже отнюдь не удерживало американские газеты, продолжавшие уверять читателей в том, что в Канаде раскрыта «кража атомных секретов».

Поскольку канадская афера стала своеобразным эталоном последующих дел такого рода, включая процесс Розенбергов и Собелла, следует сослаться здесь на два авторитетных мнения о связи этой аферы — а вернее, об отсутствии такой связи — с атомным шпионажем. Первое высказал американский журналист Джон О'Нейли, редактор научного отдела «Нью-Йорк геральд трибюн», который 24 марта 1946 г. писал: «Здесь разыгрывается маленький фарс из сорта дипломатической буффонады. Вероятно, это должно явиться оправданием деятельности военных кругов. Паника из-за шпионов в Канаде настолько комична, что потешаются все, за исключением самых легковых...».

Другое мнение высказано в подробном, изложенном на более чем семистах страницах отчете канадских властей (так называемой королевской комиссии), опубликованном в июне 1946 года. Там говорится:

«Что касается атомной энергии и исследований, выполняемых физиками-атомниками, мы можем, во-первых, отметить на основании тех данных, которыми располагаем, что никто в Канаде не мог выдать секрета производства атомной бомбы. В Канаде не было ни одного человека, который располагал бы такими сведениями. Во-вторых же, собранные сведения не указывают на то, чтобы кто-либо, кто имел такую информацию, мог ее выдать».

Но отчет канадской королевской комиссии попал в руки лишь немногим людям, в то время как американская пресса, издающаяся огромными тиражами, полностью замалчивала этот отчет, чтобы и далее пичкать своих читателей сенсациями о «краже атомных секретов» в Канаде. Все это происходило в 1946 году. Два года спустя, то есть в 1948 году, когда произошло дальнейшее нарастание международной напряженности, американская пресса вернулась к теме об «атомном шпионаже». На этот раз «атомных шпионов» начали выслеживать в самих США.

Я жил в то время в США и прекрасно помню, как в газетных заголовках рядом с коротким и броским словом «spy» (шпион) появился эпитет «atomic» (атомный). Летом 1948 года нью-йоркские бульварные газеты старались превзойти друг друга в сенсационных сообщениях об «Atomic Spy Queen» (королеве атомных шпионов). Этой «королевой» была будто бы Элизабет Бентли, выступившая с показаниями перед Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности.

«Королева» будто бы некоторое время скрывалась, «опасаясь мести коммунистов». Когда она явилась на заседание Комиссии, наступило всеобщее разочарование. Во-первых, «прекрасная блондинка», как ее рекламировали, оказалась довольно пожилой брюнеткой. Во-вторых, ее единственный контакт с коммунистами и «шпионами» заключался в том, что во время войны она была любовницей человека, каким-то образом связанного с коммунистами, впрочем, уже умершего. В-третьих, выяснилось, что всей имевшейся у нее информацией Элизабет Бентли поделилась с ФБР еще в 1945 году и теперь, спустя три года, не могла сказать ничего нового.

Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности сочла показания госпожи Бентли и других «экспертов» такого рода вполне достаточными для того, чтобы в сентябре 1948 года опубликовать обширный отчет о деятельности «атомных шпионов» в Соединенных Штатах. Отчет комиссии явился для прессы очередной сенсацией. Даже «Нью-Йорк таймс» отвела две страницы для того, чтобы напечатать полный текст этого документа. Бульварная пресса уделила внимание наиболее пикантным подробностям, готовя тем самым подходящий пропагандистский соус.

Председателем комиссии был в то время конгрессмен от республиканской партии Дж. Парнелл Томас, осужденный позже за уголовные преступления. В ходе проводившейся тогда избирательной кампании республиканцы использовали отчет комиссии против демократической партии, обвиняя министра юстиции в том, что он плохо преследовал атомных шпионов. Заместитель Томаса Джон Мак Доувелл потребовал даже привлечь к ответственности... министра юстиции, обосновывая это требование тем, что атомные шпионы выдали «сто или даже больше» американских атомных секретов. Сметливые журналисты сочли определение «сто или даже больше»

«не совсем точным» и назвали цифру: 89 выданных секретов...

В официальном отчете Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности ни 100, ни 89 секретов не фигурировали. Зато фигурировали фамилии 11 американских граждан, которые якобы выдавали атомные секреты Советскому Союзу. В том же отчете нашлось место для утверждения генерала Гровса, отвечавшего за создание первых атомных бомб, что, по его мнению, в Соединенных Штатах действовали атомные шпионы. Утверждения свелись к туманным формулировкам, он не назвал имен одиннадцати предполагаемых шпионов и не привел никаких доказательств их виновности. Впрочем, во всем отчете комиссии нельзя было найти никакой конкретной информации о деятельности этих одиннадцати опасных шпионов.

Какова же была дальнейшая судьба этих «шпионов»? Вновь сошлемся на Уильяма А. Рубена, который не пожалел сил и проанализировал протоколы их дел, рассматривавшихся в течение ряда лет. Оказалось, что восемь из одиннадцати обвиняемых не были привлечены к судебной ответственности. По-видимому, это произошло по той простой причине, что для этого не было никаких оснований. А в том, что в течение длительного времени этих людей публично называли «шпионами», следует усматривать лишь особенности хваленого американского образа жизни.

Что же было с остальными тремя обвиняемыми? Их дела рассматривали американские суды. После длительного судебного разбирательства — один из процессов продолжался пять лет — все три дела закончились оправдательными приговорами. Кстати, стоит заметить, что, когда дела этих троих обвиняемых попали в судебные инстанции, оказалось, что они вовсе не обвиняются в шпионаже, а тем более атомном. Двое из них обвинялись в так называемом «оскорблении конгресса», то есть в специфически американском преступлении, заключавшемся в отказе давать показания перед одной из следственных комиссий конгресса, а третий был обвинен в даче ложных показаний. Повторяем, что все трое были оправданы и с них были сняты даже эти, вышеперечисленные обвинения.

Так бесславно закончилось раскрытие Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности одиннадцати «атомных шпионов». Но об этом финале в США

узнали немногие. Впрочем, организаторам и вдохновителям всей этой авантюры, конечно, было не так важно посадить в тюрьму одиннадцать невиновных граждан, как создать определенную атмосферу запугивания общест-венности. Эта цель была полностью достигнута.

Дело одиннадцати так называемых атомных шпионов относится к 1948 году. Еще два года спустя, по мере дальнейшего роста международной напряженности, американская тайная полиция сочла своим долгом найти очередного шпиона и организовать процесс о выдаче атомных секретов. На этот раз выбор пал на некоего Гарри Голда, который послушно признал свою вину, хотя потом испытал немало трудностей, чтобы представить доказательства этой вины. Голд, несомненно, относится к числу наиболее подозрительных личностей в богатой истории американских судебных процессов о выдаче атомных секретов, далеко превзойдя таких своих конкурентов, как известные нам по этой книге Элитчер или Грингласс, которые были свидетелями обвинения в процессе Розенбергов и Собелла.

Голд был арестован в мае 1950 года, то есть почти перед самым началом военных действий в Корее. Спустя год шеф тайной полиции Эдгар Гувер сообщил в журнале «Ридерс дайджест» подробности об обстоятельствах ареста Голда. Статья была напечатана под претенциозным заголовком «Преступление века». «В истории ФБР,— писал Гувер,— никогда еще не существовало более важного дела, ни одно дело не требовало столь быстрого решения. Дело в том, что мы должны были найти неизвестного человека... В этой охоте на человека разыскиваемым лицом мог стать почти каждый американский гражданин...». Высказываясь на страницах журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», Гувер пояснил, что его в то время интересовал не «каждый американский гражданин», а те, кто имел определенные политические связи. «Каждый коммунист,— подчеркивал шеф ФБР,— является потенциальным саботажником и агентом разведки».

Могло показаться, что Гарри Голд является идеальной кандидатурой на роль атомного шпиона. Он сам признался в этом, сам говорил о своих коммунистических убеждениях. И все же после процесса осталось множество неясных вопросов, что, конечно, не помешало американским газетам раздуть шумиху о выдаче атомных сек-

ретов, чтобы убедить доверчивых читателей, что на этот раз шпион настоящий.

Голд был арестован по обвинению в передаче Советскому Союзу атомной информации, которую он якобы получал от Клауса Фуша, английского ученого немецкого происхождения. Казалось бы, что в процессе Голда следовало прежде всего установить его связь с Фушем. Однако сведения об этой связи оказались более чем сомнительными. Ни британские власти, которые задержали Фуша, ни американские власти, которые начали процесс против Голда, никогда официально не заявляли, что Голд был арестован в связи с делом Фуша, которое, кстати говоря, рассматривалось гораздо раньше. Впрочем, Голд, как следует из документов по его делу, был хорошо известен американской тайной полиции еще с 1947 года. Никогда не было дано никаких разъяснений, почему же в течение трех лет он оставался на свободе и лишь в 1950 году оказался опасным «атомным шпионом».

Интересно сравнить показания Фуша и Голда с высказываниями шефа ФБР Эдгара Гувера. Оказывается, что в отношении самых важных подробностей, таких, как время совершения «преступления», место и сроки воображаемых встреч Фуша и Голда, наличие или отсутствие у них помощников и сообщников, можно заметить вопиющие противоречия. В показаниях самого Голда, которые он давал в разное время, имелись пять различных описаний его «преступной деятельности», которые противоречили одно другому в самых важных подробностях.

Так, например, Голд уверял, что он дважды — в июле и в сентябре 1945 года — встречался с Фушем в Санта-Фе в Соединенных Штатах и именно тогда получил от него информацию, связанную с производством атомной бомбы. Однако Фуш, который подробно перечислил все свои контакты с какими-то неизвестными «агентами разведки», не вспоминал вообще об этих встречах с Голдом. Более того, Фуш вообще не слышал фамилию Голда и не мог его описать. Возникает серьезное сомнение, видели ли вообще когда-либо эти два «сообщника».

Сомнительно также, чтобы Голд был связан с коммунистическим движением. Правда, американские газеты под влиянием ФБР много шумели о «коммунистических убеждениях» Голда, но никаких доказательств его принадлежности к Коммунистической партии или его деятельности в левых организациях представлено не было.

Почему же Голд признался в «атомном шпионаже»? Может быть, он совершил какое-то другое преступление и потом его шантажировало ФБР? И является ли он вообще человеком нормальным в психическом отношении (в чем есть основания сомневаться)? На эти и другие вопросы, возникающие в связи с его, мягко говоря, странным делом, ответы неизвестны. Правда, ответ частично можно найти, пожалуй, в показаниях самого Голда, в показаниях, которые он давал уже после осуждения, выступая в качестве свидетеля прокурора уже в другом процессе. На вопрос, лгал ли он, когда его допрашивали в ФБР в мае 1950 года (то есть после ареста), он ответил: «В мае 1950 года я лгал отчаянно». Что или кто заставлял его делать это — тоже неизвестно. Голд был осужден на 30-летнее тюремное заключение, чего он, естественно, не предвидел, когда решился сотрудничать с ФБР.

Голд лгал не только в мае 1950 года. Болезненная склонность ко лжи была, наверное, отличительной чертой его характера. Когда он был вызван в качестве свидетеля в процессе по делу некоего Бротмана (кстати говоря, привлеченного к ответственности по обвинению в атомном шпионаже, а осужденного за «противодействие правосудию» на несколько лет тюремного заключения), Гарри Голд охотно и со всеми подробностями рассказал о своих эротических приключениях, о своей жене и детях-близнецах, о разводе и тому подобное. В ходе процесса выяснилось, что Голд никогда не был женат... Стоит, может быть, еще заметить, что в процессе Бротмана принимали участие судья Кауфман и прокурор Сэйпол, которые, таким образом, убедились в «правдивости» свидетеля Голда. Это не помешало им потом, во время судебного процесса против Розенбергов и Собелла, признать показания Голда правдивыми.

Канадская афера 1946 года, преследование одиннадцати так называемых шпионов в 1948 году и таинственное дело Голда в 1950 году не удовлетворили американскую тайную полицию, которая смотрела на эти судебные дела как на пролог к сенсационному процессу против Юлиуса и Этель Розенбергов и против Мэртон Собелла.

Во время процесса, а тем более после обвинительного приговора всеобщее внимание вызвали Розенберги, осужденные на смертную казнь. Собелл оказался «забытым человеком». Поэтому, прежде чем вернуться к его судьбе, необходимо хотя бы очень кратко вспомнить о трагиче-

ской истории Юлиуса Розенберга и его жены. Коротко, потому что их история относительно хорошо известна. Коротко, потому что развернутый анализ их процесса и борьбы за их жизнь потребовал бы написания отдельной большой книги.

Розенберги

Юлиус и Этель Розенберги были арестованы по обвинению в атомном шпионаже летом 1950 года. Они умерли на электрическом стуле 19 июня 1953 г. В течение трех лет это дело занимало американское общественное мнение. Со времени процесса Сакко и Ванцетти в 20-е годы не было судебного дела, которое так взволновало бы людей в Соединенных Штатах. Как и в то время, мнение американской общественности не было единым.

В кругах интеллигенции, среди писателей, ученых и артистов раздавались многочисленные голоса в защиту Розенбергов. В связи с делом Розенбергов вспоминали невинно осужденных на смерть итальянских анархистов Сакко и Ванцетти, говорили, что и Розенберги явились жертвой провокации и оказались на скамье подсудимых в поддельном процессе. Но чем громче раздавались голоса протеста, тем большие усилия прилагали американские власти и мощная пропагандистская машина, чтобы убедить среднего американца в виновности Розенбергов. Эти усилия американской реакции, несомненно, принесли некоторые результаты, особенно потому, что многие американцы по мере развития событий оказались запуганными и опасались публично выражать сомнения в виновности Розенбергов.

В течение трех лет, прошедших с момента ареста Розенбергов и до приведения смертного приговора в исполнение, проблема доказательства вины Розенбергов отодвинулась — по крайней мере в Соединенных Штатах — на второй план. Сбитые с толку прессой и радио американцы интересовались не столько доказательствами вины, сколько вопросом, который им настойчиво подсовывали: признаются ли Розенберги в своей виновности и укажут ли они лиц, которые толкнули их на путь измены и шпионажа?

Нетрудно догадаться, что этими «лицами» должны были явиться руководители Коммунистической партии США. По расчётам режиссеров процесса, Розенберги должны были в какой-то момент, потеряв мужество, назвать имена руководителей, и тогда наконец утверждение ФБР, что «коммунист — это шпион», было бы доказано. Розенберги не потеряли мужества, не признали себя виновными в несовершенных преступлениях и не назвали никаких имен, которые до последней минуты подсовывали им агенты ФБР.

Американская тайная полиция и ее политические шефы одержали, таким образом, только половинчатый успех. Они добились казни Розенбергов, но не достигли своей более общей цели, которая определялась международной ситуацией и нараставшей волной реакции в самих Соединенных Штатах. Режиссеры всего этого позорного спектакля вынуждены были довольствоваться смертью Розенбергов, которым выпала доля защищать честь и достоинство американского народа.

Когда сегодня просматриваешь документы и книги, посвященные делу Розенбергов, чаще всего находишь там имена трех героев: двух положительных — Юлиуса и Этель Розенбергов — и одного отрицательного — Дэвида Грингласса, который был родным братом Этель, а выступал в качестве одного из главных свидетелей обвинения. В этих документах и книгах нет имени Мэртона Собелла, который, как уже известно, стал «забытым человеком». Отсутствует там также имя Рут Грингласс, жены Дэвида, сыгравшей существенную роль в организации процесса и во время судебного разбирательства. Может быть, с нее и стоит начать описание дела Розенбергов.

Рут Грингласс — если принять за чистую монету ее собственные показания в ФБР и перед судом — была одним из самых главных и самых опасных «атомных шпионов» в истории Соединенных Штатов. Это она — по ее собственным показаниям — склонила мужа к шпионажу. Это она — снова по ее собственным словам — принимала участие в различных делах, связанных с атомным шпионажем. Это будто бы она организовала встречи со шпионскими целями уже известного нам Голда с Дэвидом Гринглассом, дав каждому из них части картонной коробки, составив которые, они могли узнать друг друга. Это она — опять по ее собственным словам — была гораздо более активной шпионкой, чем, скажем, Этель Розенберг.

И все же Рут Грингласс никогда не была привлечена к судебной ответственности, не провела за тюремной решеткой ни одного дня, никогда не была посажена на скамью подсудимых. Как же это произошло? Почему тайная полиция не арестовала Рут Грингласс и не защитила США от столь опасной шпионки? На эти вопросы возможно дать только один ответ. ФБР прекрасно знало, что все показания Рут Грингласс — как те, которые касались лично ее, так и против Розенбергов — были просто-напросто «высосаны из пальца», а точнее говоря, придуманы и согласованы с ФБР с помощью адвоката Гринглассов О. Джона Роджа.

Читатели старшего поколения, может быть, помнят эту фамилию. Американский юрист Родж, который был сначала прокурором, а затем стал адвокатом, в первые послевоенные годы включился в американское движение защитников мира и даже несколько раз представлял это движение на международных конференциях. В частности, Родж принимал участие во Всемирном Конгрессе сторонников мира в Варшаве в 1950 году. Уже тогда некоторые его выступления казались подозрительными, потому что Родж, игравший роль прогрессивного деятеля, пытался защищать империалистическую политику США.

Вскоре после возвращения из Варшавы в Нью-Йорк, выполнив, вероятно, порученное ему задание, О. Джон Родж снял с себя маску. Он разоблачил себя тесным сотрудничеством с ФБР, выполняя задания тайной полиции именно в деле Розенбергов. Родж взял на себя защиту чете Гринглассов, а в опубликованных после процесса заметках из его адвокатской канцелярии совершенно отчетливо говорилось, что он действовал при этом по согласованию с ФБР.

По странному стечению обстоятельств, — а, может быть, это стечение обстоятельств было и не столь уж странным — оказалось, что Родж выступает также в качестве защитника Макса Элитчера, уже известного нам по предыдущим разделам этой книги свидетеля обвинения. Почему из 25 тысяч адвокатов в Нью-Йорке Элитчер выбрал того же самого защитника, что и Гринглассы, — осталось тайной ФБР, которое в данном случае даже не позаботилось о соблюдении каких-либо приличий и раскрыло механизм своей провокационной интриги. Однако оставим не очень интересную фигуру Роджа и вернемся к чете Гринглассов.

Если бы не участие Рут Грингласс и если бы не ее ложные показания, то процесс Розенбергов не состоялся бы. Что же заставило Рут Грингласс сыграть такую позорную роль, что заставило ее обвинить своих ближайших родственников в несовершенных преступлениях? Общая картина дела дает возможность ответить на этот вопрос. Рут Грингласс пошла на сделку с ФБР, будучи уверенной, что таким образом она спасет своего мужа, а когда узнала, что этой цели она достигла только частично (Дэвид был осужден на 15 лет тюремного заключения), уже не могла выйти из игры. Было уже слишком поздно. Она не могла признаться в том, что лгала суду, обвиняя Розенбергов, ибо в таком случае ей грозило бы суровое наказание за клятвопреступление и преследование со стороны ФБР, которое шантажировало ее возможностью вынесения ее мужу смертного приговора.

Кем же был Дэвид Грингласс и почему именно ему отвело ФБР главную роль в процессе Розенбергов? Почему из множества лиц, подозреваемых и допрашивавшихся в ФБР, был выбран именно он? Три момента обусловили то, что Гринглассу была поручена задача выступить с показаниями против Розенбергов.

Во-первых, Грингласс в 1945 году работал на атомных заводах в Лос-Аламосе и поэтому несведущих людей можно было убедить в том, что он имел там непосредственный доступ к атомным секретам. Во-вторых, по всей вероятности, он совершил там какой-то уголовный проступок (прокурор упоминал о краже проб урана, но не привел подробностей) и поэтому попал в поле зрения ФБР, которое впоследствии использовало его как безвольное орудие. В-третьих, и это было, пожалуй, самое главное, он был шурином Юлиуса Розенберга, в котором ФБР после первых показаний Грингласса увидело «идеального шпиона», и поэтому выступление Грингласса в качестве свидетеля стало для ФБР условием, без которого процесс Розенбергов был немислим.

Подготавливая процесс, ФБР исходило из предположения, что имя Гарри Голда уже запало в память американского обывателя как синоним опасного шпиона (хотя дело Голда вызывает тысячи сомнений). Поэтому Дэвид Грингласс был выставлен как сообщник или коллега Голда. Полученные в Лос-Аламосе атомные секреты Грингласс (по инициативе Розенбергов) передавал будто бы именно Голду. Эта версия, без конца повторявшаяся

во время процесса и широко распространявшаяся прес-сой, не выдерживает при ближайшем рассмотрении никакой критики.

Американская пресса уверяла, что именно Голд указал полиции на Гринглассов (во время судебного разбирательства этот факт, казалось бы чрезвычайно существенный, не был уточнен). На самом же деле Грингласс был связан с ФБР с февраля 1950 года, его неоднократно допрашивали (и во время этих допросов он, так же как и Элитчер, «припоминал» все больше и больше фактов и подробностей, отягощавших вину Розенбергов), а арестовали лишь в июне 1950 года. Голд же был арестован в мае 1950 года. Учитывая такую очередность событий, мало вероятно, чтобы именно Голд указал на Грингласса.

Встреча Голда с Гринглассом состоялась будто бы в Альбукерке, в штате Нью-Мексико, 3 июня 1945 г. Грингласс будто бы приехал из соседнего Лос-Аламоса. В качестве доказательства ФБР представило справку о проживании Голда в отеле этого городка в вышеуказанное время. Совершенно непонятным остается, зачем (если только не для удобства ФБР) Голд должен был регистрироваться, если он приехал в Альбукерке на несколько часов, и почему он зарегистрировался под собственной фамилией, если в Соединенных Штатах совершенно не обязательно предъявлять паспорт при регистрации в гостиницах и можно регистрироваться под любой фамилией. Станный это шпион, если он так облегчает задачу полиции! (Много лет спустя удалось доказать, что справка о регистрации Голда, представленная ФБР, была просто подделана, но защитники Розенбергов об этом не знали.)

Из Альбукерке Голд — как утверждалось в его показаниях — поехал поездом в Нью-Йорк, где 5 июня должен был передать полученную от Грингласса атомную информацию «советскому агенту». Любопытные результаты дала проверка железнодорожного расписания того времени. Выезжая из далекого Альбукерке 3 июня, можно было доехать в Нью-Йорк только 6-го, а не 5 июня. При внимательном рассмотрении ни одна из подробностей показаний Голда и Грингласса не подтверждалась, не отвечала действительному положению вещей.

Не лучше обстоит дело и со «схемой» атомной бомбы, которую Грингласс якобы передал вместе с «12-страничным описанием» Розенбергам. Между тем эта «схема» имела принципиальное значение в процессе. Следует при

этом отметить, что Грингласс «припомнил» об этом факте только спустя девять месяцев после ареста, при соответствующей обработке его показаний в ФБР (вначале он признавался только в вышеупомянутой встрече с Голдом). Передача «схемы» бомбы состоялась якобы в сентябре 1945 года. Гринглассу в то время было 22 года, у него не было никакого образования, и — совершенно ясно — он абсолютно ничего не понимал в атомных секретах в техническом значении этого слова.

«Схема», таким образом, существовала лишь в воображении Грингласса и его «учителей», если можно так назвать агентов тайной полиции. Во время судебного разбирательства Грингласс воспроизвел — как он заявил — «копию этой схемы» (копию, потому что оригинал будто бы был передан Розенбергам). «Копия» была проверена специалистами из ФБР, но, по-видимому, их знания в атомной области были весьма ограниченными. «Схема» Грингласса вызывала у ученых или саркастическую усмешку, или гримасу отвращения. Что же касается «12-страничного описания» атомной бомбы, то следует удивляться гениальности Грингласса, потому что, по мнению авторитетных ученых, описание атомной бомбы может занять 12 томов, а не 12 страниц. Явная ложь Дэвида и Рут Грингласс, продиктованная им агентами ФБР, явилась тем не менее главным основанием для вынесения обвинительного приговора, по которому Розенберги были осуждены на смертную казнь.

Юлиус Розенберг был арестован 17 июня 1950 г. На следующий день тогдашний государственный секретарь Дин Ачесон произнес речь, в которой пытался доказать, что ответственность за развязывание военных действий в Корее несет Советский Союз. Еще день спустя президент Гарри Трумэн потребовал от американского конгресса новых ассигнований в сумме 10 млрд. долл. на вооружение. Сопоставление этих дат и событий позволяет судить о тогдашней политической атмосфере в Соединенных Штатах. Арест очередного «атомного шпиона» был, конечно, на руку людям, которые несли ответственность за внешнюю политику Соединенных Штатов.

Если говорить об аресте Юлиуса Розенберга, то стоит отметить интересный факт: ФБР задержало его месяц спустя после ареста Грингласса. Если поверить в официальную версию и предположить, что Розенберг был шпионом, то трудно понять, почему в течение месяца — ведь

после ареста Грингласса для Розенберга должно было стать ясным, что ФБР раскрыло его «преступление» и напало на его след,— он не пытался скрыться? И почему ФБР выжидало целый месяц? Скорее всего потому, что именно столько времени велась подготовка (при помощи адвоката Роджа) показаний Дэвида и Рут Грингласс.

В чем обвинялся Юлиус Розенберг? Прежде чем ответить на этот вопрос, следует обратить внимание на тот факт, что между обвинением, сформулированным в первом сообщении о его аресте, решением о привлечении его к ответственности, отредактированным месяц спустя, а также обвинительным актом, зачитанным на судебном разбирательстве в марте 1951 года, имеются существенные различия. Сопоставление этих трех документов позволяет сделать заключение, что ФБР несколько раз изменяло обвинение по таким, весьма существенным моментам, как начало «преступной» деятельности Розенберга, наличие или отсутствие сообщников, место совершения преступления, конкретные уголовно наказуемые деяния и т. д. Противоречия и расхождения в различных версиях тайной полиции указывают на весьма шаткие основы обвинения.

Обвинения, сформулированные против Розенбергов прокурором, можно кратко изложить следующим образом: Юлиус Розенберг будто бы уговорил Дэвида Грингласса заниматься шпионажем; в соответствии с показаниями Гринглассов — единственных свидетелей этого обстоятельства — Розенберг будто бы выдавал им тысячи долларов, чтобы поощрить их шпионскую деятельность. Это утверждение оказывается в вопиющем противоречии с установленным во время судебного разбирательства фактом, что Розенберг остался должен Гринглассу тысячу долларов и у него не было денег на покрытие долга (денежные споры между семьями, находившимися в родственных отношениях, продолжались длительное время). Человек, который, по утверждению прокурора, швырял тысячи долларов на шпионаж и заинтересованный в том, чтобы заполучить Грингласса, конечно, прежде всего заплатил бы старый долг. Розенберг, однако, этого не сделал. Почему? ФБР и прокурор никакого ответа на этот вопрос не дали.

После достижения принципиального соглашения — если это так можно назвать — Розенберг будто бы склонил Грингласса, как говорится об этом в обвинительном

акте, к совершению двух конкретных преступных действий: к встрече с Голдом в июне 1945 года, которому будто бы Грингласс передал «атомные секреты», а также к передаче Розенбергу «схемы» атомной бомбы. Об этих так называемых преступлениях Грингласса, известных исключительно по его собственным показаниям, говорилось выше. Поэтому стоит только добавить, что ради подкрепления путаных и неубедительных показаний Грингласса ФБР сфабриковало два «вещественных доказательства». Однако эти «вещественные доказательства», вопреки сути этого слова, не были представлены прокурором во время процесса.

Первым «вещественным доказательством» была будто бы картонная коробка, крышку которой Розенберг разорвал на две части. Одну из них дал будто бы Гринглассу, а другая была в руках у Голда во время их встречи в Альбукерке. Составление обеих частей разорванной крышки позволило будто бы осуществить шпионский контакт. Эта сказка, целиком позаимствованная из криминальных романов, не выдерживает критики. Во-первых, никто, кроме Грингласса и Голда, — этих двух патологических лжецов, декламировавших показания, продиктованные им в ФБР, — не видел этой коробки. Во-вторых, показания обоих Гринглассов об этом, которые они давали несколько раз, противоречат одно другому (то они утверждали, что коробку достал Дэвид Грингласс, то, в следующий раз, Рут, потом, что эту коробку дал Юлиус Розенберг, наконец, что ее дали им Юлиус и Этель). Объяснить эти противоречия, пожалуй, нетрудно: «шпионской» коробки вообще не было.

Тайной полиции не повезло и с другим «вещественным доказательством», которым должен был стать какой-то специальный стол с потайными ящиками, предназначенными для хранения шпионских материалов, «подаренный» будто бы Розенбергам «советскими агентами». В ходе судебного разбирательства защитникам Розенбергов удалось достать и предложить суду справку известной нью-йоркской универсальной фирмы «Мэйсиз», в которой указывалось, что «специальный шпионский» стол был куплен Розенбергами в этом универсаме за 21 долл. и что такие столы были тогда в свободной продаже.

Читатель может обратить внимание, что до сих пор речь идет только о Юлиусе Розенберге. А в чем же обви-

нялась его жена, которая также была осуждена на смерть? Ответить на этот вопрос нелегко. Обвинение против Этель Розенберг настолько путано и не уточнено, что трудно сделать об этом какие-то выводы из обширных судебных протоколов. Оно сводится к тому, что Этель «совещалась» с Дэвидом Гринглассом (напомним, своим родным братом) или его женой Рут по вопросам шпионажа. Доказательством таких «совещаний» явились только показания Гринглассов.

Если сопоставить обвинения против Этель Розенберг с преступлениями, в совершении которых призналась Рут Грингласс, не подлежит сомнению, что вторая из этих женщин — Рут — является архипреступницей, в то время как первая, Этель, была самое большее ее маленькой сообщницей.

Почему же, в таком случае, Этель Розенберг была арестована и почему ее впутали в дело мужа? Пожалуй, логический ответ на этот вопрос должен состоять из двух частей. Во-первых, ФБР предполагало, что арест Этель и шантаж (ее) заставит ее мужа признаться в несовершенных преступлениях. Во-вторых, арест Этель и привлечение ее к судебной ответственности должны были подкрепить тезис ФБР, что обвиняемые являются активными и «опасными» коммунистами (Этель после ареста «призналась», что девять лет назад она голосовала за кандидатуру коммуниста в нью-йоркский муниципалитет).

Это как раз и указывает на истинные цели ФБР и его политических шефов в деле Розенбергов. Первая из этих целей заключалась в том, чтобы доказать провозглашаемый уже много лет, но все еще не доказанный тезис, что «атомные шпионы» — это коммунисты. Розенберги не отрицали, что они читали коммунистическую газету «Дейли уоркер», бывали на собраниях американских сторонников мира, что у них были прогрессивные взгляды, но отрицали, что являлись членами Коммунистической партии. Для ФБР этого было достаточно. С помощью прессы и радио оно раструбило, что наконец-то схвачены самые опасные «атомные шпионы» — коммунисты, которые «предали Америку».

Вторая цель ФБР также была очевидна. С момента ареста и до дня казни, то есть в течение трех лет, агенты ФБР, а потом прокуроры и судьи убеждали Розенбергов «признаться» и назвать своих «сообщников» и

«главарей», которые поручили им вести шпионаж. Проще всего изложил дело журналист Леонард Лайонс из «Нью-Йорк пост», который 9 апреля 1951 г., то есть после вынесения обвинительного приговора в первой инстанции, написал: «Если они проболтаются, то спасутся...».

До самой последней минуты перед приведением приговора в исполнение в камере Розенбергов стоял телефон прямой связи, что должно было облегчить им «возможность проговориться». Речь шла о том, чтобы Юлиус и Этель Розенберги признали свою вину и назвали в качестве своих «главарей» руководителей или деятелей Коммунистической партии США. Такой ценой они могли спасти свою жизнь. Легко догадаться, какие выводы извлекли бы ФБР и вашингтонские политики из такого «признания».

Юлиус и Этель Розенберги, скромные и простые люди, спасли честь американского народа, их не сломил террор ФБР, они не признали себя виновными в несовершенных преступлениях и тем самым не стали орудием провокации против Коммунистической партии и против Советского Союза. Их мужественное поведение, их мученическая смерть глубоко взволновали мировое общественное мнение.

Во время длительного пребывания в заключении — в страшной нью-йоркской тюрьме Синг-Синг — Юлиус и Этель Розенберги писали много прекрасных писем, изданных потом отдельной книгой, названной «Письма из дома смерти». Леон Кручковский, автор трагедии «Юлиус и Этель», сказал об этих письмах: «Редко случается, чтобы в мрачном доме смерти было написано столько пламенных и вместе с тем столько чистых слов о любви; в одиночестве поведано бумаге столько страстной любви к жизни, столько доверия к людям и миру...».

В разделе, посвященном Розенбергам, вообще не упоминалось о Мэртоне Собелле, хотя он и находился вместе с ними на скамье подсудимых. О нем не упоминалось не ради стремления искусственно поделить процесс, а потому, что вообще невозможно увидеть какую-либо связь между этими двумя делами. Обвинения, которые выдвигались прокурором против Розенбергов, — хотя они были и абсурдны — никак невозможно связать с

личностью Собелла. И наоборот — обвинения, выдвигавшиеся против Собелла, несмотря на то что они были необоснованными, не имеют ничего общего с Розенбергами.

В предыдущих разделах речь шла о двух моментах в показаниях, которые, по мнению прокурора, должны были будто бы свидетельствовать о связи между Мэртоном Собеллом и Розенбергами. Первым явилось показание агента ФБР Шрёдера, который установил, что в течение нескольких лет Собелл и Розенберг встречались пять раз (напомним, речь шла о встречах коллег во время совместной учебы). Вторым показанием явилась фантастическая выдумка Элитчера о ночном путешествии вместе с Собеллом в квартиру Розенбергов.

Оба показания были слишком шатким основанием для обвинения Собелла в участии в шпионском заговоре вместе с Розенбергами. Даже если бы эти показания были правдивыми, то и тогда они не могли бы расцениваться как доказательство виновности Собелла или Розенбергов. Но, как известно, прокурор выдвигал концепцию «заговора с целью шпионажа», а такого рода заговор был бы, по крайней мере, странным, если бы его участниками явились только семьи Розенбергов и Гринглассов. Поэтому и возникла необходимость найти хотя бы еще одного участника этого «заговора» вне семейного круга. Эту роль прокурор отвел Мэртону Собеллу.

Процесс

Судебный процесс против Розенбергов и Собелла начался 6 марта 1951 г. Время, прошедшее с момента их ареста летом 1950 года, было использовано американскими властями не только для подготовки обвинительного заключения и сбора «доказательств» их виновности. Это время было использовано прежде всего для соответствующей обработки общественного мнения. В течение многих месяцев, изо дня в день, на страницах американских газет появлялись сообщения и комментарии о краже «атомных секретов», об «атомных шпионах» и об особой роли Розенбергов и Собелла в такого рода преступле-

ниях. Эта длительная пропагандистская кампания была направлена на то, чтобы подготовить обвинительный приговор прежде, чем начался процесс против обвиняемых.

К началу процесса в Соединенных Штатах нельзя было, пожалуй, найти человека, которому в течение многих месяцев не внушалась бы мысль об опасных преступлениях обвиняемых. В такой ситуации надежда на то, что среди присяжных найдется хотя бы один, не подвергшийся пропагандистскому воздействию и не уверенный заранее в виновности подсудимых, была минимальной.

Процесс проходил в самом большом зале здания суда на Фоли-сквер в Нью-Йорке, в том самом зале, где в 1949 году были посажены на скамью подсудимых руководители Коммунистической партии США. Нью-йоркская и вашингтонская пресса, конечно, связывали эти факты, давая понять, что дело Розенбергов и Собелла является как бы продолжением процесса коммунистических лидеров, проводившегося два года назад. В этом же зале на Фоли-сквер проводились оба процесса в первой инстанции против Элджера Хисса — героя последней части этой книги.

На процессе председательствовал судья Ирвинг Кауфман, незадолго до этого назначенный федеральным судьей — должность, которая считается в Соединенных Штатах одной из самых высоких в юридической карьере. Судья Кауфман был известен тем, что с отличием окончил юридический факультет католического университета в Фордхэме, хотя сам и не был католиком, а в сорокалетнем возрасте был самым молодым из юристов, занимавших посты федеральных судей. В ходе процесса Кауфман не скрывал своей активной неприязни к обвиняемым и своего — вопреки принципам судебной процедуры — необъективного, пристрастного к ним отношения.

В качестве прокурора выступал Ирвинг Говард Сэйпол, в течение нескольких лет специализировавшийся на политических процессах и делавший на этом большую карьеру. Сэйпол выступал с обвинением против 11 руководителей Коммунистической партии на процессе 1949 года, а позже выступил в качестве обвинителя во время вторичного рассмотрения дела Элджера Хисса. Вскоре после процесса Розенбергов и Собелла журнал «Тайм» посвятил обширную статью Сэйполу, назвав его

«первым охотником за главными коммунистами по всей стране...».

Основным помощником Сэйпола был Рой М. Кон, в то время еще никому не известный молодой юрист, который спустя несколько лет завоевал печальную известность в качестве одного из главных помощников фашиствующего сенатора Джо Маккарти. Кон получил ответственное задание — подготовить к процессу Дэвида Грингласса, и в течение восьми месяцев, предшествовавших процессу, неоднократно совещался с ним в тюрьме, разрабатывая содержание его ложных показаний.

Первые два дня процесса были посвящены установлению состава присяжных, а также вступительным заявлениям и ходатайствам прокурора и защиты. Многочисленные ходатайства по существу дела и по процедурным вопросам, сделанные защитниками, судьей Кауфманом были отвергнуты. Лишь на третий день процесса был заслушан первый свидетель. Им был знакомый нам по предыдущим разделам этой книги Макс Элитчер.

Стоит заглянуть в номер «Нью-Йорк таймс», вышедший в тот день — 8 марта 1951 г., — чтобы почувствовать, какова была общая политическая атмосфера в США и как эта влиятельная американская газета освещала процесс. Вступительное заявление прокурора Сэйпола было напечатано в «Нью-Йорк таймс» под крупным заголовком: «Кража секрета атомной бомбы во время войны рассматривается на процессе шпионов». Изложение заявления прокурора заняло три большие колонки, зато выступлению адвокатов гордящаяся своей «объективностью» газета «Нью-Йорк таймс» отвела три строчки.

Сообщения из-за рубежа в тот день касались прежде всего войны в Корее. Судя по телеграммам, американский главнокомандующий генерал Макартур настаивал на расширении военных действий. Сообщения о военных действиях в Корее были приправлены густым антикоммунистическим соусом. Из событий внутриполитической жизни «Нью-Йорк таймс» вытащила телеграмму из Вашингтона о том, что Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности внесла в списки «подрывных» группировок 624 различные организации. И здесь сообщение сопровождалось соответствующими антикоммунистическими комментариями. Таково было чтиво присяжных в тот день, когда был заслушан первый свидетель.

Прокурор Сэйпол вначале заявил, что он намерен вызвать более ста свидетелей, которые докажут виновность подсудимых. Длинный список свидетелей произвел соответствующее впечатление на присутствовавших в зале суда и на прессу. На первом месте оказались видные ученые-атомники, такие, например, как профессор Ю. Роберт Оппенгеймер, который в то время еще не предполагал, что вскоре сам подвергнется гонениям, как профессор Гарольд Юри. В качестве свидетеля прокурор назвал также генерала Лесли Гровса, который возглавлял так называемый «Манхэттенский проект».

В ходе процесса прокурор отказался от допроса лиц, связанных с созданием первых атомных бомб в Лос-Аламосе, и от заслушивания показаний других ученых, которых он сначала перечислил как свидетелей. Джон Вексли в связи с этим пишет:

«Если бы доктор Юри или доктор Оппенгеймер действительно были вызваны в качестве свидетелей, их компетентные показания под огнем перекрестных вопросов могли бы вызвать серьезные сомнения в том, мог ли Грингласс понять научные данные, которые — как он утверждал — он так хорошо запомнил. По иронии судьбы доктор Юри лишь позже активно включился в борьбу за жизнь Розенбергов, когда познакомился с протоколами дела и убедился, сколь неправдоподобным является обвинение».

Прокурор Сэйпол фактически заслушал только 23 свидетелей, отказавшись от остальных, названных в начале судебного разбирательства. Кроме ученых Сэйпол вычеркнул из списка свидетелей всех агентов ФБР, опасаясь, вероятно, что их ложные показания скомпрометируют их в зале суда. Поэтому, в частности, не были заслушаны показания агента Шрёдера, который вел слежку за Собеллом, учитывая его действительные или мнимые встречи с Розенбергом, и присутствовал на границе в тот день, когда Собелла силой привезли из Мексики.

Прокурор неожиданно отказался также от прослушивания большой группы родственников и друзей обвиняемых, например родителей Собелла, его шурина и тетки, родственников его жены, а также лиц из окружения Розенбергов. У прокурора были все основания предполагать, что эти свидетели будут давать показания в пользу обвиняемых.

Возникает вопрос: зачем же прокурор предлагал заслушать более ста свидетелей, чтобы потом заслушать только 23? Только затем, чтобы на страницах газет появилось сенсационное сообщение о том, что прокурор привлекает в качестве свидетелей обвинения выдающихся ученых, «правдивых» агентов ФБР, а также ближайших знакомых и друзей обвиняемых. А о том, что прокурор потом отказался от этих «свидетелей», мало кто узнал, кроме присутствовавших в зале суда. Кроме того, прокурор всегда имел в запасе аргумент, что считает обвинение доказанным и не видит необходимости выслушивать другие показания.

Как уже было сказано, первым свидетелем прокурора был Макс Элитчер. Джонатан Рут — автор, который считает Розенбергов и Собелла виновными, весьма критически оценивает выступление Элитчера перед судом. «Элитчер мог вспомнить день своей первой встречи с преступными целями с Розенбергом семь лет назад (в 1944 г. — Г. Я.), но не вспомнил о дне, когда ФБР пригласило его в свое бюро семь месяцев назад». С отвращением и иронией пишет Джонатан Рут о показаниях Элитчера, касавшихся мебели, которую он купил по дешевке у жены Собелла. Элитчер в то время вел себя по отношению к жене Собелла как старый друг, хотя он уже подписал донос в ФБР. «Что касается Собелла и его жены, — пишет Рут, — Элитчер доказал, что он является человеком, способным на безграничное предательство...».

Отвечая на вопросы защитников, Элитчер часто путался, показывая свою неспособность вспомнить точные даты, а временами будучи вынужденным признавать факты и обстоятельства, которые охотно бы скрыл. Повидимому, даже при том условии, что этот свидетель был старательно натренирован ФБР и прокурором, нельзя было избежать провалов, неизбежных тогда, когда свидетель лжет. Вот несколько примеров и протоколов процесса.

Отвечая на вопросы прокурора, Элитчер упорно подчеркивал, что уже во время первого допроса в ФБР, 20 июля 1950 г., он рассказал обо всем, что было ему известно о «шпионской» деятельности Розенберга и Собелла. Когда, в свою очередь, вопросы начали задавать защитники, оказалось, что свидетель путается в собственных показаниях.

Вопрос: Помните ли Вы день, когда агенты ФБР пришли к Вам на место работы?

Ответ: Да, помню.

Вопрос: Нам кажется, что было 20 июля 1950 г., не так ли?

Ответ: Я не помню числа. Это было не в июле.

В этот момент прокурор Сэйпол счел своим долгом вмешаться в допрос свидетеля защитой, чтобы «напомнить» ему о дате 20 июля. Это было бесполезно, потому что Элитчер спустя какое-то время стал говорить о том, что его первый раз допрашивали в ФБР в июне. В такой ошибке не было ничего странного, если бы свидетель не настаивал, что помнит каждую подробность — день и час — своих встреч с обвиняемыми как семь лет назад, так и три года назад. Вот еще один фрагмент из протоколов процесса:

Вопрос: Когда Вы сделали первое заявление?

Ответ: Тогда, когда мне впервые довелось быть в этом здании.

Вопрос: Когда Вы сделали второе заявление?

Ответ: На следующий день.

Вопрос: Когда Вы сделали третье заявление?

Ответ: Спустя много времени. Через несколько месяцев.

Вопрос: Вы сделали первое заявление, посоветовавшись с адвокатом, не так ли?

Ответ: Совершенно точно.

Вопрос: После того, как Вы наняли адвоката?

Ответ: Да.

Вопрос: И после того, как Вас неоднократно допрашивали агенты ФБР и помощники прокурора, не так ли?

Ответ: Да.

Из вышеприведенного фрагмента показаний Элитчера можно сделать два важных вывода. Во-первых, свидетель признался, что он дал в ФБР показания, отягощавшие вину обвиняемых, не во время первого допроса, как он сам уверял, а после длительной подготовки, после нажима и запугивания. Во-вторых, свидетель проговорился, что сделал заявление в ФБР только после консультации со своим адвокатом, то есть с вышеупомянутым О. Джоном Роджем, выступавшим также в качестве защитника Грингласса и, несомненно, выполнявшим поручения ФБР.

Из представленных в ходе процесса служебных заметок и писем адвокатской канцелярии Роджа следует, что Родж переписывался с прокурором, ссылаясь в этих письмах на заключенное соглашение, целью которого было спасти Элитчера. Из этого соглашения следовало, что Элитчер будет выступать как свидетель в процессе Розенбергов и Собелла и, возможно, во время других процессов, но сам никогда не будет посажен на скамью подсудимых, хотя он и «признался» в том, что является членом шпионской сети. В одном из писем Родж напоминал, что Элитчер «нуждается в соответственно оплачиваемой должности». Для того чтобы не было недоразумений, следует сказать, что это было письмо в... прокуратуру.

Получил ли Элитчер в качестве награды за свои показания «соответственно оплачиваемую должность» — неизвестно. Известно зато, что он еще несколько раз спотыкался, выступая в качестве свидетеля обвинения, и, может быть, вызвал этим гнев прокурора. Вот еще несколько извлечений из его показаний на процессе:

Вопрос: Когда Вы приехали вместе с семьей из Вашингтона (в Нью-Йорк в 1948 г. — Г. Я.), Вы были смертельно напуганы, не так ли?

Ответ: Да.

Вопрос: С того времени Вы постоянно испытывали чувство смертельного страха, не так ли?

Ответ: Да.

Вопрос: Ваши контакты с Мэртоном Собеллом в период с 1942 по 1948 год были редкими и сравнительно краткими, не так ли?

Ответ: Да.

Вопрос: Ваша поездка (с Собеллом) в Кэтрин Слип (в квартиру Розенбергов) запомнилась Вам, не так ли?

Ответ: Да.

Вопрос: По существу, в соответствии с Вашими показаниями, только во время поездки Вы столкнулись с секретными и опасными делами, так ли это было?

Ответ: Да.

Вопрос: Поэтому это и запало Вам в память, не так ли?

Ответ: Да.

Вопрос: Но Вы не рассказали об этом в ФБР во время первого визита?

Ответ: Нет, не рассказал...

Вопрос: Лгали ли Вы, когда скрыли свою принадлежность к Коммунистической партии?

Ответ: Да, лгал.

Вопрос: Значит, Вы лгали, дав присягу?

Ответ: Да.

Вопрос: Испытывали ли Вы в связи с этим беспокойство?

Ответ: Да.

Вопрос: В 1946 году?

Ответ: Думаю, что это меня беспокоило всегда.

Вопрос: И в 1947 году?

Ответ: Да.

Вопрос: И в 1948 году?

Ответ: Да.

Вопрос: Вы беспокоились именно из-за присяги, которую дали?

Ответ: Да.

Вопрос: Эта присяга была ложной, это было клятвенное преступление, не так ли?

Ответ: Я знал, что такое присяга, да...

Вопрос: Хотите ли Вы себя спасти?

Ответ: Да.

Последний вопрос адвоката Кунтца и искренний, почти обезоруживающий, ответ Элитчера ставят точку над *i*. Перепуганный Элитчер готов был дать любые показания против Собелла и Розенбергов, надеясь, что таким образом он спасет себя.

Может вызвать удивление, что здесь отведено столько места разбору показаний Элитчера перед судом. Дело в том, что, хотя это и может показаться невероятным, только его показания стали основанием для вынесения обвинительного приговора Мэртону Собеллу. В обширной стенограмме процесса, который продолжался свыше трех недель, можно найти очень немного упоминаний о Собелле. Из них нельзя сделать никаких выводов, во всяком случае таких, которые свидетельствовали бы о какой-либо его шпионской деятельности.

Так, например, прокурор вызвал из Мексики нескольких свидетелей, которые дали показания о пребывании Собелла в этой стране. Показания были краткими. Из них следовало, что Собелл, действительно, вел себя несколько странно и, пожалуй, даже глупо, когда регистрировался под вымышленными фамилиями, но, как известно, странное и глупое поведение уголовно не наказуе-

мо. Прокурор уделил также внимание принадлежности Собелла в студенческие годы к коммунистическому движению, но в связи с протестом защитников председательствующий судья указал, что вопрос о принадлежности Собелла к коммунистическим организациям или вопрос о его убеждениях не является предметом судебного разбирательства.

Остаются, таким образом, лишь показания Макса Элитчера. Защитники Собелла в такой ситуации имели полное право в конце процесса утверждать, что им по-прежнему не известно, в чем же обвиняется их клиент и от каких обвинений его следует защищать. В последний день процесса Мэртон Собелл так и оставался «забытым человеком», как в день начала процесса.

Приговор

В последний день процесса — 28 марта 1951 г. — судья Кауфман после речей прокурора и защитников суммировал дело для присяжных. Резюме председательствующего судьи должно было помочь присяжным, как предусматривала это судебная процедура, разобраться в материале доказательств, собранных в ходе процесса. В данном случае этот материал был обширным — стенограмма процесса заняла более 2700 страниц. Резюме судьи задумано, естественно, как объективный акт, в котором принимаются во внимание в равной мере аргументы и обвинения, и защиты. Но, как легко догадаться, судья Кауфман в специфических американских условиях тех лет далек был от объективности и совсем не скрывал своей неприязни к подсудимым и своей уверенности в их виновности.

В полдень присяжные удалились на совещание. Трижды они возвращались в зал заседаний с просьбой дать им возможность ознакомиться с теми или иными документами. В частности, они хотели ознакомиться со списком свидетелей, первоначально предложенных прокурором. В 11 часов вечера присяжные обратились к председательствующему судье с вопросом, могут ли они в своем решении рекомендовать принять во внимание смягчающие обстоятельства. Кауфман пояснил, что их

задача заключается только в том, чтобы дать ответ на вопрос, признают ли они подсудимых виновными, но не выносить решения о мере наказания. Таким образом, вопрос о смягчающих вину обстоятельствах, которые, возможно, могли бы повлиять на смягчение приговора, не входил в компетенцию присяжных. Неизвестно, кого из подсудимых имели в виду присяжные, когда они затронули вопрос о смягчающих вину обстоятельствах.

В полночь судья Кауфман пригласил присяжных и, проявляя явное неудовольствие из-за слишком долгих совещаний, спросил их, можно ли ожидать скорого вынесения решения, ибо, в противном случае, он будет вынужден, в соответствии с требованиями процедуры, запереть их на ночь. Присяжные ответили, что они просят предоставить ночное помещение, так как они не нашли общего решения. Один из присяжных противился мнению остальных. Осталось неизвестным, кто это был и кого из обвиняемых касались его возражения. Но о его не подлежащем сомнению мужестве свидетельствовал тот факт, что он старался воспротивиться позиции остальных присяжных (решение которых должно быть единогласным), несмотря на сильный нажим со стороны ФБР и прессы.

Перед тем как запереть присяжных на ночь, судья Кауфман задал вопрос, достигли ли они единодушного решения относительно кого-нибудь из подсудимых, а если так — то тогда не могли ли бы они огласить свое решение. Присяжные после краткого совещания ответили: «Мы согласовали наше решение в отношении двух подсудимых, но предпочитаем отложить оглашение нашего решения касательно всех подсудимых до того времени, пока не придем к единодушному решению». И снова осталось неясным, по отношению к кому из трех подсудимых испытывали сомнения присяжные. Можно предположить, что вину Розенбергов они признали доказанной, но у них были сомнения в отношении виновности Мэртон Собелла. Не исключено, что один из присяжных возражал именно против виновности Собелла.

На следующий день судья Кауфман открыл заседание в 11 часов. Председатель состава присяжных огласил решение: присяжные признали вину всех троих подсудимых доказанной... Это означало, что в течение ночи или после возобновления утреннего заседания большинству присяжных удалось перетянуть на свою сторону

тех — или того — из них, кто сомневался в виновности одного из подсудимых или хотел принять во внимание какие-то смягчающие обстоятельства. Трудно удивляться, что «оппозиционер» подчинился нажиму. В США такого рода оппозиция была равнозначной опасности подвергнуться гонениям. Это почувствовали на собственном опыте присяжные, которые после первого судебного разбирательства не вынесли решения о виновности Эдджера Хисса. О их судьбе присяжным в процессе Розенбергов и Собелла было хорошо известно.

Судья Кауфман поблагодарил присяжных за их работу и объявил, что 5 апреля огласит приговор, устанавливающий меру наказания. Таким образом, прошла еще неделя, полная нервного напряжения для обвиняемых, прежде чем они узнали о своей судьбе. Когда сегодня, с перспективы времени, читаешь документы и отчеты прессы об этом сенсационном процессе, более всего, пожалуй, потрясает, что обвиняемые — как Розенберги, так и Собелл — до последнего момента надеялись на оправдательный приговор. Даже после вердикта присяжных обвиняемые, все еще испытывая доверие к американскому правосудию, надеялись, что наказание не будет слишком суровым.

Тем сильнее было потрясение, когда судья Кауфман огласил приговор, обрекавший Юлиуса и Этель Розенбергов на смертную казнь. В кратком обосновании судья указал, что подсудимые совершили преступление, «худшее, чем убийство». По мнению Кауфмана, Советский Союз благодаря именно подсудимым получил атомную бомбу на много лет раньше, чем смог бы ее создать сам. Судья демагогически добавил, что это привело к «коммунистической агрессии в Корее». Обращая к обвиняемым театральным жестом, Кауфман провозгласил, что «миллионы невинных людей оплатят цену вашего предательства...». Эти слова предназначались для газетных заголовков, и в этом отношении Кауфман не ошибся. Американская пропаганда славословила его как «великого патриота», который чуть ли не спас родину от предателей.

После оглашения приговора по делу Розенбергов Кауфман объявил короткий перерыв, во время которого полицейские вывели Юлиуса и Этель Розенбергов из зала суда. Через десять минут судья вернулся, чтобы огласить приговор Мэртону Собеллу. Один из его защитни-

ков попросил слова, призвав судью не выносить слишком сурового наказания, хотя, как он подчеркнул, он и далее считает, что Собелл не совершил никакого преступления. Судебные хроникеры отмечали, что Кауфман вел себя так, как будто бы он вообще не слушал довода адвоката. Едва адвокат успел сесть, судья огласил приговор, осуждавший Мэртон на 30-летнее заключение. Кауфман счел нужным обосновать то, что он не осуждает его на смертную казнь, и пояснил, что не чувствует к нему никакой симпатии, но считает, что степень его виновности меньше, чем у Розенбергов.

Для полноты картины добавим еще, что на следующий день тот же Кауфман огласил приговор по делу Дэвида Грингласса. Прокурор Сэйпол предлагал для него 15 лет тюрьмы. Адвокат Родж, который, как отметили судебные хроникеры, взял за его защиту 4 тыс. долл., просил трех лет тюрьмы. «Если, — заявил он, — власти и далее желают, чтобы люди в положении Дэвида Грингласса выступали и сотрудничали с ними (то есть с властями), то они должны их похлопать по плечу...».

Судья Кауфман согласился с предложением прокурора и осудил Дэвида Грингласса на 15 лет тюремного заключения. Рут Грингласс, сидевшая в первом ряду кресел для публики, упала в обморок. Приговор не оправдал ее расчетов и надежд. ФБР и адвокат Родж не сдержали своих обещаний.

Вынеся Розенбергам смертный приговор, судья Кауфман установил, что казнь должна состояться в четвертую неделю мая 1951 года. В действительности приговор был приведен в исполнение 19 июня 1953 г. В течение более чем двух лет велась борьба за жизнь Юлиуса и Этель Розенбергов, борьба, которая взволновала мировое общественное мнение и велась на различных фронтах — правовом, политическом и гуманном. В течение этих трех лет дело Мэртон Собелла было почти полностью забыто.

Газеты, которые в ходе подготовки к процессу и во время процесса иногда упоминали имя Собелла, теперь писали исключительно о смертной казни, грозившей Розенбергам. Протесты юристов и другие процессуальные требования были направлены прежде всего на то, чтобы добиться отмены смертной казни Розенбергов. Выдающиеся деятели из различных стран, обращавшиеся к президенту Соединенных Штатов с просьбой о помило-

вании Розенбергов, вероятно, вообще не знали о существовании Собелла как обвиняемого.

В этом не было ничего удивительного. Казнь Розенбергов была равнозначна убийству во «имя права». Против этого протестовали граждане Соединенных Штатов и других стран, полагая, что смертный приговор будет означать величайшую несправедливость... Перед угрозой смерти дело Собелла, хотя и осужденного на 30-летнее тюремное заключение, как бы отошло на второй план и сравнительно мало кого интересовало.

Его фамилия время от времени, однако, мелькала в тех письмах, которые посылали в различные судебные инстанции защитники или адвокаты Розенбергов. Подсчитано, что в течение двух лет, прошедших со времени вынесения приговора в первой инстанции и до дня казни Розенбергов, защитники послали в федеральный суд Нью-Йорка, в апелляционный суд, в Верховный суд 26 просьб, требуя отмены несправедливого приговора и пересмотра дела. Единственным результатом всех этих писем была — до определенного времени — отсрочка казни. Но доводы защитников, касавшиеся существа дела, не убедили судей в вышестоящих инстанциях, и они не давали согласия на отмену приговора.

Стоит отметить, что в окончательном приговоре апелляционного суда нашлось место для «особого мнения» одного из судей именно в пользу Мэртон Собелла. Апелляционный суд в Нью-Хавене, созданный для изучения дела, в феврале 1952 года отверг большинством в два голоса одно обжалование защитников. Однако судья Джером Франк в своем особом мнении указал, что приговор по делу Собелла должен быть отменен и что его дело пересмотрено.

По мнению судьи Франка, присяжные в первой инстанции были лишены возможности высказаться, правильна ли аргументация защитников Собелла, что речь может идти о двух различных заговорах: об одном, «атомном», без участия Собелла, и другом, «не атомном», с его участием. По мнению Франка, инструкции, которые судья Кауфман дал присяжным, о том, чтобы они просто высказались в отношении участия Собелла в заговоре, не учитывая возможности существования двух заговоров, были ошибочными.

Не имеет смысла полемизировать здесь с выводами судьи Франка, который пренебрег основным тезисом за-

щитников о полной невиновности всех троих обвиняемых, а высказал интерес только к гипотетическому предположению защитников о существовании двух различных заговоров. Интересно другое: юрист, столь неприязненно относившийся к подсудимым, считал необходимым пересмотреть дело Собелла.

С октября 1952 года до июня 1953 года Верховный суд в Нью-Йорке шесть раз рассматривал дело Розенбергов и Собелла. Каждый раз суд или единогласно, или же большинством голосов выносил решение не рассматривать дело по существу в связи с отсутствием процедурных обоснований для рассмотрения кассационной жалобы. Некоторые из судей, например Уильям Дуглас и Гуго Блэк, считали, что некоторые аргументы защиты заслуживают внимания Верховного суда, но каждый раз в составе суда, насчитывавшего девять человек, они оказывались в меньшинстве. С именем судьи Дугласа связана последняя, может быть, наиболее драматическая попытка спасти жизнь Розенбергов.

На 19 июня 1953 г. был назначен — уже в четвертый раз — день казни Розенбергов. В трех предыдущих случаях отсрочки добились защитники, внося предложения, которые рассматривались различными судебными инстанциями. На этот раз адвокаты Розенбергов испробовали уже все пути и не видели возможности добиться изменения приговора.

Неожиданно в борьбу включились два выдающихся американских юриста — адвокат Файк Фармер из Нешвилла, выступавший обычно в судах в качестве представителя крупных концернов, а также адвокат Даниэл Маршалл из Лос-Анджелеса, известный своими либеральными (хотя и антикоммунистическими) взглядами и выступлениями в защиту гражданских свобод. Фармер и Маршалл, интересовавшиеся политическими и общественными проблемами, считали приговор по делу Розенбергов несправедливым, и на свой страх и риск предприняли попытку добиться отмены этого приговора.

13 июня, то есть за несколько дней до казни, Фармер и Маршалл посетили судью Кауфмана в Нью-Йорке и внесли предложение о пересмотре дела. Вкратце их аргументация была такова. Розенберги были осуждены на основе закона о шпионаже, принятого в 1917 году. Однако этот закон был частично изменен после принятия закона об атомной энергии в 1946 году. В соответствии с

законом 1946 года, приговор о смертной казни мог быть вынесен только на основе специального решения присяжных. А поскольку — делали вывод адвокаты — решение присяжных о мере наказания в этом процессе не было вынесено, приговор должен быть отменен.

Судья Кауфман немедленно отверг предложение адвокатов, отказывая им вообще в праве выступать в защиту Розенбергов. Они не признали своего поражения и направились в Вашингтон, где обратились к судье Уильяму Дугласу, выдвинув свои аргументы за отмену приговора. Их конкретное предложение заключалось в следующем: если был нарушен закон и если дело должно быть пересмотрено, следует еще раз отложить срок приведения в исполнение смертного приговора.

Судья Дуглас выслушал адвокатов и в течение 24 часов обдумывал свое решение; 17 июня — за два дня до казни — огласил свое решение. Дуглас согласился с доводами защитников, признал, что закон от 1946 года был нарушен, и отсрочил исполнение приговора. Сразу же после вынесения своего решения Дуглас выехал из Нью-Йорка в отпуск. Это был период судебных каникул, и остальные его коллеги из Верховного суда уже находились за пределами столицы.

В то время и произошло событие, не имевшее прецедента в истории американского правосудия. Генеральный прокурор Герберт Броунелл потребовал немедленного возвращения девяти членов Верховного суда из отпуска с целью отмены решения судьи Дугласа. По телефону и телеграфу в Вашингтон были вызваны судьи уже весьма почтенного возраста. Сам Дуглас успел доехать только до штата Пенсильвания, когда его отыскали и вызвали обратно.

18 июня тогдашний председатель Верховного суда Фред Винсон открыл заседание суда. Кроме бывших защитников Розенбергов и адвокатов Фармера и Маршалла в защиту Розенбергов перед судом выступили еще два выдающихся юриста, а именно старый адвокат Джон Финерти, который в 20-е годы принимал участие в защите Сакко и Ванцетти, а также известный профессор права из Чикагского университета Малькольм Шарп. Выступления защитников продолжались несколько часов, после чего судьи удалились на совещание. Спустя три часа председатель объявил, что решение будет вынесено на следующий день, то есть в день казни.

19 июня в 11 часов судья Винсон возобновил заседание Верховного суда, чтобы зачитать решение. Оно сводилось к отмене решения судьи Дугласа об отсрочке казни. Это означало, что вечером этого дня смертный приговор будет приведен в исполнение. Решение Верховного суда не было единогласным. Судья Дуглас упорно отстаивал свою точку зрения и требовал рассмотрения новых аргументов, приведенных в защиту подсудимых по существу. К нему присоединился судья Блэк. Судья Феликс Франкфуртер, один из наиболее уважаемых членов Верховного суда, отказался от участия в голосовании, ссылаясь на то, что дело требует глубокого размышления и не может рассматриваться поспешно. Таким образом, только шесть судей голосовали за отмену решения Дугласа.

Казалось, что в этот день вся вашингтонская администрация была мобилизована на то, чтобы добиться казни Розенбергов. Действовали не только министр юстиции и судьи, но также и президент. Через час после решения Верховного суда канцелярия Белого дома объявила, что президент Дуайт Эйзенхауэр вторично отклонил просьбу осужденных о помиловании.

В нью-йоркской тюрьме Синг-Синг все уже было готово для казни. Проводка электрического кресла была проверена, палач был на своем посту. За несколько часов до исполнения приговора директор тюрьмы еще раз разговаривал с Юлиусом Розенбергом и еще раз повторил ему, что министерство юстиции будет ходатайствовать об отмене смертного приговора, если осужденный признает свою вину и сделает соответствующее заявление. Юлиус Розенберг ответил: «Человеческое достоинство не продается...».

Вечером смертный приговор был приведен в исполнение. В течение шести минут на электрическом стуле погибли сначала Юлиус, а потом Этель Розенберг.

Мэртон Собелл к этому времени уже просидел в тюрьме два года из тридцати. Он находился в тюрьме Алькатрац, которая не раз описывалась как одна из самых страшных тюрем в Соединенных Штатах.

Обжалование

В предыдущих разделах несколько раз упоминалось о деле Сакко и Ванцетти, чтобы провести некоторые параллели с делом Розенбергов и Собелла. Пожалуй, стоит уделить еще немного места этому известному процессу 20-х годов. Оказывается, что американская тайная полиция и аппарат правосудия использовали одни и те же методы в совершенно различное, казалось бы, время. Оказывается, мировое общественное мнение в обоих случаях старалось оказать влияние на правителей США, выступая в защиту невинно осужденных людей. Но в обоих случаях эти кампании, проводившиеся во всемирном масштабе, не принесли никаких результатов.

Весной 1920 года двое бандитов напали на кассира фабрики обуви в Саут-Брентри, в штате Массачусетс. Бандиты убили стражника, сопровождавшего кассира, отобрали деньги, предназначенные для выплаты рабочим, и скрылись. Месяц спустя местная полиция арестовала двух анархистов — портного Николло Сакко и ремесленника Бартоломео Ванцетти, итальянцев по происхождению, и обвинила их в убийстве и грабеже. Полиция и ФБР считали, что они смогут скомпрометировать двух деятелей рабочего движения, обвинив их в совершении преступления. Они считали также, что таким образом, начав сенсационный процесс, они смогут запугать общественность, принудить граждан страны к послушанию.

Началось длительное судебное разбирательство, во время которого оба обвиняемых — люди простые, но идейные — с большим достоинством доказывали свою невиновность. Но ФБР фальсифицировало все новые и новые «улики» их вины, а очередные судебные инстанции принимали эти «улики» за чистую монету и утверждали смертный приговор. Позорный процесс продолжался в общей сложности семь лет, вызывая возмущение общественности в Соединенных Штатах и за их пределами.

После того как в 1927 году приговор получил юридическую силу, защитники обратились к губернатору штата Массачусетс с просьбой о помиловании. Губернатор создал комиссию из трех человек, которая должна была дать отзыв на просьбу. Комиссия поддалась нажиму со стороны ФБР и высказалась против помилования.

23 августа 1927 г. Сакко и Ванцетти погибли на электрическом стуле.

Сейчас их громкий процесс и трагическая судьба несколько забыты, но в то время их дело волновало миллионы людей во всем мире. Перед зданиями американских посольств в различных столицах Европы проходили бурные демонстрации протеста. Кампания в защиту Сакко и Ванцетти, имена которых стали своего рода символами борьбы за справедливость, велась в Париже и Женеве, в Варшаве и Белграде, в Советском Союзе и Мексике. После приведения смертного приговора в исполнение в Париже состоялась манифестация, в которой участвовало 150 тыс. человек. В похоронах жертв террора ФБР в Бостоне приняли участие тысячи людей, протестуя таким образом против казни невинных людей — деятелей рабочего движения. Анархистские убеждения Сакко и Ванцетти не играли тут никакой роли. Существенным и волновавшим человеческую совесть был тот факт, что американская правящая элита, действуя через тайную полицию и суды, уничтожила двух невинных людей, чтобы таким образом добиться своих политических целей.

Аналогия с делом Розенбергов и Собелла здесь напрашивается сама собой, и, когда теперь просматриваешь газетные материалы 1951—1953 годов о кампании в их защиту, создается впечатление, что эта кампания — независимо от того, кто выступал ее инициатором, — проводилась по образцу кампании за спасение жизни Сакко и Ванцетти. Ибо независимо от тех мер, которые предпринимали юристы, на всем земном шаре в течение двух лет велась политическая и общечеловеческая кампания в защиту Юлиуса и Этель Розенбергов.

В этой кампании участвовали отнюдь не только левые и прогрессивные группировки, но также организации и лица, далекие от либерализма, от политических взглядов обвиняемых. Как уже упоминалось, эта кампания быстро перекинулась за границы Соединенных Штатов и охватила различные государства на всех пяти континентах.

Кампания в защиту Розенбергов особенно усилилась в начале 1953 года, когда очередные судебные инстанции отвергли многочисленные заявления защитников и стало ясно, что американские власти решили привести смертный приговор в исполнение. 8 января 1953 г. «Нью-

Йорк таймс» поместила письмо в редакцию профессора Гарольда Юри, известного химика-атомника, лауреата Нобелевской премии, человека, который в немалой степени способствовал созданию атомной бомбы Соединенными Штатами.

Профессор Юри указывал, что, по его мнению, нельзя верить показаниям такого рода свидетелей, как Макс Элитчер или супруги Грингласс, которые хотели выгородить себя, давая показания против обвиняемых. Кроме того, Юри обращал внимание на то обстоятельство, что Рут Грингласс, которая «призналась» в совершении различных преступлений, вообще не была привлечена к ответственности, в то время как на основе ее показаний два человека были осуждены на смертную казнь. «Разве не возникла бы неловкость, — задавал вопрос ученый, — если бы после казни Розенбергов оказалось, что в Соединенных Штатах осуждены на смерть двое невинных людей, а в то же самое время лицо виновное (Рут Грингласс) осталось ненаказанным?»

К выводам профессора Юри присоединился Альберт Эйнштейн, который 13 января 1953 г. направил письмо президенту Трумэну с призывом помиловать Розенбергов. У Трумэна в то время уже лежало на столе предложение защитников с просьбой о помиловании, но он сослался на то, что срок его полномочий приближается к концу, и передал предложение своему преемнику — президенту Эйзенхауэру. Эйзенхауэр, вскоре после вступления на пост президента, отказался подписать помилование. Как уже известно, спустя несколько месяцев Эйзенхауэр отверг также просьбу о помиловании, которая была подана в день казни.

Начиная с декабря 1952 года с небольшими перерывами велось пикетирование Белого дома людьми, считавшими, что приговор Розенбергам должен быть отменен. Созданный в это время Комитет защиты Розенбергов, в который входили духовные лица различных вероисповеданий, ученые, писатели и артисты, организовал ряд акций, чтобы воздействовать на американскую общественность. Свыше тысячи человек явились в нью-йоркский отель «Капитолий» на ужин, организованный с целью сбора средств на расходы по защите Розенбергов. Главным оратором на этом ужине должен был быть депутат палаты общин английского парламента. Но в последнюю минуту государственный департамент отказал

ему в визе, и депутат не смог приехать в США. Таким образом, даже госдепартамент включился в преследование Розенбергов. В апреле 1953 года на стадионе «Рэндоллз Айленд» состоялся митинг в защиту Розенбергов, в котором участвовало более десяти тысяч человек. Доктор Бернارد Лумер, декан теологического факультета Чикагского университета, собрал подписи 2300 протестантских пасторов, которые обратились к Эйзенхауэру с призывом помиловать Розенбергов.

Когда сегодня читаешь такого рода информацию, следует помнить, что все это происходило в период наибольшего разгула маккартизма в США. Ученый, который направил письмо в редакцию, пастор, обращавшийся с призывом к президенту, и обычный гражданин, принимавший участие в митинге в защиту Розенбергов, — все подвергались опасности преследований как «коммунисты» и «враги отечества» со стороны Маккарти и его приспешников. Их могли не только опорочить, но и привлечь к ответственности. В таких условиях участие многих тысяч американцев в кампании в защиту Розенбергов свидетельствует о их гражданском мужестве и высокой степени моральной ответственности.

Кампания за пересмотр дела Розенбергов и отмену обвинительного приговора или, по крайней мере, за их помилование привела в движение миллионы людей в разных странах. Даже короткий обзор всех форм протеста, в которых принимали участие и выдающиеся деятели, и простые люди в Великобритании и в Советском Союзе, во Франции и в Польше, которые направляли письма в Соединенные Штаты, требуя пересмотра приговора и отсрочки уже назначенной казни, занял бы слишком много места.

Приведем лишь некоторые примеры. Во Франции эта кампания была, пожалуй, самой массовой. Выражая мнение французской общественности, президент Винсент Ориоль направил по дипломатическим каналам президенту Эйзенхауэру протест против осуждения Розенбергов. Аналогичную позицию занял архиепископ Парижа, кардинал Морис Фелтин. Ватиканское радио включилось в кампанию, заявив, что большинство католиков Италии молится за жизнь Розенбергов. Неофициально сообщалось, что папа обратился по этому вопросу в Вашингтон. Подобные сообщения приходили и из других стран.

Но американские политические заправилы были немолимы. Их не взволновали ни ученые заключения правоведов, указывавших на нарушение законности в процессе Розенбергов, ни призывы к человеколюбию, раздававшиеся во всех уголках земного шара. Эти люди, пользуясь поддержкой самых реакционных организаций, таких, например, как Американский легион, который создал вокруг судьи Кауфмана ореол национального героя, пользуясь общей атмосферой террора, созданной сенатором Маккарти, требовали смерти Юлиуса и Этель Розенбергов и успокоились только тогда, когда директор тюрьмы Синг-Синг огласил коммюнике о том, что смертный приговор приведен в исполнение.

Казнь в силу обстоятельств положила конец кампании в защиту Розенбергов. И тогда вспомнили о судьбе Собелла, о котором, действительно, мало кто вспоминал в дни драматической борьбы за жизнь Розенбергов. Хотя это и звучит парадоксально, попытки возобновить его процесс и пересмотреть меру наказания могли начаться всерьез только после смерти Розенбергов. До этого их трагедия целиком заслоняла дело Собелла, который был осужден «только» на 30 лет тюрьмы.

Не будем перечислять всех многочисленных просьб и прошений, которые направляли его защитники в последующие годы. Они ссылались или на уже известные нам обстоятельства, приводили те же аргументы, свидетельствовавшие о его невиновности, а точнее говоря, об отсутствии доказательств его виновности, или же на обстоятельства, установленные уже после процесса, достаточные для того, чтобы возобновить разбирательство. Судьба всех этих писем и обжалований была одинакова: они отвергались. Не подлежит сомнению, что наряду с принципиально предвзятым отношением к делу Собелла вступало в игру еще одно обстоятельство. Пересмотр обвинительного приговора Собеллу означал бы поставить под сомнение правильность решения по делу Розенбергов, а этого министерство юстиции, тайная полиция и судьи не могли допустить.

Отказы американских судебных инстанций не могли затормозить других мер в защиту Собелла. В качестве примера можно упомянуть о некоторых из них. В феврале 1954 года на страницах одного из самых серьезных американских изданий по юридическим вопросам «Колумбия ло ревю» появилось обширное исследование, по-

священное делу Розенбергов и Собелла. Авторы исследования заняли позицию, что они не могут высказаться на тему о том, виновны или невиновны были подсудимые, но могут проанализировать, в какой мере судебный процесс соответствовал требованиям правосудия. С этой точки зрения авторы указали суду первой инстанции на ряд существенных нарушений, а по делу Собелла подчеркнули, что не было никаких оснований рассматривать обвинение против него в том же самом процессе, что и обвинение против Розенбергов.

В 1955 году в США были изданы два обширных тома, посвященных процессу Розенбергов и Собелла. Это цитировавшиеся выше книги Джона Вексли «Процесс Юлиуса и Этель Розенбергов» и Уильяма Рюбена «Атомный шпионаж: мистификация». Оба автора отличаются друг от друга по стилю и по-разному освещают и анализируют ход процесса. Но оба приходят к одному и тому же выводу: как Розенберги, так и Мэртон Собелл пали жертвой провокации, они не совершали никакого преступления и были осуждены несправедливо. После смерти Розенбергов обе эти книги следует признать прекрасно обоснованным обжалованием по делу Собелла.

В 1956 году судьбой Собелла заинтересовался выдающийся английский философ Бертран Рассел, который на страницах «Гардиан» напечатал открытое письмо в его защиту. Почтенный ученый подверг сомнению правильность приговора, по которому были казнены Розенберги, и призвал пересмотреть дело Собелла. В парижской «Монд» к этому призыву присоединился французский публицист Клод Жюльен. Напоминая о ходе процесса, Жюльен писал: «Показания Элитчера заключают в себе много внутренних противоречий. Однако же Собелл был осужден исключительно на основании этих показаний». В связи с аргументацией Бертрана Рассела и на основании богатого материала, собранного Джоном Вексли, Жюльен делал вывод: «Всего этого должно быть достаточно для пересмотра процесса, ход которого в 1956 году не мог бы быть таким, как в 1951 году. Этот пересмотр привел бы — и это не подлежит сомнению — к реабилитации осужденных».

Мэртон Собелл находился в страшной тюрьме Алькатрац, на острове неподалеку от Сан-Франциско, до 1958 года, когда он был перевезен в тюрьму города Ат-

ланта. При этих обстоятельствах стало известно, что в Алькатраце его время от времени посещали агенты ФБР, которые уговаривали его «признаться». ФБР, как оказалось, мстило Розенбергам и после их смерти, ибо «признание» Собелла было бы равнозначно подтверждению обвинительного приговора.

Мэртон Собелл отверг все подобные предложения и не признался в несовершеннолетних преступлениях. Он жестоко за это поплатился. В 1962 году, то есть одиннадцать лет спустя после вынесения приговора, он впервые обратился с просьбой об условном освобождении из заключения. Такого рода меры, согласно американской процедуре, применяются даже по отношению к уголовникам, отбывшим часть наказания. Но просьба Собелла была немедленно отвергнута.

В 1965 году произошел перелом в деле Собелла. Крупнейшее нью-йоркское издательство «Даблдэй энд компани» издало почти 500-страничную книгу под названием «Invitation to an Inquest», целиком посвященную делу Розенбергов и Собелла. Авторами книги были прогрессивные американские публицисты Уолтер и Мириам Шнейеры. Супруги Шнейеры посвятили пять лет сбору материалов, анализу имевшихся стенограмм по делу и поискам новых доказательств.

Результат оказался сенсационным. Они привели ряд новых существенных доказательств того, что Розенберги и Собелл явились жертвами полицейской провокации, которая была устроена с определенными политическими целями. Так, например, авторам удалось получить доступ к показаниям главных свидетелей обвинения (Дэвида Грингласса и Гарри Голда), которые они дали во время первого допроса в ФБР, и сравнить текст этих показаний с теми показаниями, которые были даны обоими свидетелями позже, в суде. Сравнение показало, что ни Грингласс, ни Голд вначале не выдвигали обвинений против Розенбергов и что лишь после длительной подготовки в ФБР согласились дать показания против Юлиуса и Этель Розенбергов.

Авторы заинтересовались карточками регистрации отеля «Хилтон» в Альбукерке, где, по утверждениям прокурора, будто бы встретились 3 июня 1945 г. Голд и Грингласс. Шнейерам удалось доказать, что представленная ФБР регистрационная карточка было просто-напросто подделкой и что прокурору было известно о фаль-

сификации этого документа, который, по его мнению, имел такое большое значение.

В книге Шнейеров впервые была напечатана «схема» атомной бомбы, будто бы начерченная Гринглассом и переданная через Розенбергов в Советский Союз. Во время процесса 1951 года эта «схема» была признана секретным документом, что было, впрочем, лишено всякой логики, ибо, если русские имели эту «схему» уже в 1945 году, то трудно было понять, почему она продолжала оставаться секретной.

Наряду с публикацией «схемы» Шнейеры поместили комментарии к ней двух ученых, которые были участниками работ по созданию первых атомных бомб. Оба они признали «схему» «не имеющей никакой ценности», «карикатурной». Шнейеры сообщили также, что девять месяцев спустя после казни Розенбергов доктор Джеймс Беккерли, директор американской Комиссии по атомной энергии, присутствовавший на процессе, сделал следующее заявление: «Атомную и водородную бомбу шпионы не крали... Это не такие вещи, которые могут быть украдены и переданы в виде информации...».

Вывод авторов книги сводился к следующему: «Юлиус и Этель Розенберги, а также Мэртон Собелл не только были осуждены несправедливо, но их наказали за преступление, которое никогда не было совершено...». Этот вывод явился исходной точкой для обширной рецензии на книгу, напечатанной в вашингтонской газете «Ивнинг стар». Другие серьезные американские газеты также уделили внимание работе Шнейеров. Рецензии носили в общем информационный характер, но некоторые газеты, как, например, «Ивнинг стар», сделали и выводы, заключающиеся в следующем: «Кажется, авторы собрали достаточно доказательств, чтобы поставить вопрос о пересмотре дела».

«Нью-Йорк таймс» во время процесса Розенбергов и Собелла не испытывала никаких сомнений в их виновности. 15 лет спустя, когда политическая атмосфера в стране несколько изменилась, газета сочла возможным вернуться к трагедии Розенбергов и поделиться с читателями своими сомнениями. В обширной статье под названием «Новые вопросы в связи с делом Розенбергов», напечатанной 28 августа 1966 г., газета, касаясь книги Шнейеров, вслед за ними повторяла доказательства невиновности осужденных.

Особое внимание газета уделила изложению мнения двух цитировавшихся Шнейерами ученых, которые так безжалостно высмеяли «схему» Грингласса и прокурора. Профессор Филипп Моррисон, который является одним из собственников патента (и это в США возможно!) на бомбу, сброшенную на Нагасаки, и профессор Генри Линшитц, который работал в Лос-Аламосе, единодушно подчеркнули, что эта «схема» не представляет «никакой ценности». В то же время оба ученых поставили под сомнение компетентность инженера Джона Дерри, которого прокурор пригласил в качестве эксперта во время процесса и который подтвердил значение «схемы» Грингласса. По мнению обоих ученых, Дерри не имел никаких оснований давать такие показания, хотя, правда, он и работал в Лос-Аламосе инженером-электриком, но не экспертом по атомным вопросам.

«Нью-Йорк таймс» напоминала также и о том, что во время процесса прокурор отказался заслушать профессора Оппенгеймера, что уже тогда «вызвало удивление у многих». «Таким образом,— писала газета,— после всех этих лет тяжелая мгла по-прежнему окутывает этот процесс, который всегда считался подозрительным в некоторых кругах, но который никогда не ставили под серьезное сомнение большинство американцев. Была ли это провокация? Или, может быть, потрясающая ошибка, вызванная истерией тех времен?» Дальше постановки вопросов газета не пошла. Но уже и это было для нее огромным прогрессом по сравнению с некритическим повторением тезисов ФБР и прокурора 15 лет назад.

Могло показаться, что создалась благоприятная ситуация для возобновления дела Мэртона Собелла. Однако в начале 1967 года Собелла и его защитников ожидало жестокое разочарование. Очередное предложение адвокатов о новом расследовании было отвергнуто федеральным судом Нью-Йорка. От имени Собелла выступили шесть выдающихся юристов, причем, как сообщалось о том в газетах, они отказались от какого бы то ни было гонорара, считая защиту Собелла своим гражданским долгом. Новые защитники Собелла использовали прежде всего доказательства, собранные в книге Шнейеров. Судья Эдвард Вайнфельд потратил 79 страниц на обоснование своего решения, отвергавшего просьбу Собелла, но в этом обширном документе нельзя найти ни

слова, которое опровергало бы невиновность Собелла и Розенбергов. Не подлежит сомнению, что американский аппарат правосудия и далее не хотел признаваться в ошибке, или, точнее говоря, в преступлении, совершенном им в 50-е годы.

В сообщениях прессы можно было найти тогда краткую, но весьма красноречивую информацию. Честные судебные хроникеры вспомнили о ходе процесса Грингласса и Голда. Они оба были осуждены: Грингласс на 15, а Голд на 30 лет. Как выяснилось, оба они были освобождены досрочно, получив таким образом вознаграждение за услуги, оказанные тайной полиции и прокурору. Гарри Голд, осужденный на такой же срок, как и Мэртон Собелл, находился уже на свободе, в то время как Собелл продолжал оставаться в тюрьме, теперь уже в Люисбурге, в штате Пенсильвания.

После того как предложение о пересмотре дела Собелла было отвергнуто апелляционным судом, кассационная жалоба его защитников в начале 1968 года снова попала на рассмотрение Верховного суда в Вашингтоне. Пользуясь этим случаем, пятеро известных американских ученых-атомников направили в Верховный суд письмо, в котором поддержали вывод адвокатов Собелла. Но и на этот раз Верховный суд отказался пересматривать дело. Собелл продолжал оставаться за решеткой.

Прочитав эти страницы, читатель может подумать, что американское общественное мнение и американская пресса живо интересуются судьбой Собелла. Это ошибочное впечатление. Правда, в Нью-Йорке существует Комитет защиты Мэртон Собелла, который пользуется поддержкой ряда известных ученых, лиц духовного звания и писателей. Время от времени, хотя и не очень часто, о его деле вспоминают газеты, и то немногие. Но широкие круги американской общественности уже давно забыли о его деле. Мэртон Собелл с самого начала был и остается до сегодняшнего дня забытым человеком*.

* В то время как эта книга печаталась, в январе 1969 года, Мэртон Собелл был досрочно освобожден из тюрьмы, в которой провел 18 лет. Приехав в Нью-Йорк, он заявил журналистам, что никогда не совершал никакого преступления и что обвинительный приговор по его делу «был обманом». — Г. Я.

ХИСС — СОТРУДНИК РУЗВЕЛЬТА

Обвинение

Дело Роберта Оппенгеймера и дело Мэртона Собелла можно считать в определенном смысле законченными. Нет в живых ни Оппенгеймера, ни Розенбергов, а Собелл остается забытым человеком... Мало вероятно, чтобы появились новые документы или новые свидетельства, которые существенным образом изменили бы представление о их жизни и деятельности. Невелики шансы на то, чтобы оценка их поведения в политическом и моральном смысле слова изменилась.

Совершенно иначе представляется дело Хисса, о котором далее пойдет речь, о человеке, который гораздо менее известен, чем Оппенгеймер или Розенберги, хотя его история сенсационна в самом прямом значении этого слова, а его судьба может заинтересовать историков современности. Хисс, отбыв тюремное заключение, проживает в Нью-Йорке. В конце 1967 года он впервые после многолетнего молчания выступил публично и по приглашению Новой школы социальных исследований в Нью-Йорке прочел четыре лекции о «новом курсе» президента Рузвельта.

В связи с этим Хисс выступил на пресс-конференции, выразив надежду, что будет реабилитирован. Но его дело не считают законченным также и его враги, и прежде всего американская тайная полиция (ФБР), которая в свое время организовала процесс Хисса и добилась обвинительного приговора. В этом убедился на собственном опыте в конце 1967 года один из американских ученых.

Президент Линдон Джонсон назначил в то время комиссию, которой поручил подготовку к проведению празднования 200-летия со дня провозглашения независимости Соединенных Штатов. Одним из членов комиссии должен был стать историк профессор Ричард Б. Моррис. В соответствии с американскими порядками ФБР

проверяло биографии и «благонадежность» всех кандидатов. ФБР воспротивилось назначению Морриса, основываясь на том, что одна из работ ученого посвящена Элджеру Хиссу и в ней имеются «подрывные» формулировки. Профессор Моррис не согласился с этим упреком ФБР. Секретариат президента Джонсона вынужден был заняться скрупулезной проверкой вышеупомянутой книги и установил, что она лишь косвенно касается Хисса, хотя эта фамилия и фигурирует в названии книги. Обвинения ФБР, таким образом, не подтвердились, и профессор был включен в состав комиссии.

Этот случай дал Элджеру Хиссу возможность убедиться в том, что его враги, несмотря на прошедшие 20 лет, по-прежнему считают его «коммунистом» и «шпионом», хотя эти обвинения относятся к периоду усиления «холодной войны» и — что самое главное — они никогда не были сколько-нибудь убедительно доказаны. Тем не менее американская пресса, и в особенности бульварные газеты, по самым различным поводам добавляли к имени Хисса эпитет «шпион», хотя он был осужден совсем не за шпионаж.

Как журналист, я интересуюсь делом Хисса в течение 20 лет, то есть с того дня, когда оно разразилось как гром с ясного неба и бывшего сотрудника администрации президента Рузвельта начали обвинять в совершении самых различных преступлений. Имя Хисса появилось на первых страницах газет, набранное самым жирным шрифтом в августе 1948 года; я в то время работал в США корреспондентом. Потом изо дня в день публиковались все более и более сенсационные подробности его дела. Когда в июне 1949 года я возвращался из Нью-Йорка в Варшаву, приближался к концу первый процесс Хисса.

Я не удивлялся тому, что в то время многие мои знакомые американцы, находившиеся в течение года под обстрелом радио и прессы (телевидение в то время не было еще так распространено), поверили в «виновность» Элджера Хисса еще до того, как суд огласил свой приговор. Нужно было обладать действительно критическим складом ума и сохранять независимость мышления, несмотря на пропагандистское давление, чтобы не поверить в «доказательства» обвинителей Хисса, которые, пользуясь случаем, целили в президента Рузвельта и его «новый курс». Так называемый средний американец верит в официальную пропаганду, и поэтому в Соединенных

Штатах лишь относительно небольшое число людей проявили достаточный скептицизм и независимость мышления и не согласились с гонителями Хисса.

Когда 15 лет спустя я читал так называемый рапорт комиссии Уоррена и другие официальные документы в связи с убийством президента Кеннеди, я постоянно вспоминал дело Хисса. В течение этих 15 лет ФБР и ему подобные американские учреждения усовершенствовали методы сокрытия истины в сотни раз. Но по существу эти методы оставались старыми — они сводились ко лжи и инсинуациям, шантажу и террору. Лишь такими методами можно было представить сотрудника администрации Рузвельта как «коммунистического шпиона» и добиться того, чтобы миллионы американцев в это поверили. Именно такими методами, но применявшимися в гораздо более широком масштабе, можно было представить покушение на президента Кеннеди делом рук одного человека, некоего Ли Харви Освальда, и снова добиться того, чтобы миллионы американцев — по крайней мере в течение какого-то времени — в это поверили.

4 августа 1948 г. все американские газеты опубликовали пространные сообщения о заседании пресловутой Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, которое состоялось накануне в Вашингтоне. Эта комиссия уже в течение длительного времени охотилась на «коммунистов» и других «врагов» Соединенных Штатов, тесно сотрудничая в этом с тайной полицией (ФБР), которая под руководством своего тогдашнего шефа Эдгара Гувера была настоящим «государством в государстве» и охотно начинала по своей собственной инициативе политические кампании.

Август 1948 года был месяцем активной подготовки к избирательной кампании. В начале ноября в Соединенных Штатах должны были состояться президентские выборы. От демократической партии кандидатом на пост президента был выдвинут Гарри Трумэн, который занял этот пост после смерти Рузвельта. Республиканская партия выдвинула кандидатуру Томаса Девея, губернатора штата Нью-Йорк. А в Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности большинством располагали республиканцы, которые в то время имели большинство

также и в палате представителей конгресса. Они совсем не скрывали, что охотно используют свое положение в комиссии для того, чтобы оказать поддержку кандидату республиканской партии.

А можно ли было найти более удобный способ для этого, чем попытаться скомпрометировать Рузвельта, на которого Трумэн все еще ссыался, чем попытка очернить администрацию Рузвельта, которую Трумэн все еще ставил в пример? Председатель Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности Парнелл Томас спустя много лет откровенно заявил, что «прослушивания по делам шпионов» были строго синхронны с избирательной кампанией и должны были оказать Девею помощь в его борьбе с Трумэном.

Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности благожелательно относилась к рекламе в прессе. Поэтому на ее заседания, которые обычно проходили в свете юпитеров, приглашались многочисленные корреспонденты, а некоторые журналисты, пользовавшиеся особым доверием председателя комиссии Томаса, заранее получали информацию о готовящихся сенсациях. Так произошло и во время заседания 3 августа 1948 г.

На этом заседании выступил в роли свидетеля некий Виттакер Шамберс, представленный как один из «старших редакторов» известного еженедельника «Таймс», который, кстати говоря, принимал активное участие в кампании против Рузвельта, а на выборах поддерживал кандидатуру Девея. Шамберс, показания которого, как потом выяснилось, были старательно приготовлены в ФБР, не обманул доверия своих шефов и многочисленных репортеров.

Он заявил, что накануне войны был связан с «нелегальной организацией» Коммунистической партии Соединенных Штатов и что одним из членов этой организации был именно Элджер Хисс...

Имя Элджера Хисса за границами Соединенных Штатов было относительно мало кому известно, но в самих США звучало достаточно громко, поэтому обвинение Шамберса стало сенсацией. В течение многих лет Хисс занимал ответственные посты в вашингтонской администрации, а в 1936—1947 годах являлся сотрудником государственного департамента, сопровождал президента Рузвельта на конференцию «большой тройки» в Ялту (февраль 1945 г.), а затем был генеральным секретарем

международной конференции в Сан-Франциско, на которой был выработан Устав Организации Объединенных Наций (весна 1945 г.).

В тот момент, когда Шамберс выступил со своим обвинением, Хисс, уйдя в отставку с государственной службы, занимал почетную и хорошо оплачиваемую должность председателя так называемого фонда мира имени Карнеги. О характере этого учреждения достаточно хорошо говорит тот факт, что председателем его контрольного совета был в то время один из инициаторов «холодной войны» Джон Фостер Даллес, ставший впоследствии государственным секретарем США.

Короче говоря, один из высокопоставленных сотрудников администрации Рузвельта, являвшийся долгие годы ответственным чиновником в государственном департаменте, имевший доступ к наиболее конфиденциальным материалам, касавшимся американской внешней политики, по словам Шамберса, был будто бы коммунистом, то есть — в соответствии с тогдашней и нынешней американской терминологией — врагом Соединенных Штатов.

Можно ли удивляться, что американская пресса сочла показания Шамберса сенсацией, достойной занять центральное место. Но гораздо более удивительным является тот факт, что вашингтонские и нью-йоркские газеты немедленно поверили в обвинения Шамберса, хотя он и не привел, по крайней мере в тот момент, никаких доказательств в поддержку столь серьезного в тогдашних США обвинения. С того дня имя Хисса всегда упоминалось вместе со словом «коммунист» или «шпион», хотя Хисс и опроверг обвинения Шамберса и представил множество доказательств того, что обвинения были или голословными, или ложными.

Элджер Хисс узнал о показаниях Шамберса от журналистов, которые позвонили ему и просили высказать свое отношение к обвинению. Хисс объяснил журналистам, что он никогда не был коммунистом и не знает никакого Шамберса. В книге «Перед судом общественного мнения», изданной в 1957 году, Хисс рассказывает: «Друзья советовали мне игнорировать Комиссию по расследованию антиамериканской деятельности, как это делают все здравомыслящие люди». Однако Хисс счел необходимым выслать в комиссию телеграмму, в которой сообщил о намерении выступить перед комиссией, чтобы под присягой опровергнуть показания Шамберса.

Решаясь на такой шаг, Хисс не учел опыта других американских граждан, ставших объектом преследований со стороны комиссии. Это были преимущественно люди, которые или в настоящем, или в прошлом были связаны с левыми группировками. Как правило, они не отвечали на обвинения комиссии, а если их и вызывали на ее заседания, то они уклонялись от дачи показаний, считая, что, только не принимая «правил игры», которые навязывала комиссия, они смогут защитить себя. Хисс — что было еще одним доказательством того, что у него не было связей с левыми группировками, — принял эти «правила игры». Вероятно, впоследствии он не раз горько об этом пожалел.

В соответствии с его заявлением комиссия назначила срок прослушивания уже на 5 августа, постаравшись придать делу соответствующую огласку. Члены комиссии встретили Хисса враждебно, дав ему сразу же понять, что относятся к нему как разоблаченному врагу.

Когда Хиссу было представлено слово на заседании Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, он заявил, что никогда не был членом Коммунистической партии и никогда не симпатизировал коммунистам, что никто из его друзей не был коммунистом и что он никогда не встречался с Виттакером Шамберсом. Одновременно Хисс пояснил, что впервые услышал имя Шамберса год назад, когда к нему обратились двое агентов Федерального бюро расследований с расспросами, известно ли ему лицо, носящее такую фамилию.

Во время заседания комиссии Хиссу была показана фотография Шамберса, сделанная во время дачи им показаний двумя днями раньше. Юрисконсульт комиссии заметил при этом, что, с того времени когда несколько лет назад Хисс мог будто бы встречаться с Шамберсом, последний сильно располнел. Хисс заявил, что он не узнает человека на фотографии, и предложил, чтобы комиссия устроила им очную ставку.

Прежде чем рассказать об этой очной ставке, необходимо сделать маленькое отступление. Как уже упоминалось, еще в 1947 году ФБР допрашивало Хисса, знает ли он Шамберса. Дело в том, что обвинения Шамберса, представленные Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности в августе 1948 года, отнюдь не были новыми. Шамберс старался их «продать» еще в 1939 году, однако безуспешно.

В ходе процесса против Хисса об этом рассказал подробно Адольф Берле, бывший заместитель государственного секретаря госдепартамента. Именно к нему попал в сентябре 1939 года Виттакер Шамберс, которого привел журналист Исаак Дон Левин, известный своими крайне правыми взглядами. Шамберс рассказал в то время, что в 1934—1937 годах Коммунистическая партия США старалась укрепить свое влияние среди высокопоставленных государственных чиновников и что с этой целью она создавала «группы симпатизирующих», которые проявляли интерес к Советскому Союзу и его политике. Членом такой группы будто бы являлся и Элджер Хисс.

Приглашенный на заседание Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, Берле пересказал свой разговор с Шамберсом в 1939 году, обратив при этом внимание на принципиальную разницу в показаниях Шамберса в 1939 и в 1948 годах. Во-первых, Шамберс в то время не утверждал, что кто-либо из участников «групп симпатизирующих», и в частности Хисс, был членом Коммунистической партии. Во-вторых, Шамберс в 1939 году вообще не упоминал о шпионаже, хотя — как мы вскоре увидим — в 1948 году это стало главным пунктом его обвинения против Хисса.

Далее, в декабре 1940 года Шамберс встретился с писателем Малькольмом Коули, которому рассказал, что заместитель государственного секретаря Фрэнсис Сэйр (начальник Хисса) «возглавляет коммунистическую сеть в государственном департаменте». В то время Шамберс назвал еще несколько имен так называемых коммунистов, но имени Хисса вообще не упоминал. Коули, как до него и Берле, не поверил вымыслам Шамберса, но, скорее всего, об этих двух беседах было сообщено в Федеральное бюро расследований.

В протоколах дела Хисса есть указания, что агенты ФБР допрашивали Шамберса в мае 1942 года, а также в июне 1945 года (не считая, конечно, многочисленных «бесед» в ФБР в последующие годы). Затем чиновник государственного департамента Раймонд Мэрфи заявил, что он также беседовал с Шамберсом в 1945 и в 1946 годах.

Не подлежит сомнению, что начиная с 1939 года Шамберс постарался накопить как можно больше компрометирующего материала против всех тех, с кем он

встречался в предыдущие годы, — во время своей действительной или воображаемой «коммунистической деятельности». Только таким образом он мог надеяться на прощение своих давних «грехов». И только таким путем он мог пробраться в так называемые авторитетные круги, включая редакцию «Таймс».

Однако показания Шамберса в течение 10 лет — с сентября 1939 и до лета 1948 года — не давали достаточно оснований для привлечения кого-либо к ответственности. Лишь в августе 1948 года Федеральное бюро расследований и Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности сочли, что политическая атмосфера созрела, что теперь можно извлечь из архива старые показания Шамберса и представить их общественности в «освеженной» и «усовершенствованной» версии. Лишь теперь отыскивались новые «улики», которые могли бы подкрепить обвинения Шамберса против Хисса.

Прежде чем была проведена очная ставка между Хиссом и Шамберсом, Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности на двух различных заседаниях — на этот раз закрытых — снова заслушала их обоих: сначала Шамберса, а потом Хисса. После новых показаний Шамберса в газеты просочились сообщения о том, что он в 30-е годы будто бы жил некоторое время в квартире у Хисса и пользовался его автомашиной. Заинтересовавшись этим сообщением, Хисс вспомнил, что приблизительно в 1935 году он действительно уступил свою квартиру в Вашингтоне журналисту Джорджу Кросли, с которым в то время встречался. Кросли унаследовал также от Хисса его старую автомашину.

Это и привело Хисса к заключению, что, может быть, Шамберс и Кросли одно и то же лицо и что, таким образом, Шамберсу могут быть известны некоторые детали о тогдашней квартире Хисса и его семьи. Когда Хисс снова предстал перед комиссией, его встретили еще более враждебно, чем на предыдущем заседании.

В ходе допроса Хисса подтвердилось, что Шамберс в 30-е годы пользовался другой фамилией. Это еще более утвердило Хисса в его предположении, что Шамберс мог в то время называться Кросли, и поэтому снова потребовал очной ставки. Хисс указал при этом, что известный ему в 30-е годы Кросли имел плохие зубы, в то время как у Шамберса, судя по показанной фотографии, зубы были отличные.

Сенсационная очная ставка главных героев состоялась 17 августа 1947 г. в отеле «Коммодор», в Нью-Йорке. К тому времени, после двухнедельной шумихи в прессе, дело Хисса уже было достаточно широко известным, и нью-йоркские вечерние газеты в специальных выпусках подробно информировали о том, как проходила эта очная ставка.

После того как все присутствующие заняли свои места в одном из помещений отеля, были вызваны Хисс и Шамберс. Они были поставлены друг против друга, а потом у Хисса спросили, был ли он когда-либо знаком с Шамберсом. Хисс попросил, чтобы Шамберс сказал несколько слов и шире открыл рот (наверное, чтобы рассмотреть его зубы). «Думаю, что это Джордж Кросли», — сказал Хисс, а потом, повернувшись к Шамберсу, задал ему вопрос: «Вы Джордж Кросли?». Ответ был таков: «Я ничего об этом не знаю»...

Во время очной ставки Шамберс признал, что в 1943 году у него были плохие зубы и что теперь у него искусственная челюсть. Хисс, однако, не был убежден, что Шамберс и Кросли — одно и то же лицо, тем более что Шамберс еще раз заявил, что он никогда не пользовался фамилией Кросли (лишь во время процесса и в книге, которую он позже издал, Шамберс признал, что, «может быть», он когда-то, в 30-е годы, и выступал под фамилией Кросли).

Далее Шамберс заявил, что накануне войны он был «коммунистическим функционером» в Вашингтоне и, как таковой, познакомился с Хиссом, который также был коммунистом. Когда затем Шамберс рассказал, что он поселился в старой квартире Хиссов, у Элджера Хисса уже не оставалось никаких сомнений в том, что он знал Шамберса до войны как Кросли, и он дал соответствующие показания комиссии. Тогда Хиссу был задан вопрос, знал ли он о том, что Шамберс-Кросли был коммунистом. Хисс заявил, что не знал, и добавил:

«В то время в Вашингтоне была совершенно другая, не похожая на теперешнюю, атмосфера. У меня не было никаких оснований подозревать Джорджа Кросли в том, что он коммунист. Мне не могло даже прийти в голову, что для меня может иметь значение, коммунист Кросли или нет. Он был представителем прессы, и я был обязан давать ему информацию точно так же, как и другим журналистам».

В конце очной ставки Хисс потребовал у Шамберса, чтобы он повторил свое обвинение публично, вне стен Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, которая была органом конгресса. Хисс заявил, что он намерен привлечь Шамберса к ответственности за клевету, а в настоящее время не может этого сделать, так как свидетели, дающие показания комиссиям конгресса, в соответствии с американским законодательством, не могут привлекаться к суду за свои показания. Позже Хисс несколько раз повторял свое требование, а когда Шамберс, наконец, повторил свои обвинения в радиопрограмме, начал против него процесс. Это был второй шаг, о котором Хиссу впоследствии пришлось, несомненно, пожалеть.

Очная ставка Хисса и Шамберса проходила при закрытых дверях. Но на следующий день в газетах появились обширные отчеты, являвшиеся по существу обвинительным приговором Хиссу. Пресса, науськиваемая ФБР и Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности, вынесла приговор прежде, чем делом Хисса заинтересовалась какая-либо судебная инстанция.

Газетные отчеты, наряду с многочисленными подробностями, касавшимися знакомства Хисса и Шамберса, содержали следующий упрощенный и не очень логичный вывод: «Хисс и Шамберс в 30-е годы хорошо знали друг друга. Шамберс признался в том, что он в то время был коммунистом. Вывод: Хисс тоже был коммунистом, то есть врагом Соединенных Штатов...».

Кое-кто в это поверил. Теперь гонители Хисса, которые несомненно таким образом метили в рузвельтовский «новый курс», могли перейти к следующему этапу осуществления своего плана. Нужно было добиться, чтобы Хисс предстал перед судом, и тогда можно было рассчитывать на то, что присяжные — если они окажутся столь же легковверными, как те американцы, которые уже были обработаны газетной пропагандой, — вынесут обвинительный приговор. Однако не было еще ясности в вопросе, за что же привлечь к ответственности Хисса, так как принадлежность к Коммунистической партии, даже если бы это было доказано, не была наказуема в уголовном порядке. Режиссеры этой грязной охоты следовали принципу: «что в лоб, что по лбу». И они не ошиблись.

После очной ставки Элджер Хисс направил письмо

председателю Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, в котором, в частности, делал следующий вывод:

«Обвинение (в том, что он был коммунистом.— Г. Я.) не касается только лично меня. Будут приложены усилия, чтобы использовать это обвинение и его огласку для дискредитации прошлых больших достижений нашей страны, в которых я имел честь участвовать».

Хисс на этом этапе еще доверял и комиссии, и ее председателю (кстати говоря, позже осужденному за финансовые махинации). По своей наивности Хисс, вероятно, не отдавал себе отчета в том, что цель комиссии и инспирированных его дела именно и заключалась в том, чтобы дискредитировать Рузвельта и его бывших единомышленников.

Так или иначе, но голос Хисса потонул в том шуме, который продолжал нарастать вокруг его дела. Для того чтобы дать новую пищу лакомой до очередных сенсаций прессе, на 25 августа 1948 г. в Вашингтоне было назначено открытое заседание Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности с участием многочисленных представителей газет, радио, кино и телевидения. Заседание продолжалось с утра и до позднего вечера и заключалось главным образом в допросе Хисса, которому задавали бесконечные вопросы относительно его предвоенных контактов с Шамберсом. Цель заключалась в том, чтобы поймать Хисса на мелочах, на противоречивых ответах на такие вопросы, как адреса его очередных квартир, сроки переездов, условия сдачи в наем квартиры Шамберсу, стоимость старой автомашины и т. д., и т. п.

Естественно, что спустя столько лет Хисс не помнил всех этих дат и подробностей, и это немедленно было использовано против него. Его обвинители, а вслед за ними и пресса подняли крик: «обвиняемый» путается в своих показаниях, следовательно, он хочет что-то скрыть, а значит, Шамберс прав... Слово «обвиняемый» здесь берется в кавычки потому, что все еще не было ясно, в чем Хисс будет обвинен, когда и кем. Напомним лишь, что принадлежность к Коммунистической партии (все еще недоказанная) не была наказуема.

Несколько дней спустя комиссия опубликовала свой «предварительный отчет», и Хисс смог увидеть, куда клонят его обвинители. Полный заголовок отчета был сле-

дующим: «Предварительный отчет о допросах, касающихся коммунистического шпионажа в правительстве Соединенных Штатов». Один из разделов был озаглавлен «Распознавание шпионских группировок», и именно в этом разделе оказалась фамилия Эджера Хисса.

Отчет комиссии был подписан к печати 27 августа 1948 г. В этот же день Виттакер Шамберс выступил в популярной радиопрограмме «Встречи с прессой», чтобы — как того требовал Хисс — повторить свои обвинения вне стен Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. Публичные обвинения Шамберса целиком и полностью противоречили формулировкам, приведенным в отчете комиссии, которые были отредактированы, вероятно, с учетом далеко идущих целей.

Во время радиопередачи один из принимавших в ней участие журналистов (Том Рейнольдс из «Чикаго сан-таймс») спросил Шамберса: «Можете ли вы теперь сказать, что Эджер Хисс, по вашему мнению, был больше чем коммунист? Сделал ли он что-либо плохое? Совершил ли он какое-либо преступление? Был ли он нелоялен по отношению к своей стране?». Шамберс ответил следующим образом: «В данный момент я могу только сказать, что он был коммунистом». Отвечая на следующие вопросы Рейнольдса, Шамберс добавил: «Мне кажется, что следует выяснить цель группы, к которой принадлежал Хисс. Эта группа была создана — как вы, по-видимому, и понимаете — не для шпионажа, а для того, чтобы получить доступ к администрации и влиять тем самым на правительственную политику путем размещения коммунистов на ключевых постах». Тогда другой журналист спросил: «Значит, эта группа не являлась заговором?». «Нет, не являлась», — ответил Шамберс. Но уже очень скоро представился случай убедиться, что Шамберс изменил свои показания и выступил против Хисса с обвинением в шпионаже.

Его спровоцировал на это в какой-то мере сам Хисс, когда начал против Шамберса процесс по обвинению в клевете. Хисс, что является еще одним косвенным доказательством отсутствия его связей с левыми группировками, свято верил в объективность американского правосудия, а это только ускорило его падение. 27 сентября 1948 г. адвокаты Хисса подали в суд Балтиморы (по месту жительства Шамберса) жалобу за клевету, требуя в качестве компенсации 50 тыс. долл. Основанием для

жалобы явилось, как утверждал Хисс, клеветническое утверждение о его принадлежности к Коммунистической партии.

В соответствии с американской процедурой 4 ноября началось предварительное слушание обеих сторон в связи с жалобой. Шамберс отдавал себе отчет, что его позиция является шаткой, так как, кроме собственных слов, он не располагал никакими другими доказательствами связи Хисса с коммунистическим движением. Вот как писал позже Шамберс в своей книге: «Я видел, что могу легко проиграть процесс по обвинению в клевете, хотя я и не привык сдаваться без борьбы». Шамберс принял вызов, надеясь, конечно, на помощь своих влиятельных и могущественных союзников. Об этом стоит рассказать несколько подробнее.

5 ноября, то есть на следующий день после начала процесса в Балтиморе, Шамберса прямо спросили, получал ли он когда-нибудь какие-либо документы от Хисса. Шамберс ответил отрицательно, после чего его допрос был отложен до 16 ноября. В этот день Шамберс на суд не явился. Вместо него показания давала его жена, которая должна была доказать, что семьи Шамберсов и Хиссов перед войной находились в близких отношениях и часто встречались. Наутро появился сам Шамберс, который представил ряд документов из государственного департамента, полученных им якобы от Хисса в 1938 году.

Откуда взялись эти документы, да еще спустя одиннадцать лет? Шамберс дал следующие пояснения: 14 ноября он будто бы встретился в Нью-Йорке с шурином своей жены, неким Натаном Левиным. Левин будто бы привел его на квартиру своих родителей и там вынул из потайного места большой конверт, который Шамберс будто бы вручил ему для сохранения еще в 1938 году. Шамберс совершенно «забыл» о существовании этого конверта и с удивлением обнаружил, что в нем находятся многочисленные документы и микрофильмы, врученные ему когда-то Хиссом.

На следующий день, то есть 15 ноября, Шамберс покусался на самоубийство. Об этом еще пойдет речь. А пока стоит только заметить, что Виттакер Шамберс был человеком психически неуравновешенным и лечился у психиатра. Лишь 17 ноября Шамберс решился вручить часть «найденных» документов своим адвокатам, ведущим дело в Балтиморе. Там оказались четыре маленькие

заметки, написанные рукой Хисса, а также 65 страниц напечатанных на машинке копий или изложений документов из государственного департамента. Когда адвокаты Шамберса представили документы, Хисс немедленно потребовал, чтобы об этом было сообщено в министерство юстиции с целью установления, каким образом эти документы оказались в распоряжении Шамберса.

2 декабря 1948 г. разыгрался очередной акт драмы — на этот раз с оттенком гротеска или фарса. Шамберс пригласил на свою ферму представителей Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности и показал им выдолбленную тыкву. Из тыквы он извлек несколько микрофильмов, которые, как он утверждал, он хранил там в течение двух недель, то есть со времен чудесного обнаружения этих документов в квартире родителей Левина. Микрофильмы являлись копией восьми документов из государственного департамента и были буд-то бы переданы Шамберсу также Хиссом.

Как уже упоминалось, я был в то время в США и отлично помню, как расписывали всю эту невероятную историю нью-йоркские и вашингтонские газеты после всего этого представления с тыквой на ферме Шамберса. Никто не задал само собой напрашивавшегося вопроса, почему Шамберс предъявил сначала машинописные копии и заметки, а микрофильмы скрывал в течение двух недель, да и в довершение ко всему еще в выдолбленной тыкве. Никто не подвергал сомнению тот факт, что он «отыскал» эти документы «чудесным» образом спустя 11 лет и что в течение всех этих лет о них не помнил. Никто не интересовался тем, каким образом получил Шамберс в свое распоряжение документы из государственного департамента.

Вместо этого в газетах печатали бесконечные отчеты о визите членов Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности на ферму Шамберса, сопровождая их снимками «фотогеничной» тыквы. Слова «rumpkin papers» («документы из тыквы») повторялись в заголовках рядом со словами «коммунисты» и «шпионы». У газет не было никаких сомнений в том, что вина Хисса уже доказана, и они старались убедить в этом читателей, в том числе и тех будущих присяжных, которые будут рассматривать дело Хисса и выносить по нему приговор.

Далее нам придется еще не раз возвращаться к этим «документам из тыквы», которые стали основной уликой

в процессе Хисса (под этим названием фигурировали как извлеченные из тыквы микрофильмы, так и машинописные копии и заметки, которые Шамберс представил раньше). Хотелось бы только отметить, что тот факт, что Шамберс представил все эти документы, отнюдь не свидетельствовал о вине Хисса.

Оставалось доказать ни много ни мало, как то, что Шамберс получил эти документы действительно от Хисса. Ведь, в конце концов, он мог получить их от любого другого лица, причем и в 1938 году, и когда-либо позже. Во-вторых, все представленные документы относились к первым месяцам 1938 года. Это противоречило предыдущим показаниям Шамберса, который утверждал, что он окончательно порвал с Коммунистической партией «самое позднее» в 1937 году. Если «самое позднее» — в 1937 году, то каким же образом он получил, якобы по поручению партии, в следующем году документы из государственного департамента?

Все эти и многие другие сомнения не испытывали редакторы американских газет, которые прилагали столько усилий к тому, чтобы быстрее вынести обвинительный приговор Хиссу. Таких сомнений не было также у членов Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, которые в первой половине декабря 1948 года почти ежедневно проводили заседания, чтобы, пользуясь крикливой рекламой в прессе, отслеживать «коммунистов» и «шпионов», а прежде всего Элджера Хисса.

Члены комиссии произносили демагогические речи, в которых запугивали американских обывателей «коммунистической опасностью», ссылаясь на «советские заговоры» и на «красных шпионов», требуя наказания Хисса. Свои постулаты комиссия адресовала министерству юстиции, которое, по мнению комиссии, не проявляло достаточной бдительности и старания, чтобы отслеживать «врагов». Определенный политический привкус всех этих речей и постулатов был очевиден.

Если говорить о внешней политике, то здесь преследовалась единственная цель — еще больше усилить напряженность в отношениях между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Что же касается соображений, связанных с внутренней политикой, то тут мишенью были демократическая партия и два последних президента — Рузвельт и Трумэн. Рузвельта обвиняли в уступках Советскому Союзу и в том, что он окружал себя подозри-

тельными сотрудниками, вроде Элджера Хисса; Трумэна — в том, что он недостаточно энергично боролся с врагами. Республиканцы — члены Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности — нашли возможность заработать политический капитал, пользуясь при этом полной поддержкой со стороны реакционной печати.

О всех заседаниях Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности в декабре 1948 года пресса продолжала писать очень широко и очень необъективно. Шамберса представляли как «патриота», который, правда, в прошлом заблуждался (это относилось к его действительному или воображаемому участию в коммунистическом движении), но в настоящее время оказал родине огромную услугу, содействуя разоблачению врага. Этим врагом был, конечно, Элджер Хисс.

Такого рода выводы читали изо дня в день в газетах и слышали по радио члены расширенного состава присяжных в Нью-Йорке. В соответствии с американской процедурой они должны были вынести решение, может ли быть привлечен обвиняемый к уголовной ответственности. Только после их решения и могло начаться настоящее судебное разбирательство в истинном смысле этого слова.

Члены расширенного совета присяжных занялись делом Хисса по требованию Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности уже в октябре 1948 года. Во время допроса Шамберса между ним и одним из присяжных состоялся следующий диалог:

П р и с я ж н ы й: Не могли бы Вы назвать кого-либо, кто, по Вашему мнению, является прямым виновником шпионажа во вред Соединенным Штатам Америки? Да или нет?

Ш а м б е р с: Я хотел бы немного подумать и попробую на это ответить. Нет, не думаю, что смогу, но хотел бы воспользоваться случаем и ответить на этот вопрос завтра более точно. Я подумаю об этом ночью.

Назавтра Шамберс вернулся к этому вопросу и заявил:

Ш а м б е р с: Предполагаю, что шпионаж означает в данном случае передачу секретных или служебных документов.

П р и с я ж н ы й: Или информации — устной информации.

Шамберс: Или устной информации. Не думаю, чтобы мне было известно такое имя.

Так говорил Шамберс в середине октября. Однако, как известно, в середине ноября он не только вспомнил такие фамилии, но даже нашел (с чьей помощью?) переданные ему будто бы Хиссом документы. Этого было достаточно, чтобы совет присяжных в декабре возобновил дело против Хисса. Заседания расширенного совета присяжных проходили в то же время (с 3 до 15 декабря), когда в Вашингтоне проходили заседания Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. Члены совета присяжных заседателей оказались под мощным нажимом прессы, не оставлявшей сомнений в виновности Хисса.

Присяжные поддались нажиму и 15 декабря 1948 г. вынесли решение о привлечении Хисса к уголовной ответственности. В оправдание присяжных следует сказать, что у них возникло много сомнений и что их решение о привлечении Хисса к уголовной ответственности было принято большинством всего в один голос. Они отвергли требование привлечь к ответственности также жену Хисса, которая — по утверждению Шамберса — помогала ему в шпионской работе. Зато они согласились с предложением прокурора не привлекать к ответственности Шамберса, хотя его вина — на основании его собственных показаний, — казалось бы, не подлежала сомнению.

В соответствии с решением расширенного состава присяжных Элджер Хисс должен был отвечать перед судом не за принадлежность к Коммунистической партии (что не является наказуемым), и не за шпионаж (что не было доказуемо), а за... клятвопреступление. Обвинительный приговор должен был стать косвенным доказательством его виновности, и именно так он был расценен американской пропагандой.

В последний день разбирательства перед расширенным составом присяжных обвинитель Александр Кэмпбелл, заместитель генерального прокурора, то есть министра юстиции, задал Хиссу два вопроса.

Вопрос: Передавали ли Вы или госпожа Хисс в Вашем присутствии когда-либо Виттакеру Шамберсу какие-либо документы из государственного департамента или из другого правительственного учреждения или копии каких-либо документов из государственного департамента или другого правительственного учреждения?

Ответ: Никогда.

Вопрос: Можете ли Вы со всей уверенностью сказать, что Вы не видели его (Шамберса) после 1 января 1937 г.?

Ответ: Да, думаю, что могу это сказать со всей уверенностью.

Не вынося приговора по существу дела — что не входило в его компетенцию — расширенный состав присяжных решил, что Элджер Хисс должен быть привлечен к судебной ответственности за клятвопреступление в связи с этими двумя ответами.

Защита

Элджер Хисс родился в ноябре 1904 года в Балтиморе. Окончив среднюю школу, Хисс начал изучать юриспруденцию в университете имени Джона Гопкинса в том же городе. Уже во время учебы он отличался большими способностями и недюжинным умом. Получив в 1926 году диплом об окончании университета, Хисс специализировался затем в Гарвардском университете, который окончил в 1929 году. В течение двух последних лет учебы он сотрудничал в одном из научных журналов по юриспруденции.

Хисс стал известен далеко за пределами высшего учебного заведения. Его пригласил работать в своем секретариате один из выдающихся американских юристов, известный своими либеральными взглядами, Оливер Холмс, который в 1902—1932 годах был судьей в Верховном суде в Вашингтоне. Во время работы у Холмса, в конце 1929 года, Хисс женился. Родители его жены Присциллы были квакеры. Хисс был ее вторым мужем, а от первого брака у нее был сын, который жил с нею и Хиссом.

Во время процесса Хисса пресса много писала о «левых» взглядах его жены, подчеркивая, что она оказывала политическое влияние на своего мужа. В качестве доказательства приводился факт, что во время президентских выборов 1932 года Присцилла Хисс голосовала за кандидата социалистической партии Нормана Томаса. Газеты опускали при этом весьма существенную подробность: Норман Томас всегда был одним из самых завязанных про-

тивников коммунизма и врагом Советского Союза. Читатели газет, в том числе и присяжные, которые должны были вынести решение по делу Хисса, об этом, конечно, не знали. Зато таким образом они узнавали о «левых» настроениях Присциллы Хисс и о том влиянии, какое она якобы оказывала на своего мужа.

В 1930 году Элджер Хисс начал заниматься адвокатской практикой сначала в Бостоне, а затем в Нью-Йорке. В этих городах он работал в известных адвокатских конторах, пользовавшихся большим авторитетом. В 1933 году, когда президентом Соединенных Штатов стал Рузвельт, провозгласивший «новый курс», Хисс стал подыскивать место в государственной администрации. Лучшие представители американской либеральной интеллигенции считали в то время своим долгом поддерживать усилия нового президента, ставившего перед собой задачу ликвидировать в стране последствия кризиса. Среди них оказался также и Элджер Хисс.

В мае 1933 года Хисс занял пост юрисконсульта в так называемой Администрации по регулированию сельского хозяйства. Это было одно из новых учреждений, созданных Рузвельтом. Его задачей было наведение порядка в сельском хозяйстве, которое испытывало большие затруднения в связи с экономическим кризисом. Во время работы в этом учреждении Хисс часто встречался с членами комиссии сената по вопросам сельского хозяйства.

Двое из членов комиссии являлись одновременно членами сенатского Комитета Нея (комитет назывался по имени его председателя Джеральда Нея), занимавшегося вопросами производства и торговли оружием. По их предложению Хисс в середине 1934 года стал юрисконсультом этого комитета, а в апреле 1935 года — его постоянным сотрудником. Эта дата важна постольку, поскольку приблизительно в это время Хисс впервые встретился с Виттакером Шамберсом, называвшимся тогда Кросли. Шамберс-Кросли, выступавший как журналист, обращался в Комитет Нея за информацией.

С осени 1935 и до осени 1936 года Хисс работал в министерстве юстиции, а затем перешел в государственный департамент, где и работал более десяти лет, занимая все более ответственные посты. Сначала — в 1936—1939 годах — он был советником и заместителем руководителя отдела торговых соглашений. Именно в это время, как уверял Шамберс, Хисс и начал будто бы передавать кон-

фиденциальные дипломатические документы, действуя как «шпион» Коммунистической партии.

В течение следующих пяти лет (1939—1944 гг.) Хисс работал в отделе политических отношений государственного департамента. Осенью 1944 года он был назначен секретарем американской делегации на международной конференции в Думбартон-Оксе, на которой разрабатывался проект Устава Объединенных Наций и были согласованы принципы будущей Организации Объединенных Наций. Этот пост поручил Хиссу тогдашний государственный секретарь США Эдвард Стеттиниус.

В начале 1945 года Хисс снова получил повышение, став директором бюро по специальным политическим вопросам государственного департамента. В феврале того же года он сопровождал президента Рузвельта на конференцию «большой тройки» в Ялту. Весной выехал в Сан-Франциско, где был генеральным секретарем конференции государств — учредителей Организации Объединенных Наций. После конференции он привез подписанный делегатами Устав Организации Объединенных Наций президенту Трумэну в Вашингтон. В конце 1945 года Хисс выехал в Лондон, где в качестве главного советника американской делегации принимал участие в первой сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций.

К этому времени Хисс считал, что его карьера в государственном департаменте приближается к концу. В декабре 1946 года он был избран на пост председателя фонда Карнеги, в феврале 1947 вступил на этот пост, получив гарантированное жалованье в размере 20 тыс. долл. ежегодно (сумма, весьма высокая для США).

Перед тем как принять приглашение занять почетный пост председателя фонда Карнеги, Элджер Хисс советовался с так называемыми авторитетными кругами, чтобы увериться, не вызовет ли его кандидатура каких-либо возражений. Дело в том, что весной 1946 года тогдашний государственный секретарь Джеймс Бернс пригласил Хисса к себе и сообщил ему, что несколько членов конгресса намереваются публично обвинить Хисса в принадлежности к Коммунистической партии. Хисс ответил, что для такого рода обвинений нет никаких оснований. Бернс посоветовал ему нанести визит в Федеральное бюро расследований (ФБР), ибо, как он выразился, «источником обвинений является именно ФБР».

Хисс послушался совета своего шефа и нанес визит в тайную полицию. Он беседовал там с одним из высокопоставленных чиновников, который задал ему ряд вопросов о его работе перед войной и его тогдашних связях и знакомствах. Во время беседы имя Виттакера Шамберса не упоминалось. После визита в ФБР Хисс подумал, что все в порядке. Однако он все же решил еще раз переговорить с Бирнсом — сначала через посредство будущего государственного секретаря Дина Ачесона, а потом лично, — чтобы еще раз убедиться в том, что его кандидатура на пост председателя фонда Карнеги не встретит возражений.

Однако вскоре над головой Хисса начали собираться тучи. В начале 1947 года Джон Фостер Даллес, который являлся председателем контрольного совета фонда Карнеги, известил Хисса, что он получил сообщение о его так называемых связях с коммунистами. В мае или июне 1947 года Хисса посетили два агента ФБР, которые расспрашивали его о различных лицах, с которыми Хисс был знаком перед войной. Во время беседы один из агентов упомянул имя Шамберса, чтобы узнать, слышал ли Хисс эту фамилию. В течение первой половины 1948 года до Хисса с разных сторон доходили слухи, что он будет обвинен в принадлежности к Коммунистической партии.

Создается впечатление, что Хисс не обращал никакого внимания на эти слухи, относя их на счет общей политической атмосферы в Соединенных Штатах и усиливавшихся атак на бывших сотрудников администрации президента Рузвельта. Он, по-видимому, считал, что если он никогда не был связан с коммунистическим движением, то его обвинителям не удастся доказать своих клеветнических утверждений. Бомба взорвалась 3 августа 1948 г., когда Виттакер Шамберс выступил перед Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности, дав там уже известные нам показания. Хисс увидел, что дело приобретает серьезный оборот и что следует защищаться.

Теперь, пожалуй, время набросать портрет Шамберса. В истории правосудия редко случалось так, чтобы в громком уголовном деле, да еще с политическим оттенком, обвинение опиралось на показания только одного-единственного свидетеля. В этом отдавал себе отчет прокурор, когда после начала судебного разбирательства в своем вступительном слове, адресованном присяжным, сказал: «Если вы не поверите Шамберсу, то — как объяснит вам Кауфман (судья, рассматривавший дело) — мы не

сможем доказать вины в соответствии с федеральными предписаниями о клятвопреступлении: необходим (по крайней мере) один свидетель и подтверждение (его показаний); если один из этих элементов отпадает, то рассыпается все дело...»

Изложение биографии Шамберса облегчено тем, что сразу же после дела Хисса, в 1952 году, он издал обширную автобиографическую книгу под названием «Свидетель». В своей политической части эта книга настолько же лжива, насколько она до предела откровенна в части, касающейся личной жизни Шамберса. Со страниц этой книги предстает портрет автора — человека психически неуравновешенного, страдавшего манией преследования, считавшегося коммунистом в годы молодости, а потом ставшего усердным осведомителем тайной полиции.

Виттакер Шамберс родился в Филадельфии в 1901 году, то есть он был всего на несколько лет старше Хисса. Воспитывался он в Лонг-Айленде, под Нью-Йорком. Его отец был художественным редактором крупной газеты, мать — актрисой. Родители непрерывно ссорились, и отец время от времени уходил из дому. У Виттакера был брат, моложе его на несколько лет. Оба мальчика были способными, но чрезвычайно нервными. Здоровье у Виттакера было неважное, с детских лет он страдал от того, что у него были плохие зубы.

Когда отец окончательно бросил семью, ее материальное положение сильно ухудшилось. В довершение ко всему мать была настолько раздражена, что постоянно держала под своей кроватью топор. Маленький Виттакер, беря пример с матери, спал с ножом под подушкой. Когда он пошел в школу, то держался особняком от товарищей и не имел друзей. Как пишет Шамберс в своей автобиографии, еще маленьким мальчиком он убедился в том, что роду человеческому верить нельзя.

Много внимания в своей книге Шамберс уделяет деду и бабке со стороны отца. Дед был хроническим алкоголиком, и маленькие внуки часто вытаскивали его из кабака и отводили домой. Бабка некоторое время жила вместе с семьей сына. Она была психически ненормальной и иногда бросалась с ножом на собственного сына. Бурные сцены между отцом и бабушкой с детских лет остались в памяти Виттакера.

Брат Виттакера, едва повзрослев, начал пить. Как-то он предложил брату вместе покончить жизнь самоубийст-

вом. Виттакер отказался. Вскоре начались бурные сцены между братом и отцом из-за женщин. Однажды Виттакеру удалось спасти брата от попытки к самоубийству. Но следующая попытка была удачной. Семейный итог, таким образом, был следующим: бабушка — умалишенная, брат — самоубийца, родители — в постоянной ссоре.

Когда Виттакер поступил в среднюю школу, он ненавидел весь мир. Он говорил себе: «Я — отверженный. Моя семья — отверженные. У нас нет друзей, нет связей с обществом, нет церкви, нет организации, которая нас привлекает, а сама интересуется нами...».

После окончания средней школы Шамберс в течение некоторого времени занимался физическим трудом. В 19-летнем возрасте он стал студентом Колумбийского университета в Нью-Йорке, однако вскоре поссорился с университетскими властями, потому что написал пьесу, высмеивавшую Христа. Он вынужден был прервать учебу и в 1923 году выехал в Европу — в Германию и Бельгию.

Вернувшись в Нью-Йорк, Шамберс добился места в Публичной библиотеке и снова поступил в Колумбийский университет, однако курса не закончил. Работа в библиотеке также продолжалась недолго, так как во время проверки была обнаружена пропажа книг. Подозрение пало на Шамберса. Во время обыска его стола, как он пишет, там были обнаружены «коммунистические листовки». А дома у него были обнаружены «потерянные» книги. В результате Шамберса уволили с работы.

В 1925 году, рассказывает Шамберс, я стал членом Коммунистической партии. Как раз в то время его брат покончил жизнь самоубийством, а ситуация в доме ссорившихся родителей становилась день ото дня все хуже. Отчаяние и пессимизм в отношении судеб мира и человечества будто бы толкнули молодого Виттакера «в объятия коммунистов». Если судить по его автобиографии, он состоял в партии до апреля 1938 года. Сначала он не раз заявлял, что уже в 1937 году, разочаровавшись, отошел от партии. Такие изменения стали необходимы в связи с датами на тех документах, которые ему якобы передал Хисс.

Во всяком случае из книги Шамберса можно сделать вывод, что он был членом Коммунистической партии в течение нескольких лет. Однако там нет ответа на вопрос, когда он установил тесную связь с тайной полицией. Тут можно сделать различные предположения. Не исключено,

что Шамберс вступил в партию именно по поручению ФБР: Коммунистическая партия США не раз разоблачала в своих рядах провокаторов — агентов полиции. Он мог установить связь с ФБР и позже, получив распоряжение выдавать себя за члена партии. Может быть, наконец, он обратился в ФБР только после того, как порвал с партией. Что же касается даты его выхода из партии, то к этому придется еще вернуться.

Достоверным является только один факт: уже в 1939 году Шамберс, экс-коммунист и ренегат, обратился к заместителю государственного секретаря Берле и безуспешно старался заинтересовать его своими коммунистическими «связями». На вопрос, когда Шамберс стал сотрудничать с ФБР, ответа, пожалуй, получить никогда не удастся. Сам Шамберс уже умер, а ФБР не склонно раскрывать свои тайны.

В автобиографии Шамберса следует обратить внимание еще на одну деталь, касавшуюся документов из государственного департамента, якобы полученных им от Хисса в 1938 году и обнаруженных самым неожиданным образом десять лет спустя. Шамберс подробно описывает, что не мог решиться предложить эти документы властям в качестве доказательств виновности Хисса и что после долгих колебаний решил покончить жизнь самоубийством. Он написал прощальные письма жене, детям и «всем вообще», купил химикалий, из которого якобы должен был выделяться смертельный газ. Далее следует подробное описание неудавшейся попытки к самоубийству: оказывается, Шамберс недостаточно внимательно прочитал инструкцию на упаковке...

Шамберс не упоминает в своей автобиографической книге, что во время процесса Хисса его обследовали специальные эксперты-психиатры, которые пришли к выводу, что главный обвинитель является «психопатологической личностью». Если бы в то время у экспертов была в руках его книга, то их вывод, конечно, был бы более резким. Со страниц книги на нас смотрит человек до некоторой степени интеллигентный, но психически неуравновешенный, полностью лишенный каких-либо политических и моральных принципов, человек несчастный, охваченный ненавистью к коммунизму. В лице Шамберса ФБР нашло идеальное оружие.

Нетрудно догадаться, что описания Хиссом и Шамберсом обстоятельств их знакомства и предвоенных кон-

тактов в Вашингтоне целиком и полностью противоречат одно другому. Оба давали показания много раз: перед Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности, перед расширенным составом присяжных, в ходе длительного и сложного судебного разбирательства в двух инстанциях. Каждый из них отстаивал свою версию событий. Тот факт, что Шамберс был известен Хиссу только как Джордж Кросли, относился к второстепенным в долгом перечне противоречий в их показаниях.

Согласно версии Шамберса, он познакомился с Хиссом в середине 1934 года в одном из washingtonских ресторанов. Их встреча состоялась якобы с целью согласования их совместной работы в коммунистических организациях. Потом Шамберс будто бы несколько раз посетил Хисса в его частной квартире. Во время одного из таких визитов Хисс будто бы предложил Шамберсу некоторые конфиденциальные документы из государственного департамента, которыми располагал как сотрудник вышеупомянутого Комитета Нея. Шамберс охотно воспользовался предложением и сфотографировал документы.

Весной 1935 года оказалось, что Хисс может уступить Шамберсу свою старую квартиру, так как снял для себя новую, а договор на аренду старой был еще действителен. Шамберс охотно въехал в квартиру Хисса на 28-й улице в Вашингтоне, на что позже ссылался как на доказательство тесных взаимоотношений и близкой дружбы с Хиссом. Шамберс проживал в старой квартире Хисса около двух или трех месяцев.

В августе 1935 года Хисс получил работу в министерстве юстиции, а год спустя перешел работать в государственный департамент. В соответствии с показаниями Шамберса Хисс в обоих случаях «советовался» о перемещении места службы со своими шефами из Коммунистической партии и получил их согласие.

В начале 1937 года Хисс — снова в соответствии с показаниями Шамберса — выразил будто бы готовность передавать секретные документы из государственного департамента. Шамберс, естественно, лишь приветствовал подобное предложение и в течение следующих месяцев раз в неделю или раз в десять дней приходил на квартиру к Хиссу, чтобы получать интересующие его документы. Потом он забирал их к себе в Балтимору, где в то время жил, фотографировал эти документы и в тот же день, около часу ночи, отвозил документы.

В середине 1937 года Шамберс будто бы заявил Хиссу, что он хотел бы с этих пор получать документы из государственного департамента чаще — каждый вечер или почти каждый вечер — причем часть документов должна была быть переписана на машинке дословно или сокращенно. Хисс и на это будто бы согласился. В роли машинистки выступала будто бы жена Хисса Присцилла, которая, согласно показаниям Шамберса, выразила готовность активно участвовать в их нелегальной деятельности.

Вначале Шамберс утверждал, что его контакты с Хиссом прекратились в конце 1937 года, когда он, Шамберс, порвал с Коммунистической партией. В доказательство этого утверждения он сослался на то, что 18 октября 1937 г. начал работать в одном из правительственных учреждений в Вашингтоне. Позже, когда были обнаружены «документы из тыквы», Шамберс изменил показания и стал придерживаться версии, что порвал с коммунистическим движением только 15 апреля 1938 г., а до этого времени продолжал получать от Хисса секретные документы.

Из всех этих показаний — или, точнее, вымыслов Шамберса в отношении его контактов с Хиссом — стоит привести еще две детали. Первая касается встречи обеих семей в квартире Шамберса в Балтиморе. Хисс настаивал, что никогда не посещал Шамберса в Балтиморе и что в это время он уже давным-давно забыл о существовании Кросли.

В свою очередь, Шамберс заявил, что в последний раз он встречался с Хиссом (это показание он давал еще до того, как была проведена очная ставка перед Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности в 1948 г.) на рождество 1938 года. Шамберс красочно описал, как он без предупреждения явился на квартиру Хиссов в Вашингтоне, как будто бы не застал их дома и как потом появившиеся хозяева задержали его на ужин. Шамберс добавил, что он опасался, что будет... убит Хиссом или «его сообщниками», так как в это время он будто бы порвал с коммунистами. Он не объяснил одного: зачем же он пошел к Хиссу, если испытывал такие опасения. На этот раз воображение завело его слишком далеко. Впрочем, это — не единственная неясность и не единственное противоречие в весьма красочных показаниях Виттакера Шамберса.

Остановимся, в свою очередь, на показаниях Элджера Хисса по поводу его контактов с Шамберсом. Сразу же следует сказать, что Хисс решительно отрицал, что был когда-либо членом Коммунистической партии или имел какие-либо связи с коммунистическим движением. Он также отрицал, что передавал когда-либо Шамберсу какие-либо секретные или служебные документы, да к тому же по требованию Коммунистической партии.

В соответствии с версией Хисса, он познакомился с Шамберсом в декабре 1934 года или в январе 1935 года. Эта дата в памяти Хисса связана с проводившимися в то время исследованиями Комитета Нея по вопросу об экспорте продукции американской самолетостроительной промышленности. Шамберс-Кросли обратился к нему как журналист, который намерен написать цикл статей об исследованиях Комитета Нея. Статьи должны были появиться на страницах «Америкэн мэгэзин». Хисс принял Шамберса точно так же, как принял бы каждого другого журналиста, и предоставил ему различные материалы о деятельности комитета, которые отнюдь не являлись секретными.

Они встречались несколько раз в здании сената, а потом Хисс — как это принято в США — приглашал Шамберса раз или два на ленч в соседний ресторан. Во время ленча они разговаривали преимущественно о делах Комитета Нея, но как-то выяснилось, что Шамберс хотел на какое-то время переехать в Вашингтон, чтобы лучше подготовить свой цикл статей.

Именно в этот период Хисс — это было весной 1935 года — менял свою квартиру. Он должен был уже переехать, но его договор по найму квартиры был действителен еще на три месяца. Шамберс предложил в течение трех месяцев оплачивать квартиру. Хисс дал на это согласие, желая сэкономить на квартирной плате (кстати говоря, этих сумм он никогда от Шамберса не получил). Вопрос о квартире является единственной подробностью, более или менее одинаково освещаемой в показаниях обоих противников.

Вместе с квартирой Хисс оставил Шамберсу свою старую автомашину. Поскольку спустя многие годы Шамберс старался воспользоваться этим фактом в качестве доказательства их будто бы близких отношений, Хисс разъяснил, что автомашина была в чрезвычайно плохом состоянии и что стоимость ее не превышала 25 долларов,

и поэтому он предпочитал оставить ее, чем продавать за столь низкую цену.

Весной 1936 года Шамберс, как заявил Хисс, пришел к нему в его новую квартиру и принес ему в подарок небольшой коврик. Хисс принял подарок, считая его своего рода компенсацией за предоставленные Шамберсу квартиру и автомашину. Шамберс потом доказывал, что это был подарок Хиссу «от Коммунистической партии» за оказанные услуги. В мае или июне 1936 года, как указывает Хисс, он встретился с Шамберсом в последний раз. Шамберс явился к нему с просьбой дать в долг небольшую сумму. Хисс отказал и напомнил, что он до сих пор не получил обратно денег, данных взаймы ранее. На этом их контакт, по словам Хисса, и прервался. Всего, как подсчитал Хисс, он мог встретиться с Шамберсом десять или одиннадцать раз. Действительно, между ними произошло известное сближение, но знакомство продолжалось всего около двух лет и, естественно, не имело ничего общего ни с действительной или воображаемой коммунистической активностью Шамберса, ни тем более с передачей ему каких-либо государственных документов.

Защита Хисса была затруднена по крайней мере тремя причинами. Во-первых, прокурор с помощью Шамберса и его шефов из ФБР представил суду документы из государственного департамента, которые Хисс якобы передавал «в шпионских целях» Шамберсу. В таком положении вся тяжесть доказательств, которые при нормальном ведении уголовного процесса обязан привести прокурор, легла на плечи обвиняемого. Прокурор считал, что документы, найденные Шамберсом или во всяком случае им представленные, являются вполне достаточным доказательством виновности Хисса. Поэтому Хисс должен был со своей стороны представить суду контраргументы, которые опровергли бы утверждения Шамберса и прокурора.

Во-вторых, Хисс должен был доказывать перед судом ряд негативных обстоятельств. Не нужно быть профессиональным юристом, чтобы понять, что это — не легкая задача. Так, Хисс должен был доказывать, что он не был коммунистом, что его знакомство с Шамберсом не имело ничего общего с коммунистическим движением,

что он никогда не выносил никаких документов из государственного департамента и не передавал этих документов Шамберсу. Доказательство негативных обстоятельств по самой своей природе не всегда возможно. Поэтому Хисс должен был приводить косвенные доказательства, которые опровергли бы утверждения обвинителя и сделали бы правдоподобными его собственные показания.

В-третьих, наконец, судебное разбирательство касалось событий давно минувших лет, что еще больше осложнило задачу обвиняемого. В 1935 и 1936 годах, встречаясь с Шамберсом, он не мог, конечно, предвидеть, что спустя много лет приобретет существенное значение каждое сказанное слово, дата переезда на новую квартиру, состояние старого автомобиля, судьба старой пишущей машинки, адреса прислуги и т. д., и т. п.

Протоколы по делу Хисса занимают толстые тома, а книги, посвященные его процессу, насчитывают сотни страниц. Невозможно, конечно, во всех подробностях изложить это дело. Однако необходимо обратить внимание на противоречия в показаниях Шамберса.

Во-первых, как утверждал Шамберс в течение многих лет, начиная с 1939 и до ноября 1948 года, Хисс являлся членом Коммунистической партии. Но в то же время Шамберс или вообще не упоминал о его «шпионской деятельности», или же отвечал на прямо поставленные об этом вопросы отрицательно. В ноябре 1948 года, после «чудесного» обнаружения документов из государственного департамента, будто бы украденных Хиссом и переданных ему, Шамберс «вспомнил», что Хисс был не только коммунистом, но и «шпионом». Этого явного и столь существенного противоречия Шамберс никогда не смог объяснить.

Во-вторых, в течение многих лет Шамберс заявлял также по разным поводам, что он целиком и полностью порвал с Коммунистической партией в 1937 году. После обнаружения вышеупомянутых документов, относящихся к первым месяцам 1938 года, Шамберс заявил, что в то время он еще был активным коммунистом. Это противоречие также никогда не было им объяснено.

В-третьих, в августе 1948 года, давая показания перед Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности, Шамберс несколько раз касался вопроса о членских взносах, которые Хисс будто бы передавал ему.

Это должно было являться доказательством принадлежности Хисса к Коммунистической партии. В частности, 3 августа Шамберс заявил, что Хисс выплачивал ему членские взносы «раз в месяц в течение двух лет». Однако 25 августа он пояснил, что получал от Хисса взносы «во всяком случае один, а может, и три раза».

Таким образом, можно выбирать два варианта, отличающихся один от другого так же, как число 24 («каждый месяц в течение двух лет») отличается от чисел 1 или 3. Учитывая это обстоятельство, прокурор во время судебного разбирательства предпочел не возвращаться к этому вопросу, а сам Шамберс больше ни разу не вспоминал ни о каких «партийных взносах». Несомненно, адвокаты Хисса допустили ошибку, ни разу не задав вопроса о так называемых «партийных взносах». Сам Шамберс, вероятно, понял, что это скользкая тема, и на восьмистах страницах своей книжки «Свидетель» не нашел места, чтобы затронуть вопрос о партийных взносах, которые якобы выплачивал Хисс. Он не объяснил также, почему он так много рассказывал о партийных взносах Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, а потом отказался от такой «улики».

В-четвертых, если уж речь идет о партийных взносах, следует вспомнить о младшем брате Элджера Хисса — Дональде. В соответствии с показаниями Шамберса перед Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности и Дональд Хисс был коммунистом, и также выплачивал ему, Шамберсу, членские партийные взносы. Впрочем, уже в 1939 году, когда Шамберс впервые выступил со своими «открытиями» и посетил заместителя государственного секретаря Берле, он также указал на Дональда Хисса как на известного ему коммуниста.

Дональд Хисс так же, как и его брат, был юристом по образованию и в течение ряда лет занимал различные посты в Вашингтонской администрации, включая и государственный департамент. Как только Дональд узнал в 1934 году об обвинениях Шамберса, он направил письмо Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, а потом дал перед нею показания, в которых заявил, что никогда не был коммунистом, что никогда не встречался с Шамберсом и что все, что Шамберс о нем сказал, является ложью.

В результате Дональд Хисс никогда не был привлечен к судебной ответственности. А когда он выступал

в качестве свидетеля защиты во время процесса своего старшего брата, прокурор старательно избегал задавать ему вопросы относительно его принадлежности к Коммунистической партии. По-видимому, из-за отсутствия каких-либо доказательств, подтверждавших голословные обвинения Шамберса, — доказательств, хотя бы подобных «документам из тыквы», — прокурор не видел возможности начать процесс против Дональда Хисса и предпочел не задавать ему вопросов, которые только бы скомпрометировали Шамберса и сделали его посмешищем.

Выдающийся английский юрист лорд Джовитт, на книгу которого «Странное дело Элджера Хисса» мы еще будем ссылаться, пишет по этому поводу следующее:

«Категоричное заявление Шамберса, что он встретился с Дональдом Хиссом в доме Элджера и что он принимал от него коммунистические взносы, является или правдивым, или ложным. Господин Мэрфи (прокурор) не сделал попыток доказать, что это заявление правдиво. По моему мнению, каждый, кто столкнется с таким положением вещей, должен почувствовать серьезные сомнения в отношении того, можно ли доверять показаниям Шамберса, если они не подтверждаются из других источников».

Лорд Джовитт обращает внимание на то, что прокурор в своем заключительном слове вообще не упоминал о Дональде Хиссе и обвинениях Шамберса против него. По мнению английского юриста, это ставит под сомнение вообще все показания Шамберса. Книга Джовитта написана чрезвычайно осторожно, но в данном случае его мнение однозначно.

В-пятых, в соответствии с показаниями Шамберса, Хисс начал свою «шпионскую» деятельность, притом по собственной инициативе, еще в 1934 или в 1935 году, когда работал в качестве советника в вышеупомянутом Комитете Нея. Давая показания как свидетель во время судебного разбирательства, Шамберс заявил: «Господин Хисс сказал мне, что он имеет возможность использовать свое положение в Комитете Нея, чтобы получать служебные документы из государственного департамента, касающиеся некоторых вопросов вооружений. Он спросил меня, желаю ли я, чтобы он приносил эти документы»... Шамберс будто бы выразил согласие, и Хисс начал приносить ему секретные документы из государственного

департамента. Во время процесса Шамберс не мог вспомнить о содержании этих документов, но помнил о том, что это были «подлинные документы из государственного департамента с печатями и подписями».

Защитники Хисса вызвали в качестве свидетеля на процесс высокопоставленного чиновника государственного департамента Джозефа Грина, который в 1934—1935 годах нес ответственность за связи госдепартамента с Комитетом Нея. Грин подробно описал, каким образом комитет получал из государственного департамента необходимые ему документы, подчеркнув при этом, что это были только копии или выписки, а не «подлинные документы с печатями и подписями». Эта последняя деталь, впрочем, была ясна каждому, кто знаком с механизмом администрации.

Гораздо важнее было показание Грина, что Хисс никогда не обращался к нему ни за какими документами из государственного департамента и что он никогда таких документов не получал. Пояснения столь авторитетного свидетеля были, вероятно, достаточны даже для прокурора, так как во время процесса он не задал Хиссу ни одного вопроса на эту тему. Таким образом, еще одна ложь Шамберса была опровергнута.

Защитники Хисса вспомнили об этом только в конце процесса, но, по мнению Джовитта, не поняли значения этого факта. Джовитт писал: «Если было установлено, что Шамберс лгал по этому конкретному вопросу, то только с большой осторожностью можно было принимать его показания о передаче Хиссом других документов». Джовитт утверждает, таким образом, что адвокаты Хисса не использовали всех предоставившихся возможностей для защиты. Впрочем, может быть, у них было чувство, что все их усилия напрасны и что в существовавшей политической атмосфере обвинительный приговор Хиссу предрешен.

В-шестых, чтобы доказать свои тесные отношения с Хиссом, Шамберс — как перед Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности, так и потом перед судом — сообщал различные детали, касавшиеся семьи Хисса, его квартиры в Вашингтоне и даже рассказывал о его «хобби». Хисс в своей книге поясняет, откуда мог почерпнуть эти сведения Шамберс. Во-первых, они действительно встречались в 1935 и в первой половине 1936 года, и Шамберс мог запомнить некоторые подроб-

ности. Во-вторых, Хисс был лицом, довольно известным в Вашингтоне, и даже популярные издания типа «Кто есть кто» публиковали о нем ряд сведений.

Из этих изданий Шамберс мог, не прилагая особых усилий, узнать, где Хисс родился, какова девичья фамилия его жены, кто был ее первым мужем и так далее. По американским обычаям, такие издания сообщали также, что Хисс увлекался орнитологией и охотно играл в теннис. С другой стороны, как пишет Хисс, Шамберсу «ровным счетом ничего не было известно или он был очень неточен, когда говорил о деталях, которые ему следовало бы знать в случае близкого знакомства; кроме того, он абсолютно ничего не знал о событиях, которые произошли после середины 1936 года».

Так, например, Шамберс, утверждавший, что часто встречал у Хисса его приемного сына, не знал о том, что мальчик в начале 1937 года попал в автомобильную катастрофу и потом много месяцев лежал в гипсе. Ошибочны были также сведения Шамберса о школах, в которых учился сын Хисса. Шамберс неправильно называл уменьшительные имена, которыми называли Хисс и его жена мать и сестру. Ошибочны были утверждения Шамберса, что Хисс глух на одно ухо. Ошибочны были показания Шамберса, в которых он старался описать меблировку в квартире Хисса, его книги или любимые кушанья. Наконец, были ошибочны показания Шамберса о прислуге, причем стоит обратить внимание на то, что, вызванные в качестве свидетелей, они единодушно заявили, что никогда и в глаза не видели Шамберса.

Перечень этих мелких, но отнюдь не маловажных противоречий в показаниях Шамберса можно продолжать, но это не имеет смысла. Не подлежит сомнению, что Шамберс оказался патологическим лгуном, мастером на выдумки по заказу, лишь бы добиться своей цели — уничтожить Хисса как «коммуниста» и «шпиона». Патологическая ложь должна была быть очевидной также и для прокурора, для судей и присяжных. И все же его показания явились основанием для вынесения обвинительного приговора. Это стало возможным только в специфической политической атмосфере Соединенных Штатов конца 40 — начала 50-х годов.

Элджер Хисс не был ни первой, ни последней жертвой Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, которая переживала своеобразный расцвет в политической атмосфере США 1947—1949 годов.

Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности, являясь органом палаты представителей конгресса и ссылаясь на свои «законные» права, систематически вызывала одного, десяток или даже несколько десятков «обвиняемых» или «подозреваемых», которым вменялось в вину что-то неопределенное, что называлось «антиамериканской деятельностью». В это растяжимое понятие можно было уместить все что угодно, но чаще всего это относилось к воображаемым связям или воображаемым симпатиям обвиняемых к коммунистическому движению.

Списки обвиняемых составлялись на основе доносов; достаточно было, чтобы кто-то после ссоры донес на своего соседа, или доноса из ФБР, которое видело коммуниста в каждом, кто отваживался проявлять независимость в суждениях. Обвиняемые должны были отвечать на вопросы членов комиссии — самых реакционных деятелей палаты представителей, вроде явного фашиста Джона Рэнкина, считавшего Ку-Клукс-Клан «самой лучшей организацией в Америке».

После предварительных вопросов, задаваемых, как правило, с целью запугивания обвиняемого, следовал обычный вопрос: «Являетесь ли вы коммунистом?». Дальнейшее шло своим чередом — независимо от того, был ли вызванный для допроса коммунистом или не был. Если он отвечал «да» — что в исключительных случаях бывало, — то автоматически подвергался преследованиям «во имя закона». Если он отвечал «нет» — как это бывало в подавляющем большинстве случаев, — то комиссия выдвигала против него показания профессиональных агентов, доносчиков и провокаторов.

В такой ситуации лица, придерживавшиеся прогрессивных взглядов, избирали другую тактику. Ссылаясь на конституцию, они отказывались давать показания перед комиссией. И если, повторяем, Хисс не прибег к такой тактике, то это является еще одним доказательством того, что он не был связан с левыми элементами и испытывал доверие к комиссии. Однако, если человек отказы-

вался давать показания перед Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности, начинался второй акт инквизиции — судебное разбирательство по делу «об оскорблении конгресса», ибо отказ давать показания перед комиссией и отвечать на провокационные вопросы ее членов квалифицировался как «оскорбление конгресса», так как каждый гражданин, вызванный в какую-либо комиссию палаты представителей или сената, обязан отвечать на ее вопросы.

По обвинению в «оскорблении конгресса» в те годы были отправлены в тюрьмы многие граждане США — политические деятели, представители мира искусства и науки. Заботясь о рекламе, Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности сравнительно редко занималась так называемыми рядовыми гражданами, зато охотно начинала расследования против людей известных и популярных. В те годы приобрели широкую известность дело «голливудской десятки» — писателей и кинорежиссеров, которые во время войны создавали произведения, посвященные единству Соединенных Штатов и Советского Союза в борьбе против фашизма, дело против членов Антифашистского комитета помощи беженцам, то есть, короче говоря, дела против всех тех, кому можно было как-то прилепить ярлык «коммуниста».

Гарри Декстер Уайт, известный экономист, вице-министр финансов во времена президента Рузвельта, придерживавшийся либеральных взглядов, умер от сердечного приступа на следующий день после допроса в Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. Пастор Ричард Морфорд, директор Совета американо-советской дружбы, учреждения, которое во времена президента Рузвельта пользовалось всеобщим уважением, был осужден на арест и штраф за отказ представить комиссии списки членов этой организации. Профессор Ф. О. Мэтисен покончил жизнь самоубийством, известный певец Поль Робсон подвергся преследованиям, вплоть до запрета выезжать за границу... Этот список можно было бы продолжать, но он занял бы слишком много места. Для характеристики политической атмосферы в США того времени можно лишь привести еще выдержки из сатирической статьи бывшего вице-министра юстиции в администрации Рузвельта Турмана Арнольда. Статья называлась «Как избежать следствия — 10 заповедей для государственных чиновников» и появи-

лась в ноябре 1948 года, то есть как раз в то время, когда начало разбираться дело Хисса.

«Не появляйся в компаниях, где может присутствовать „подрывной элемент“, — писал Арнольд. — Никогда не касайся в разговорах с соседями или в обществе спорных вопросов. Если с твоими взглядами кто-то не будет согласен, то они могут быть извращены в доносе, и ты никогда не узнаешь, кто его написал. Не подписывайся на «Нью рипаблик», «Нейшн» или другие издания либерального толка: может быть, это коммунистические издания, а ты об этом не знаешь. Не читай никаких книг о России даже из простого любопытства, потому что потом ты не сможешь доказать, что руководствовался только любознательностью. Будет спокойнее, если ты сможешь с чистой совестью присягнуть, что вообще не знаешь, где находится Россия и с чем ее едят... Не вступай в брак с тем, кто даже много лет назад имел радикальные знакомства во время учебы. Избегай, если можешь, брака с тем, кто был когда-то в России, читал Карла Маркса или имел отношение к сбору пожертвований в пользу испанских республиканцев...»

Среди заповедей Турмана Арнольда есть и следующая рекомендация: «Не высказывайся слишком резко о фашистах и гитлеровцах».

Эти написанные будто бы в шутку, а на самом деле всерьез, заповеди хорошо характеризовали истинное положение вещей. За каждый из перечисленных в этих заповедях «грехов» можно было предстать перед Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности и в результате попасть в тюрьму. В этом убедились на собственном опыте Элджер Хисс и многие другие американцы, которые, желая того или нет, вызвали недовольство правых, реакционных сил и тайной полиции.

Важно подчеркнуть еще раз, что в течение четырех лет, прошедших со дня смерти президента Рузвельта и до подписания Атлантического пакта, внешняя политика Соединенных Штатов изменилась на 180 градусов. Были забыты идеи о мирном сотрудничестве народов и государств, в особенности программа Рузвельта мирного сотрудничества Вашингтона и Москвы. Вместо этого преемники Рузвельта выступали с демагогическими антисоветскими речами и под предлогом защиты так называемого «свободного мира» призывали к усилению гонки вооружений,

Все это нужно было как-то объяснить американской общественности. Это было нелегко, в особенности потому, что нужно было найти метод перечеркнуть все то, о чем еще так недавно говорил и что делал еще остававшийся популярным президент Рузвельт. Американская пропагандистская машина сравнительно легко выпуталась из этого положения.

Одним из элементов этой хитрой игры стала систематическая кампания, направленная на компрометацию Рузвельта. Газеты все чаще вспоминали о его болезни, давая понять, что в последние годы своей жизни он утратил энергию и поэтому русские «обманули» его в Ялте. С другой стороны, всячески распространялась версия о том, что президент был окружен «левыми элементами», «коммунистами» и даже предателями, которым он доверял и которые сбивали его с толку.

Для всей этой игры как нельзя более пригодным оказался Хисс. Он был сторонником «нового курса». Он был либералом. Он сопровождал Рузвельта в Ялту. По его поручению он участвовал в разработке Устава Организации Объединенных Наций и принимал участие в конференции в Сан-Франциско. Таким образом обвинение Хисса в том, что он был «коммунистом», «шпионом» и «предателем», явилось очередным шагом в кампании, направленной на компрометацию Рузвельта, его внутренней и внешней политики.

Гонители Хисса, конечно, преследовали и еще одну цель — содействовать ухудшению и без того уже напряженных отношений между Вашингтоном и Москвой. За это взялись ФБР, Виттакер Шамберс, представивший «улики» против Хисса. Власти, в том числе президент Трумэн, не возражали против такого оборота дела, а пресса признала Хисса виновным еще до того, как суд и присяжные вынесли свои решения. Такова была политическая атмосфера в стране в момент начала судебного разбирательства по делу Хисса.

Процесс

Решение расширенного состава присяжных о привлечении Элджера Хисса к ответственности за клятвопреступление было принято 15 декабря 1948 г. Судебное раз-

бирательство по его делу было начато федеральным судом в Нью-Йорке 31 мая 1949 г., после того как назначенный срок несколько раз откладывался. В течение всего этого времени Хисс оставался на свободе под залог. Его положение с юридической, а лучше сказать с политической, точки зрения в течение этого полугода значительно ухудшилось.

В первые месяцы 1949 года напряженность на международной арене быстро возрастала: стоит вспомнить хотя бы о подписании в Вашингтоне договора о создании Атлантического пакта. Американская пресса активно содействовала обострению «холодной войны».

Будущие присяжные заседатели, которые должны были рассматривать дело Хисса, изо дня в день слышали, что Советский Союз — это враг, который угрожает безопасности Соединенных Штатов, что американские коммунисты работают на Советский Союз и против своей родины и что в ближайшем окружении президента Рузвельта было много предателей и шпионов. Когда начался процесс против Хисса и когда, в соответствии с американской процедурой, необходимо было выбрать присяжных, естественно, что найти человека, который не подвергался бы воздействию подобного рода демагогической пропаганды, было невозможно.

Полномочия Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности истекли 31 декабря 1948 г. С Нового года, после победы на выборах демократической партии, комиссия должна была начать свою работу в новом составе. И все же именно 31 декабря 1948 г. комиссия подготовила два пространных отчета (фактически они были опубликованы в марте 1959 г.), в которых большое место уделила вопросу о так называемом «шпионаже внутри правительства Соединенных Штатов». Пресса соответствующим образом разрекламировала эти отчеты, не оставляя у читателей, а следовательно, и будущих присяжных, сомнения, что одним из главных «шпионов» был именно Элджер Хисс.

В январе бульварная газета «Нью-Йорк джорнэл америкэн» начала печатать серию статей Роберта Стриплинга, главного советника Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности (во время второго процесса Хисса эти статьи были изданы отдельной книгой). Стриплинг, тенденциозно излагая показания Виттакера Шамберса и Элджера Хисса перед Комиссией по рас-

следованию антиамериканской деятельности, старался убедить читателей, что верить следует Шамберсу, а не Хиссу. К слову сказать, «Нью-Йорк джорнэл америкэн» принадлежала концерну Херста, представлявшего взгляды крайне правых кругов.

Случайно или нет, но в январе 1949 года в Нью-Йорке начался процесс, вокруг которого уже заранее была поднята шумиха — процесс 12 руководящих деятелей Коммунистической партии Соединенных Штатов во главе с тогдашним председателем партии Уильямом Фостером и генеральным секретарем Юджином Деннисом. «Процесс 12-ти» продолжался девять месяцев и проводился в том же здании на Фоли-сквер, в котором рассматривалось дело Элджера Хисса.

Оба эти процесса в отчетах прессы искусственно связывались. Руководители Коммунистической партии обвинялись в «заговоре» с целью «насильственного свержения» существующего в Соединенных Штатах строя. Обвинительный приговор, вынесенный им, хотя он абсолютно противоречил американской конституции, легко было с демагогическими целями использовать против коммунистов вообще и против «коммунистического шпиона» Хисса в частности.

В довершение в марте 1949 года нью-йоркская полиция арестовала некую Джудит Коплон, служащую одного из министерств в Вашингтоне. Ее обвинили в шпионаже, используя в качестве доказательства этого обвинения то, что в момент ареста Джудит имела при себе «секретные документы», которые якобы намеревалась передать представителю «иностранный разведки». Вскоре Джудит Коплон-предстала перед судом. Процесс против нее некоторое время проходил в том же здании, что и процесс против Хисса. Когда Джудит был вынесен обвинительный приговор, известие об этом, как сообщала газета «Нью-Йорк таймс», было немедленно передано в зал на 13-й этаж, где шел процесс против Хисса. Как отмечала «Нью-Йорк таймс», прокуроры, обвинявшие Хисса, были весьма удовлетворены, так как считали, что дело Хисса «во многих отношениях аналогично делу Джудит Коплон».

Конечно, репортеры «Нью-Йорк таймс», а также присяжные, разбиравшие дело Хисса, не могли предвидеть дальнейшей судьбы Джудит Коплон. Лишь в 1967 году, то есть почти 20 лет спустя, в американские газеты про-

сочилась информация, что министерство юстиции аннулировало дело против этой «шпионки». Оказалось, что Джудит Коплон обжаловала решение суда в вышестоящие инстанции, которые отменили первый приговор и распорядились пересмотреть дело. Однако прокуратура из-за отсутствия доказательств вины Коплон не сочла возможным и далее поддерживать обвинение: дело, как говорится, повисло в воздухе. Так продолжалось до 1967 года, и лишь тогда это дело было аннулировано. Однако определенное влияние на процесс Хисса оно оказало.

Первый процесс против Хисса продолжался с 31 мая до 8 июля 1949 г. Председательствовал в суде Сэмюэль Кауфман, который, кстати сказать, кроме фамилии не имеет ничего общего с судьей Ирвингом Кауфманом, участвовавшим в процессе Розенбергов и Собелла.

Газеты помещали обширные и тенденциозные отчеты, стремясь внушить читателям, что вина Хисса не подлежит сомнению. 9 июня, то есть всего лишь неделю спустя после начала судебного разбирательства и еще до того, как выступили защитники Хисса и он сам, видный публицист Джеймс Рестон писал в «Нью-Йорк таймс», что редко так случается, чтобы, располагая столь противоречивыми показаниями, люди, и в том числе и присяжные, имели бы столь твердую уверенность в виновности подсудимого.

По мнению Рестона, так произошло, в частности, потому, что «пристрастные умы превратили Хисса в символ оппозиционной группы молодых сторонников нового порядка, которые прибыли в Вашингтон в 30-е годы и обосновались там, чтобы осуществить революцию во внутренней и внешней политике нации».

В течение более чем 5-недельного разбирательства суд заслушал многих свидетелей, вызванных обеими сторонами, ознакомился с множеством документов, приложенных к протоколам дела. Читая ежедневные отчеты о процессе, можно было вынести впечатление, что председательствующий судья, присяжные, даже прокуроры и защитники копаются часто во второстепенных деталях, упуская из поля зрения самые важные, ключевые проблемы.

Эти проблемы, пожалуй, можно свести к двум. Первая — кто говорит правду — Хисс или Шамберс? Вторая — каково значение документов, представленных

Шамберсом и врученных ему якобы Хиссом десять лет назад со шпионскими целями?

Выше говорилось, что показания противников были противоречивыми и взаимоисключающими. Это повторилось и во время судебного разбирательства. Присяжные должны были выбирать, кому верить — Хиссу или Шамберсу. Третьего выхода не было. Выше также говорилось о многочисленных противоречиях в показаниях самого Шамберса, которые он давал в разное время.

Это снова очень ярко проявилось во время первого рассмотрения дела федеральным судом. Защитники Хисса выступили с предложением, чтобы приложить к протоколам дела стенограмму показаний Шамберса, которые он давал перед расширенным составом присяжных. Эти показания отличались от его показаний перед судом. Председательствующий, судья Сэмюэль Кауфман, перед тем как принять предложение защиты, подробно ознакомился с протоколом, после чего заявил: «Я заметил 19 весьма существенных противоречий в показаниях, которые Шамберс дал перед расширенным советом присяжных и на судебном разбирательстве».

Подробное перечисление этих противоречий заняло бы десятки страниц. О некоторых из них упоминалось. Поэтому, пожалуй, стоит обратить внимание на документы, предложенные Шамберсом. Если Хисс и был осужден, — правда, лишь в итоге второго процесса, — то только из-за этих документов. Напомним, что речь идет о заметках, написанных им лично, о материалах, для перепечатки которых использовалась будто бы его пишущая машинка, а также о микрофильмах с некоторыми документами из государственного департамента. Остановимся на них по порядку.

Среди документов, неожиданно «найденных» Шамберсом в ноябре 1948 года, оказались четыре короткие заметки, написанные рукой Хисса и заключающие изложение служебных документов из государственного департамента. Заметки были помечены январем — мартом 1938 года. По показаниям Шамберса, Хисс сделал эти заметки со шпионскими целями, изложив в них будто бы содержание служебных документов, которые оказались в его руках на короткое время и которых он не мог вынести из министерства.

Элджер Хисс совершенно иначе объяснил происхождение и характер заметок. В своей книге он писал:

«Количество поступавших (в учреждение, где работал Хисс.— Г. Я.) копий документов было так велико — иногда до ста в день,— что г. Сэйр (шеф Хисса.— Г. Я.) не располагал временем, чтобы все это читать и определять, какие из них его особенно интересуют. Одной из моих задач, как его сотрудника, был просмотр всех поступавших документов и отбор тех, которые, по моему мнению, заслуживали рассмотрения. Некоторые я посы­лал прямо к нему, чтобы он их прочел целиком. Другие, менее его интересовавшие, я излагал ему устно, если у него было время заслушивать мои отчеты.

...Временами единственной возможностью ознакомить г. Сэйра с менее интересовавшими его документами был совместный ленч. Поэтому, а также из-за большого количества поступавших документов во время просмотра всех этих материалов я делал короткие заметки о наиболее интересных документах на маленьких клочках бумаги. Эти заметки я скреплял с соответствующими документами и, когда докладывал о них господину Сэйру, у меня под рукой были и сами документы, если бы оказалось, что они интересуют его больше, чем это мне казалось.

Заметки оставались вместе с кипой документов на моем столе до тех пор, пока не делал своего отчета. После этого заметки выбрасывались. Иногда я оставлял их на месте, откладывая вместе с документами. Иногда я их откладывал после того, как о документе было доложено, и выбрасывал в корзину. Если делал отчет во время ленча, я откладывал заметки и собирал их отдельно, чтобы выбросить, возвратившись в контору».

Перед судом Хисс заявил, что ему неизвестно, каким образом эти заметки попали в руки Шамберса. Защитники Хисса выдвинули предположение, что заметки были украдены из государственного департамента. А как они были украдены и как попали в руки Шамберса — известно только ему. Поэтому Хисс и его защитники заинтересовались содержанием заметок, чтобы таким путем доказать, что они не имеют ничего общего с какой-либо шпионской деятельностью. Пожалуй, им это полностью удалось.

Прежде всего они обратили внимание на датировку документов из государственного департамента — первый квартал 1938 года — и сопоставили этот факт с неоднократно повторявшимися заявлениями Шамберса, что он

порвал с коммунистическим движением «самое позднее в 1937 году», перестал быть «шпионом». Если, рассуждали адвокаты, даже поверить Шамберсу, что до 1937 года он был коммунистом и «шпионом», то каким образом он мог и после этого срока передавать какие-либо документы со «шпионскими целями»? Шамберс ответил на этот вопрос, что он «ошибся» и что на самом деле весной 1938 года он еще поддерживал с Хиссом контакт со «шпионскими целями». Защитникам Хисса удалось, однако, собрать много доводов, показывавших, что в 1938 году Шамберс совершенно изменил образ жизни и что если даже до этого он имел какую-либо связь с коммунистами, то в 1938 году все это было делом прошлого.

Судья-председательствующий, вероятно, счел это обстоятельство существенным и в своей заключительной речи к присяжным заявил:

«Взвешивая, заслуживает ли доверия г. Шамберс как свидетель, вы должны задуматься над его показанием относительно того, что он был членом Коммунистической партии с 1926 и до весны 1938 года, в то время как в предыдущих показаниях, данных им под присягой, и в некоторых других предыдущих заявлениях он заявил, что порвал с Коммунистической партией весной 1937 года. Время его выхода из партии является важным элементом, который связан с юридической силой данных им здесь показаний».

Кроме того, Хисс и его защитники привели еще ряд аргументов, опровергших утверждение Шамберса о том, что он получил эти четыре заметки от Хисса в шпионских целях. Во-первых, трудно представить, чтобы Хисс — если бы он действительно был шпионом — поступал столь глупо и легкомысленно и собственноручно переписывал содержание передаваемой информации, подвергаясь опасности легко раскрыть свою преступную деятельность.

Во-вторых, заметки были сделаны неразборчивым почерком с многочисленными сокращениями. Кто-либо другой, кроме Хисса, пожалуй, не смог бы понять их содержания, если он не имел доступа к документам, изложенным в заметках. Некоторые заметки состояли из двух частей — причем каждая из этих частей была написана карандашом другого цвета. Этот факт нельзя было объяснить, если поверить в версию Шамберса относительно шпионского характера деятельности Хисса, который будто бы делал эти заметки «в спешке». Зато

сам Хисс легко все объяснил. Сначала он делал для своего шефа краткое изложение документа, а когда на следующий день должен был о нем докладывать, приходил к заключению, что, возможно, потребуются дополнительные подробности, которые он дописал на всякий случай другим карандашом.

В-третьих, наконец защитникам Хисса удалось представить суду оригиналы документов из государственного департамента, именно тех, с которых были сделаны короткие заметки Хисса. Оказалось, что собственноручные заметки Хисса ни в коем случае не могли быть сделаны со шпионскими целями. Так, например, один из документов был копией телеграммы от американского посольства в Москве. Поскольку в содержании телеграммы не было никаких конфиденциальных элементов, посольство выслало ее не зашифровав, пользуясь обычным телеграфом. Совершенно ясно, что ни один шпион не переписывал бы, подвергаясь при этом опасности, обычной телеграммы, известной всем заинтересованным сторонам. Другая телеграмма касалась американо-британских переговоров о разоружении и также не заключала в себе никаких особо секретных или конфиденциальных элементов.

Наконец, третья и четвертая заметки касались войны между Японией и Китаем. В содержании документов, изложенных в этих заметках, оказался один фрагмент, который мог бы заинтересовать Хисса, если бы он был шпионом. Этот фрагмент касался взглядов французского посла в Токио на возможность атаки со стороны Японии на Советский Союз. Но именно этот интересный фрагмент в заметках Хисса был полностью опущен. Хисс пишет об этом в своей книге:

«Среди всех документов из государственного департамента, которые фигурировали в ходе судебного разбирательства (52 страницы на микрофильмах и 72 документа, в которых было значительно больше страниц, переписанных или изложенных на машинке), это был единственный фрагмент, который имел важное значение для русских. То, что я опустил его в моих заметках, как это было доказано, можно было объяснить только тем, что я подготавливал эти заметки в силу моих служебных обязанностей, в которые входило реферирование г. Сэй-ру информации по темам, входящим в его компетенцию и его интересовавшим. Если бы мои заметки были сде-

ланы для русских, конечно, этот фрагмент был бы выделен, а не опущен».

К таким же выводам приходит лорд Джовитт, который в своей книге о процессе Хисса приводит полный текст четырех документов из государственного департамента и их сокращенное изложение в заметках Хисса. По мнению Джовитта, «было бы чем-то совершенно необычным, если бы человек, поступающий так низко, как утверждают обвинители Хисса, был в то же время таким глупым и передавал документы, написанные собственноручно». Джовитт обращает также внимание на то, что в содержании четырех документов не было ничего особенно важного или секретного и что эти документы в многочисленных копиях (до 15 экземпляров) циркулировали по разным отделам государственного департамента. В госдепартаменте не было в то время точных предписаний о соблюдении секретности и о сохранности документов, и злоумышленник — с политическими или уголовными целями — мог относительно легко получить в свое распоряжение те или иные документы.

«Я считаю, — пишет лорд Джовитт, — что нельзя переоценивать значения этих четырех написанных от руки документов. Если Шамберс был достаточно подл, чтобы украсть эти документы, а потом уверять, что он получил их от Хисса, то с тем большей подозрительностью следовало бы отнестись к его показаниям о машинописных копиях, которые несомненно были написаны на машинке, принадлежащей госпоже Хисс».

Оговорки британского юриста делаются в условно-сослагательном наклонении, как и большинство его выводов, но смысл их однозначен. Остановимся теперь на машинописных копиях, представленных Шамберсом и врученных ему якобы десять лет назад Хиссом.

В ходе процесса обе стороны, то есть прокурор, а также Хисс и его защитники, выразили единое мнение, что эти машинописные копии, насчитывавшие 65 страниц и заключающие полные тексты или изложение 72 документов из государственного департамента, были сделаны на старой пишущей машинке типа «Вудсток», принадлежавшей в 30-х годах жене Хисса. Шамберс заявил, что он получил эти машинописные копии от Хисса со «шпионскими целями», и добавил, что в роли машинистки выступала его жена. Хисс заявил, что сам он никогда не умел писать на машинке и что жена его этих текстов не

писала, и что он никогда никаких машинописных текстов Шамберсу не вручал.

Снова можно видеть полное противоречие между показаниями Шамберса и Хисса. Защитники Хисса были вынуждены доказывать, что Шамберс лжет и в этом случае, и сумели найти ряд доводов.

Прежде всего они заинтересовались самой пишущей машинкой. Удалось установить, что госпожа Хисс получила ее в подарок от своего отца в начале 30-х годов. Удалось также найти — что было, принимая во внимание давность лет, довольно трудно — различные тексты, написанные госпожой Хисс на этой машинке. Самый поздний из этих текстов был датирован маем 1937 года. Наконец, свидетели установили, что в декабре 1937 года, после переезда Хиссов на новую квартиру, они подарили эту машинку, в чрезвычайно плохом состоянии, двум подраставшим сыновьям своей прислуги-негрятки. Эта дата — 1937 год — чрезвычайно важна, потому что документы из государственного департамента относятся к 1938 году, а значит, и не могли быть переписаны женой Хисса, если у нее к тому времени уже не было машинки «Вудсток».

Следует отметить, что в ходе судебного разбирательства защитники Хисса представили в качестве вещественного доказательства эту машинку. По их мнению, кто-то, неизвестный (Шамберс или его шефы) получил доступ к машинке уже после того, как от нее избавились Хиссы, и переписал документы из государственного департамента, желая таким образом скомпрометировать Хисса. После суда и вынесения приговора, выступая с предложением о пересмотре дела, защитники Хисса выдвинули новую концепцию, допуская возможность намеренной подделки пишущей машинки «Вудсток», аналогичной той, которая была у Хиссов.

Лорд Джовитт в цитируемой выше книге подробно рассматривает дело о пишущей машинке и указывает:

«Во всяком случае нельзя отрицать, что Шамберс, будучи достаточно подлым и занимаясь фальсификацией доказательств виновности Хисса, мог без особого труда получить доступ к этой пишущей машинке». Условно принимая тезис Шамберса, что Хиссы переписывали документы из государственного департамента на своей машинке, Джовитт делает следующее заключение:

«Было бы слишком необычно, если бы Хисс оказался столь легкомысленным и глупым, что не уничтожил своей пишущей машинки. Он в таком случае должен был совершенно игнорировать всю технику конспирации и быть абсолютным глупцом. Если бы он задумался, то понял бы — а ведь он был юристом, — что в случае обнаружения пишущей машинки можно будет доказать, что инкриминируемые документы исходят от него, если они были действительно переписаны им или его женой».

Иначе говоря, по мнению Джовитта, Хисс уничтожил бы пишущую машинку, а не подарил своей прислуге, если бы действительно был шпионом.

Защитники Хисса собрали большое количество других доводов и аргументов, доказывавших, что показания Шамберса относительно машинописных копий (и сами эти копии) не выдерживают никакой критики. Среди 65 страниц машинописных копий имелась одна страница, написанная на другой машинке и на другой бумаге. Шамберс вначале настаивал, что и эту страницу он получил от Хисса, однако год спустя, уже во время второго процесса, признался, что получил ее от другого лица, что, естественно, подрывало доверие ко всем его показаниям относительно машинописных копий.

Из государственного департамента также удалось получить оригиналы документов, переписанных или изложенных на этих 65 страницах машинописных копий, представленных Шамберсом. На каждом из документов, в соответствии с принятым порядком, имелся перечень отделов министерства, в которые данный документ посылался в оригинале или копии. Скрупулезный анализ показал, что некоторые из этих документов никогда не попадали в отдел, в котором работал Хисс.

На одной из страниц машинописи Шамберса было изложено сразу пять разных документов. Один из них никогда не был в распоряжении Хисса, из чего логически следовало, что вся эта страница не могла быть написана им.

Шамберс несколько раз заявлял, что он получал от Хисса документы «раз в неделю или раз в десять дней». Однако на переписанных документах стояли даты или до 18 февраля 1938 г., или после 26 марта. Шамберс не мог объяснить такого более чем месячного перерыва, а это противоречило его показаниям, что Хисс вручал ему документы регулярно.

Содержание документов, изложенных на 65 страницах машинописных текстов, никак невозможно было связать с какой-либо шпионской деятельностью. В их содержании нельзя было найти каких-либо элементов, могущих заинтересовать иностранную державу. Так, например, 20 страниц, то есть почти одна треть всех машинописных копий, занимал длинный и скучный отчет об экономических отношениях в Маньчжурии. Сомнительно, чтобы какой-нибудь шпион стал бы переписывать — в этом случае дословно — такой отчет. Кроме того, возникает вопрос, почему Хисс, как уверял Шамберс, поручил жене переписывать этот документ, на что потребовалось несколько часов, вместо того чтобы этот документ сфотографировать (а такая возможность, как уверял Шамберс, имелась).

В машинописных копиях Шамберса нельзя найти какой-нибудь логической системы в их содержании или порядке. Невозможно понять, почему воображаемый шпион выбрал именно эти, а не другие документы, почему некоторые он переписывал дословно, а другие только изложил, почему в некоторых изложениях указал дату, адрес и подпись, а в других эти сведения опустил. Поэтому складывалось впечатление, что Шамберс подделал (или получил) эти машинописные копии исключительно для того, чтобы скомпрометировать Хисса.

С этой целью Шамберс, как мы помним, представил наряду с машинописными копиями собственноручные заметки Хисса, а также несколько микрофильмов. Бросается в глаза одно противоречие между этими тремя видами «улик». Ибо, если жена Хисса в течение долгих вечеров должна была переписывать документы для Шамберса, то почему не переписала четырех коротких заметок своего мужа? А если имелась возможность выносить документы и фотографировать их, то какой смысл был в том, чтобы переписывать эти документы на машинке?

Как упоминалось выше, микрофильмы Шамберс некоторое время хранил в выдолбленной тыкве... Он никогда не объяснял, почему именно в тыкве и почему представил эти документы две недели спустя после предъявления собственноручных заметок Хисса и машинописных копий, хотя, как он уверял, обнаружил все эти материалы одновременно.

После увеличения двух катушек с микрофильмами оказалось, что на них сфотографированы 58 страниц ма-

шинописного текста документов государственного департамента, как утверждал Шамберс, врученных ему Хиссом. Хисс это решительно опровергал.

В связи с абсолютной противоречивостью их показаний, остановимся на содержании этих документов, сфотографированных на микрофильмах.

Защитники Хисса относительно микрофильмов выдвинули уже известное нам положение, что сфотографированные документы не могли интересовать возможного шпиона. Во-первых, документы эти не заключали в себе никакой информации, которая представляла бы ценность для другого государства, а ведь в делах государственного департамента сравнительно легко было найти десятки и сотни материалов, гораздо более интересных для иностранной разведки. Во-вторых, подбор документов был совершенно случайным, что отнюдь не свидетельствовало о какой-либо враждебной деятельности того, кто их поставил.

Интересным оказался подробный анализ сфотографированных документов. Отдельные машинописные страницы были пронумерованы цифрами от 1 до 58, но относились к восьми различным документам. Пять из них касались проходивших в начале 1938 года торговых переговоров между Соединенными Штатами и Германией, причем это были документы, посланные отделом торговых соглашений государственного департамента в отдел Сэйра (шефа Хисса). Три остальных являлись копиями различных телеграмм, на которых были поставлены служебная печать отдела Сэйра, а также, вместо подписи, инициалы Хисса.

Защитники Хисса сумели извлечь из архивов государственного департамента оригиналы документов, сфотографированных на микрофильмах Шамберса. Сравнение оригиналов с фотографиями оказалось чрезвычайно поучительным. Оригиналы документов, которые в свое время поступали в бюро Сэйра и к которым Хисс мог иметь доступ, были написаны на бланках отдела торговых сношений и были снабжены подписью начальника этого отдела, некоего Гарри Гаукинса. А на фотографиях Шамберса не было ни заголовка — бланка отдела торговых сношений, ни подписи начальника отдела. Кроме того, на оригиналах документов видна была печать, подтверждавшая, что документы поступили в бюро Сэйра, а на фотографиях такой печати не было.

Вывод был очевиден. Шамберс или его помощники имели доступ только к копиям, которые остались в отделе торговых сношений, и именно эти копии фотографировали. Но они не имели доступа к оригиналам, которые поступили в бюро Сэйра и Хисса. В свою очередь, Хисс, если бы он был шпионом, мог бы располагать только оригиналами документов, но не имел доступа к копиям, которые оказались на микрофильмах.

Шамберс утверждал — а это следовало из нумерации всех страниц, — что вынесенные из государственного департамента различные документы были сфотографированы в одно и то же время и что он получил все эти документы от одного лица (Хисса). Но если ему верить, что он получил все эти документы от одного лица, то этим лицом не мог быть Хисс, если он не имел доступа по крайней мере к части сфотографированных документов.

Совершенно иначе обстоит дело с тремя копиями различных телеграмм, которые действительно прошли через бюро Сэйра и имели пометки в виде инициалов Хисса. То, что он поставил свои инициалы на телеграммах, должно было свидетельствовать о том, что он их читал и что они больше ему не нужны. Возникает, однако, логический вопрос, почему же Хисс должен был таким образом подтвердить, что эти телеграммы были в его распоряжении до их фотографирования, если он мог поставить свои инициалы на них уже после того, как их сфотографировал?

Допуская теоретическую возможность того, что Хисс передал эти документы Шамберсу, если они находились в его руках, лорд Джовитт пишет:

«Но, с другой стороны, если какое-либо лицо принимает участие в подлом заговоре и передает документы с целью их фотографирования, то кажется по крайней мере странным, чтобы перед этим данное лицо оставляло на них свои инициалы и таким образом демонстрировало, что имело эти документы в своем распоряжении. Поэтому гораздо правомернее предположить, что эти документы были украдены из бюро господина Сэйра».

Джовитт обращает также внимание на тот факт, что некоторые из 58 страниц, сфотографированных на микрофильмах, были предварительно переписаны на машинке и являются, таким образом, копиями с копий оригинальных документов. Шамберс не мог объяснить, почему от-

дельные страницы переписывались, при этом никто не утверждал, что эта переписка осуществлялась на машинке Хиссов. Английский юрист приходит к выводу, что сфотографированные документы, вероятнее всего, были вынесены или украдены из государственного департамента, скорее всего, из отдела торговых сношений, за исключением трех вышеупомянутых телеграмм, но ни в коем случае не Хиссом.

Гора родила мышь. Так можно суммировать все, что здесь говорилось о документах, представленных Шамберсом, документах, которые должны были явиться окончательным доказательством виновности Хисса. Несмотря на видимость правдоподобия — а следует признать, что такая видимость была, — ни заметки самого Хисса, ни копии, напечатанные на машинке его жены, ни фотографии документов ни в коем случае не доказывали, что Хисс был шпионом. Он был, скорее, доказательством злой воли Шамберса, его сообщников и инспираторов из Федерального бюро расследований.

Когда и как агенты ФБР подделали все эти «улики» — неизвестно. У них было для этого достаточно времени — более десяти лет: с 1938 года, когда документы были вынесены из государственного департамента, и по 1948 год, когда Шамберс их внезапно «обнаружил». Известно зато, каковы были цели Шамберса и его хозяев: нужно было скомпрометировать Элджера Хисса, а косвенно — и «новый курс» президента Рузвельта. По отношению к Хиссу эта цель была достигнута, хотя и не сразу. Обвинительный приговор был вынесен после вторичного разбирательства.

Приговор

7 июля 1949 г., после длительного судебного разбирательства, после того как были заслушаны десятки свидетелей и осмотрены многочисленные вещественные доказательства, после выступлений прокуроров, адвокатов и судьи-председателя, присяжные удалились на совещание.

Совещание затянулось, и поздно вечером присяжные уведомили судью, что не могут согласовать своего реше-

ния и просят объявить перерыв до следующего дня.

В соответствии с процессуальными нормами американского уголовного права решение всех 12 присяжных должно быть принято единогласно. Судья-председатель направил присяжных в отель, чтобы в течение ночи они не могли контактировать с кем-либо. На следующий день присяжные возобновили совещание, но после полудня заявили, что все-таки не могут вынести единогласного решения. Поздно вечером присяжные заявили, что они не видят возможности согласовать свои позиции.

Судья-председатель в соответствии с процедурой указал, что судебное разбирательство не принесло результата. Прокурор немедленно заявил, что он потребует нового разбирательства, конечно, перед новым составом присяжных. Хисс в своей книге, которую он писал уже после отбытия наказания, признает, что он был уверен в вынесении оправдательного приговора. Это еще раз свидетельствует о его наивности. В тогдашней политической атмосфере Соединенных Штатов, скорее, можно было ожидать именно обвинительного приговора.

Совещания присяжных в принципе являются тайными. Однако в прессу все же просочились сведения, как проходило совещание. При первом, вступительном, голосовании четверо присяжных высказались за оправдание Хисса, четверо — за осуждение, а четверо не имели определенного мнения. В течение многочасовых совещаний четверо нерешительных присоединились к тем, кто голосовал за обвинительный приговор. В итоге четверо высказывались за оправдание, восемь — за осуждение.

Следует лишь восхищаться мужеством этих четырех присяжных, в том числе и председателя состава присяжных, которые упорно голосовали за оправдательный приговор. Они понимали, что выступают против тайной полиции и ее основного свидетеля — Шамберса, против ничем не брезгующей пропаганды крайне правых сил, которая нападала на Хисса, целясь в президента Рузвельта, и против так называемого всеобщего мнения, обработанного прессой, заранее заявлявшей о виновности Хисса.

Уже буквально на следующий день четверо мужественных американцев могли убедиться, что им грозят серьезные неприятности. В бульварных газетах «Нью-Йорк джорнэл америкэн» и «Нью-Йорк уорлд телеграм» появились статьи с прямыми нападка на председателя

состава присяжных, а реакционная газета «Нью-Йорк дейли миррор» выступила с клеветнической статьей, в которой, в частности, говорилось: «Голосовавших за оправдание невозможно было переубедить... Может быть, в этой группе оказался человек, симпатизирующий коммунистам...».

Для характеристики тогдашних настроений в США и того нажима, который оказывался на присяжных, характерно письмо в редакцию, помещенное на страницах либеральной газеты «Нью-Йорк пост».

«Я была, — рассказывает автор письма, — одной из присяжных, которых избирали по жребию для разбирательства дела Хисса. Я просила освободить меня от этой обязанности, так как опасалась, что если сочту Хисса невиновным и заявлю об этом, то меня будут преследовать как коммунистку. Более того, моего мужа и моего сына также преследовали бы на их работе, если бы стал известен факт, что я голосовала за оправдание. Точно также думали и некоторые другие присяжные, которые уклонились от участия в разборе дела...»

Реакционные газеты начали атаки против судьи Кауфмана, упрекали его в косвенных связях с рузвельтовским «новым курсом». С критическими замечаниями в адрес судьи Кауфмана выступили также ряд членов палаты представителей. В «Нью-Йорк дейли миррор» появилась карикатура, высмеивавшая судью. Результатом всей этой кампании было то, что на втором процессе председательствовал другой судья, хотя уголовная процедура этого отнюдь не требовала.

Учитывая атмосферу, создавшуюся вокруг процесса Хисса, и ссылаясь на то, что в Нью-Йорке трудно будет найти присяжных, у которых заранее не было бы сложившегося мнения о его виновности или невиновности, защитники Хисса выступили с предложением, чтобы следующий процесс состоялся в небольшом штате Вермонт, на северо-востоке Соединенных Штатов. Возможно, рассуждали адвокаты, там можно будет найти более объективный состав присяжных. Предложение защиты было, однако, отвергнуто.

17 ноября 1949 г. начался второй процесс против Хисса, снова перед федеральным судом в Нью-Йорке. Организаторы гонений против Хисса позаботились о том, чтобы соответствующим образом напомнить о себе публике. Незадолго до начала второго процесса были изданы от-

дельной книгой «откровения» Роберта Стриплинга, советника Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. Книга эта основывалась почти исключительно на показаниях Виттакера Шамберса, а ее название — «Красный заговор против Америки» — не оставляло сомнений в намерениях автора и его сообщников. Кроме того, 14 ноября, то есть за три дня до возобновления дела Хисса, началась шумная кампания, рекламировавшая показания свидетелей по вышеупомянутому «сенсационному» делу Джудит Коплон, обвиненной в «шпионаже».

Цель всех этих маневров была ясна. Речь шла о том, чтобы у присяжных не было никаких сомнений в том, что Элджер Хисс был коммунистом и что он занимался шпионажем, а если бы даже у присяжных и возникли сомнения в этом, то чтобы они были соответствующим образом запуганы и боялись бы проголосовать за оправдание. На этот раз нажим возымел свое действие. Присяжные оказались послушными.

Второй процесс продолжался еще дольше, чем первый, — с 17 ноября 1949 г. до 25 января 1950 г. Американская пресса опять не жалела места на подробнейшие отчеты с процесса, причем их тон становился все более недоброжелательным к Хиссу. В течение полугода, прошедшего со времени первого процесса Хисса, международное положение еще больше ухудшилось, а напряженность в отношениях между Соединенными Штатами и Советским Союзом возросла. Осенью 1949 года Советский Союз произвел первый экспериментальный взрыв атомной бомбы, ликвидировав американскую атомную монополию. Почти в то же время Народно-освободительная армия Китая изгнала Чан Кай-ши, что в Вашингтоне не без основания было расценено как поражение Соединенных Штатов. Простые американцы были охвачены паническим страхом, как бы кто-либо не заподозрил их в симпатиях к коммунизму, — а ведь присяжные также были «простыми американцами».

В соответствии с требованиями процедуры отсутствие приговора по первому разбирательству было равнозначно аннулированию дела. В такой ситуации второй процесс стал в силу обстоятельств почти точным повторением первого. Прокуроры и защитники повторяли те же самые предложения, называли тех же самых свидетелей и произносили те же самые речи. Виттакер Шамберс оставался главным — если не сказать единственным —

свидетелем обвинения. Предложенные им документы из государственного департамента остались главным — если снова не сказать единственным — доказательством вины Эджера Хисса. Полное противоречие между показаниями Шамберса и Хисса осталось наиболее существенным элементом процесса.

И все же по некоторым деталям второй процесс отличался от первого. Так, например, по предложению защиты были вызваны два свидетеля — эксперты-психиатры. Это были доктор Карл Бингер и Генри Муррей, которые давали свои показания на основе наблюдения за ходом процесса, и в особенности за поведением Шамберса. Эксперты отвечали на многочисленные вопросы защитников и прокурора. Их показания заняли в стенограмме процесса 450 страниц.

Оба эксперта пришли к выводу, что Шамберс является «психопатологической личностью». Исследовав биографию Шамберса и его политическую и литературную деятельность, эксперты подчеркнули, что он склонен к патологической лжи, обману, эксцентричному поведению, ложным обвинениям, к клевете, а также имеет параноидные идеи. Благодаря таким чертам характера, повторим еще раз, Шамберс, несомненно, мог оказаться удобным орудием в руках ФБР.

Прокурор, в свою очередь, подготовил ко второму процессу несколько новых доводов и аргументов, которые должны были, по его мнению, свидетельствовать о виновности Хисса. Два таких довода он держал про запас до последнего дня процесса, чтобы произвести на присяжных как можно большее впечатление.

Первой из таких улик был неожиданный и необъявленный свидетель — негритянка Эдит Мурри, которая заявила, что в 1934—1936 годах она была прислугой у Шамберсов в Балтиморе и что в их квартире она несколько раз встречала Хиссов. Это показание должно было опровергнуть утверждение Хиссов, которые уверяли, что они никогда не бывали в гостях у Шамберсов.

Отвечая на вопросы адвокатов Хисса, Эдит Мурри призналась, что перед тем, как появиться в суде, она несколько раз разговаривала с агентами Федерального бюро расследований, которые привезли ее к Шамберсам и «напомнили», как она более десяти лет назад у них работала. Госпожа Мурри рассказала также, что в 1942 году она перенесла тяжелое психическое заболева-

ние и с того времени не работает. Уже после окончания процесса защитники Хисса установили, что Шамберсы вообще не имели прислуги в тот период, о котором давал показания этот весьма специфический свидетель, что они никогда не жили по одному из тех адресов, которые перечислила госпожа Мурри. Ее показания, таким образом, были еще одной ложью или самого Шамберса, или его друзей из тайной полиции.

На второе доказательство вины Хисса прокурор указал в своей заключительной речи, то есть тогда, когда прекрасно знал, что ни сам Хисс, ни его защитники уже не смогут взять слово, чтобы полемизировать по этому новому «доказательству» (в США прокурор выступает с речью в суде непосредственно перед председательствующим судьей, который суммирует дело для присяжных). В этом последнем выступлении прокурор Томас Мэрфи, который обвинял Хисса во время обоих процессов перед федеральным судом, обратил внимание присяжных на некоторые ошибки, повторяющиеся в машинописных копиях, которые Шамберс якобы получил от Хисса. По мнению прокурора, точно такие же ошибки можно было найти и в частных письмах жены Хисса, которые она печатала на машинке типа «Вудсток».

Если бы прокурор был прав, то это было бы лишь доказательством того, что машинописные копии документов из государственного департамента были сделаны на машинке, которая когда-то принадлежала жене Хисса, и притом ею самой. Но дело в том, что утверждения прокурора были голословными, не поддержанными ни экспертами, ни свидетелями. Когда защитники Хисса смогли — а это произошло значительно позже — заинтересоваться этим вопросом, они пришли к выводу, что если ошибки в машинописных копиях на кого-либо и указывали, то, скорее всего, на самого Шамберса.

Хисс пишет в своей книге, что прием прокурора с «уликой» об ошибках в машинописных копиях дал свои результаты, так как присяжные во время совещания потребовали снова показать им машинописные копии и частные письма госпожи Хисс, вероятно для того, чтобы сравнить эти документы. По мнению Хисса, это был «наиболее вероломный шаг» прокурора, так как, если присяжные поверили, что жена Хисса переписывала документы, они должны были вынести обвинительное решение.

Прием прокурора был, несомненно, демагогическим и предпринят вопреки процессуальным нормам уголовного права, которые требуют от сторон приведения доказательств таким образом, чтобы другая сторона могла выразить по ним во время процесса свое отношение. Но, пожалуй, Хисс по своей наивности придает слишком большое значение этому инциденту — одному из многих во время длительного процесса.

Если присяжные на этот раз приняли обвинительное решение, то не потому, что уверовали в тот или другой аргумент обвинителя. Их решение было принято в атмосфере общего политического запугивания, когда каждый присяжный боялся быть заподозренным в прокоммунистических симпатиях. Вынося по делу Хисса обвинительное решение, присяжные, несомненно, учитывали, что внешняя политика Соединенных Штатов все более проводилась в антисоветском духе и в духе «холодной войны», что Рузвельт, его «новый курс» и бывшие сотрудники его администрации все более подвергались резкой критике по внутриполитическим соображениям. Присяжные помнили об антикоммунистической истерии и вынюхивании повсюду «предателей» и «шпионов», они помнили, наконец, о кампании в прессе во время первого процесса против тех, кто голосовал за оправдание Хисса, и о письмах с угрозами, которые в то время получали четверо отважных присяжных.

Если бы присяжные даже не захотели помнить или принимать во внимание все это, то оставался еще страх перед всемогущим ФБР. О том, что существует ФБР, напоминал прокурор в своем заключительном слове. Он напоминал об этом столь же цинично, сколь и грубо. Обращаясь прямо к присяжным, он заявил: «Если вы полагаете, что какая-либо часть — значительная или незначительная — доказательств по этому делу была сфабрикована, придумана или спровоцирована ФБР, то освободите этого человека. Следует указать ФБР, что оно не может вмешиваться в показания свидетелей и в материал доказательств — если вы думаете, что было именно так». Как правильно заметил потом Хисс, «прокурор таким образом поставил знак равенства между голосованием за оправдание и согласием начать атаку на Федеральное бюро расследований, а в таком положении ни один из присяжных, естественно, не хотел бы очутиться».

Совещания присяжных и на этот раз продолжались

очень долго — два дня с ночным перерывом в специально отведенном отеле. В ходе совещаний присяжные несколько раз просили председательствующего судью предоставить им дополнительные материалы или разъяснения. Хисс утверждает в своей книге, что и в новом составе присяжных четверо вначале были склонны голосовать за оправдание подсудимого, но остальные сумели их переубедить (или, скажем, оказать на них давление). И поэтому в результате было оглашено единогласное решение: виновен.

Напомним, что Элджер Хисс был осужден в соответствии с обвинительным актом не за принадлежность к Коммунистической партии и не за шпионаж, а за клятвопреступление, которое заключалось будто бы в том, что он дал под присягой ложные показания по поводу своих взаимоотношений с Виттакером Шамберсом и относительно документов из государственного департамента.

25 января 1950 г. судья Годдард огласил приговор, по которому Хисс подвергался максимальному наказанию за клятвопреступление — пятилетнему тюремному заключению. За несколько минут до оглашения приговора Хисс воспользовался своим правом на последнее слово и заявил:

«Я хотел бы поблагодарить Высокий Суд за предоставленную мне возможность и снова отвергнуть выдвинутые против меня обвинения. Я хочу только добавить, что в будущем станут ясными все факты, касающиеся фальсификации, совершенной Виттакером Шамберсом при помощи пишущей машинки».

Обвинительный приговор Хиссу был встречен с энтузиазмом реакционными политиками, которые столь темпераментно принимали участие в нападках на бывшего сотрудника администрации президента Рузвельта, шефами и агентами Федерального бюро расследований, которые вложили столько энергии в подготовку вещественных доказательств виновности Хисса, и фашиствующими журналистами, которые еще до начала процесса не испытывали никакого сомнения в том, что Хисс — «предатель».

В рекордно короткий срок на книжных прилавках появилась книга двух нью-йоркских журналистов — Виктора Ласки и Ральфа Толедано — под многозначительным названием «Семена предательства». Оба автора писали свою работу, вероятнее всего, еще до того

как был вынесен обвинительный приговор. Они выдавали за чистую монету каждое слово Шамберса и клеймили Хисса. В ежемесячнике «Ридерс дайджест» эта книга была напечатана в сокращении.

В июне 1950 года началась война в Корее. Антисоветские настроения в Соединенных Штатах достигли кульминации. Для подогревания таких настроений как нельзя более пригодились дело Хисса, конечно, соответствующим образом представленное и прокомментированное. Примером этого служат появившиеся летом 1950 года две обширные статьи Вина Брукса под названием «Как Федеральное разведывательное управление поставило ловушку на Хисса». Эти статьи были напечатаны в популярном еженедельном приложении ко многим газетам — «Америкэн уикли». Автор пояснял, что при подготовке статей он пользовался помощью ФБР и лично разговаривал с его шефом, небезызвестным Эдгаром Гувером.

Вин Брукс также помнил о международном положении и, распространяясь о «предательстве» Хисса, снабдил его следующим комментарием идеологического свойства: «Далеко, по другую сторону Тихого океана, Россия вооружала до зубов коммунистическую Северную Корею, подготавливая ее к предстоящей горячей войне. Россия оказалась в Корее благодаря Ялтинскому соглашению, где Рузвельт действовал в соответствии с советами Хисса...»

Картина, представленная миллионам читателей «Америкэн уик», была простой и ясной: американские солдаты воюют теперь в Корее; врагом является Советский Союз, а во всем виноваты президент Рузвельт и его советник Хисс, который, как теперь оказалось, является предателем и шпионом. К сожалению, подавляющее большинство легковверных американцев в это поверили, хотя Рузвельт, конечно, не имел ничего общего с войной в Корее, хотя роль Хисса как советника Рузвельта была преувеличена, хотя вина Хисса, несмотря на обвинительный приговор, отнюдь не была доказана.

В соответствии с американской судебной процедурой и практикой апелляционные инстанции не занимаются проблемой достоверности показаний свидетелей исходя из того, что эта проблема целиком решается присяжными в первой инстанции. Поэтому апелляционная жалоба Хисса была ограниченной, так как в ней невозможно было затронуть вопрос о достоверности показаний Шамберса, то есть ключевой вопрос во всем процессе. В обширной, изложенной на 125 страницах апелляционной жалобе адвокаты Хисса обратили внимание инстанций на ряд существенных процедурных нарушений судебного разбирательства со стороны председателя суда и прокурора.

Апелляционный суд в Нью-Йорке отказался рассматривать дело и в декабре 1950 года отверг обжалование Хисса. Судья Гарри Чэйз, написавший обоснование к решению апелляционного суда, посвятил значительную часть этого документа действиям Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, помимо своей воли подтвердив тем самым, что Хисс, собственно говоря, был осужден этой комиссией еще до того, как его дело попало в суд.

Защитники Хисса вынуждены были обратиться с кассационной жалобой в Верховный суд в Вашингтоне, хотя заранее знали, что и здесь их шансы на успех практически равны нулю. Верховный суд США существенно отличается от подобных европейских юридических органов, так как в принципе занимается только такими делами, где затронуты конституционные или другие принципиальные вопросы права. Как и предполагали адвокаты, Верховный суд на закрытом заседании принял решение не рассматривать дело Хисса.

После того как все юридические средства обжалования приговора были исчерпаны, Элджер Хисс 22 марта 1951 г. явился в тюрьму для отбытия наказания. До этого времени он оставался на свободе под соответствующий залог. Из Левисбургской тюрьмы в штате Пенсильвания он вышел спустя почти пять лет — срок заключения был сокращен за хорошее поведение в тюрьме.

В то время когда Хисс находился в тюрьме, его защитники подготовили предложение о возобновлении разбира-

тельства и представили это предложение в январе 1952 года в нью-йоркский федеральный суд. Американская уголовная процедура позволяет возобновить разбирательство только в том случае, если окажется, что по делу обнаружены новые доказательства, которые не были известны ко времени окончания судебного разбирательства. Защитники Хисса в течение двух лет, которые прошли со времени вынесения приговора, собрали множество таких доказательств.

Читатели, конечно, помнят, что устные показания Шамберса, обличавшие Хисса как шпиона, который будто бы выносил материалы из государственного департамента, были поддержаны представленными документами — собственноручными заметками Хисса, микрофильмами и машинописными копиями. Выше было сказано, что Хисс и его адвокаты доказали, что все эти материалы не носили шпионского характера и не могли быть вручены Шамберсу Хиссом.

Не подлежало, однако, сомнению, что представленные Шамберсом бумаги из государственного департамента — хотя это и произошло при весьма туманных обстоятельствах — произвели соответствующее впечатление на общественное мнение, а следовательно, и на присяжных. Из числа представленных Шамберсом документов самые большие неприятности Хиссу могли доставить машинописные копии, особенно потому, что в ходе процесса было установлено, что эти копии были напечатаны на машинке, принадлежавшей жене Хисса — Присцилле.

Элджер Хисс и его жена не смогли ответить на вопрос, как попали в руки Шамберса документы, переписанные на их машинке. Однако они не подвергали сомнению показаний эксперта, который выступал как свидетель прокурора, что документы действительно были переписаны на машинке, которая когда-то была собственностью Присциллы Хисс. Они не подвергали также сомнению тот факт, что найденная незадолго до процесса пишущая машинка фирмы «Вудсток» под номером 230099 является той машинкой, которая принадлежала жене Хисса. По предложению защиты машинка была признана вещественным доказательством в процессе.

Готовя предложение о возобновлении разбирательства, защитники Хисса (кстати говоря, новые адвокаты, нанятые уже после окончания процесса) решили поближе ознакомиться с этой пишущей машинкой. Их целью было

попытаться разгадать загадку и найти ответ на вопрос, как Шамберс мог получить доступ к этой машинке.

Адвокат Честер Лейн обратился к одному инженеру, специалисту по конструкции пишущих машинок, с вопросом: возможно ли, имея в руках только несколько страниц, написанных на какой-нибудь машинке, сделать новую машинку, которая ничем не будет отличаться от оригинальной? Инженер Мартин Тайтелл из Нью-Йорка ответил, что это возможно, после чего по поручению адвоката сконструировал новую пишущую машинку, которая оказалась точной копией машинки «Вудсток» под номером 230099, копией в том смысле, что документы, напечатанные на новой машинке, нельзя было отличить от писем и документов, напечатанных на оригинальной машинке, которую инженер никогда не видел. Этот факт по просьбе адвоката подтвердили эксперты после подробного анализа документов, перепечатанных на обеих машинках.

Ободренный успехом этого эксперимента, адвокат Лейн приступил к изучению истории и внешнего вида пишущей машинки «Вудсток» под номером 230099. Результат был сенсационным. Оказалось — после того, как были изучены архивы фирмы, выпускавшей эти машинки, — что пишущая машинка под номером 230099 была выпущена в августе 1929 года или, самое раннее, в июле того же года. А в той машинке, которая фигурировала на суде в качестве вещественного доказательства, шрифт был типа, который фирма «Вудсток» использовала в 1926—1928 годах или, самое позднее, в начале 1929 года.

Вывод из этих двух фактов был очевиден: пишущая машинка «Вудсток» под номером 230099 являлась заново смонтированной. Единственным человеком, заинтересованным в такой мистификации, мог быть только Шамберс, который стремился скомпрометировать Хисса любой ценой. Адвокат Лейн не решился обвинять в этом ФБР, которое, скорее всего, принимало активное участие в этой афере, но все же в своем предложении о возобновлении разбирательства обратил внимание на чрезмерный интерес тайной полиции к пишущей машинке. А этот интерес был действительно странным...

Так, например, директор фабрики пишущих машинок «Вудсток», после того как он дал вышеприведенную информацию, отказался подписать заявление, подтверждав-

шее эту информацию. Точно так же поступил и один из руководителей фирмы, которой принадлежала в то время фабрика пишущих машинок. Юрист, который по поручению адвоката Лейна разговаривал с директором фабрики и руководителем фирмы, также отказался подписать заявление, подчеркнув, что он «опасается личных неприятностей в случае, если он сделает какие-нибудь заявления, связанные с делом Хисса».

Адвокат Лейн и на этот раз прямо не указывает на ФБР как причину чрезмерной осторожности трех выше-названных лиц. Однако нетрудно догадаться, что агенты тайной полиции, которые следили за каждым шагом защитников Хисса, посетили директора фабрики, бывшего руководителя фирмы и юриста, принудив их не подписывать нужных защите заявлений.

В связи с другим эпизодом во время подготовки предложения о возобновлении судебного расследования адвокат Лейн прямо указывает, что ФБР не только интересовалось делом с пишущей машинкой, но даже после окончания судебного разбирательства «держало руку на пульсе». Эти утверждения основываются на том, что адвокат Лейн в ходе предпринятого им на свой страх и риск расследования заинтересовался обстоятельствами приобретения пишущей машинки отцом Присциллы Хисс, так как было известно, что жена Хисса получила машинку в подарок от отца.

В Филадельфии удалось отыскать директора фабричного магазина фирмы «Вудсток», где тесть Хисса купил машинку. Директор дал следующие показания. Агенты ФБР беседовали с ним в конце 1948 или в начале 1949 года и расспрашивали его о пишущей машинке, которая была куплена в Филадельфии в ноябре 1927 года. На этой машинке был выбит номер меньший, чем номер 230099. Директор не смог ответить на вопрос, когда он продал машинку под номером 230099, так как агенты ФБР после беседы с ним забрали все его бумаги и не вернули их. В конце 1950 года, то есть уже после беседы с представителем адвоката Лейна, директора магазина снова посетили агенты ФБР и расспрашивали его о содержании беседы с представителем адвоката Хисса.

Из всего этого адвокат Лейн сделал логически несколько выводов. Во-первых, ФБР проявляло интерес к пишущей машинке, произведенной и проданной раньше, чем машинка под номером 230099. Во-вторых, эта первая

машинка была собственностью тестя Хисса, а потом жены Хисса, а машинка под номером 230099 была подделана исключительно с целью ввести в заблуждение самого Хисса, его защитников и экспертов, дававших показания перед судом. В-третьих, ФБР, чувствуя, что у него, как говорится, «рыльце в пушку», продолжало вплоть до конца 1950 года интересоваться судьбой пишущей машинки, хотя обвинительный приговор Хиссу был уже вынесен.

На этом этапе своего расследования адвокат Лейн обратился за помощью к некоему доктору Даниэлю Норману, который считался выдающимся специалистом в области химического анализа металлов в Соединенных Штатах. Норман по поручению адвоката произвел анализ пишущей машинки «Вудсток» под номером 230099 и пришел к выводу, что шрифт машинки не фабричного происхождения, а частично подменен, причем новый шрифт имеет совершенно другой химический состав, чем старый. Анализ доктора Нормана не оставлял сомнений в том, что пишущая машинка была подделана.

Наконец, адвокат Лейн нанял нескольких экспертов для анализа всех документов, которые были предложены Шамберсом суду. Это были эксперты-специалисты по подделкам печатных изданий и рукописей. Краткий итог их анализа сводился к следующему. Документы, представленные Шамберсом, были перепечатаны на машинке по крайней мере двумя лицами, то есть не могли быть перепечатаны только Присциллой Хисс, как это утверждал Шамберс. Присцилла Хисс не была той машинисткой, которая переписывала документы. Поправки от руки на машинописных копиях не были сделаны ни Элджером, ни Присциллой Хисс.

Кроме того, эксперты заинтересовались конвертом, в котором — в соответствии с показаниями Шамберса — все документы хранились в течение более чем десяти лет (то есть с начала 1938 г., когда он их будто бы получил от Хисса, и до конца 1948 г., когда он их неожиданно «отыскал»). Скрупулезный анализ конверта и документов — сорта бумаги, видимых сгибов и пятен и т. д. — позволил экспертам сделать вывод, что ни один из документов, представленных Хиссом, не мог храниться в течение десяти лет в показанном им конверте.

В заявлении о возобновлении судебного разбирательства адвокаты Хисса — кроме принципиального, с их точки зрения, дела о пишущей машинке и документах — за-

тронули и некоторые другие проблемы, представляя новые доказательства невинности Элджера Хисса. Так, например, лишь после окончания судебного разбирательства можно было подробнее заинтересоваться личностью Эдит Мурри, свидетельницы, которая была вызвана прокурором лишь в последний день процесса для того, чтобы доказать, что семьи Хисса и Шамберса находились в близких отношениях.

Эдит Мурри, как уже рассказывалось выше, заявила, что она была прислужой в доме Шамберсов и что она встречала в их доме Хиссов. Защите удалось собрать много доказательств того, что в тот период, о котором говорила свидетельница, у Шамберсов вообще не было прислуги и что они вообще не проживали по тому адресу, который называла Эдит Мурри. Не подлежало сомнению, что Эдит Мурри также была «сфабрикована». В конце концов, для ФБР сделать это было гораздо легче, чем сфабриковать пишущую машинку.

Следующий раздел заявления о возобновлении судебного разбирательства касался времени выхода Виттакера Шамберса из Коммунистической партии. Выше уже упоминалось несколько раз, что этот срок был существенным элементом обвинения против Хисса. Адвокату Лейну удалось собрать несколько новых доказательств, подтверждавших факт, что Шамберс в начале 1938 года выступал уже как «бывший коммунист» и, как таковой, получил работу по переводу одной книги для Оксфордского университетского издательства. Если же в начале 1938 года Шамберс, как он сам утверждал в своих первоначальных показаниях, не имел ничего общего с коммунистическим движением, то рассыпалась вся его выдумка о том, что именно в первые месяцы 1938 года он получал документы от Хисса якобы в шпионских целях.

Здесь, пожалуй, следует вспомнить о двух оговорках, уже сделанных ранее. Во-первых, Шамберс вплоть до 1937 года выдавал себя за коммуниста, но нельзя было с уверенностью сказать, не был ли он направлен в Коммунистическую партию тайной полицией. Во-вторых, прокуроры, судьи и даже защитники Хисса занимали позицию, что принадлежность к Коммунистической партии может быть равнозначной шпионской деятельности. Такая концепция характерна для политических настроений в Соединенных Штатах, но не выдерживает ни малейшей критики с логической точки зрения. Если «либерал» Хисс

и его защитники соглашались принять такую точку зрения, то это только свидетельствует о их политических взглядах.

Последний аргумент, приведенный в заявлении о возобновлении судебного разбирательства, касался некоего Ли Прессмана, известного в США адвоката. Когда Витакер Шамберс заявил, что Элджер Хисс в 30-е годы был коммунистом, он назвал также и имя Ли Прессмана, якобы являвшегося членом той же «группы», что и Хисс. Прессман в течение длительного времени уклонялся от показаний на эту тему, упорно ссылаясь на параграфы американской конституции, в соответствии с которой обвиняемый может не давать показаний, если показания могут ему повредить.

В августе 1950 года, то есть уже после окончания процесса Хисса, Прессман решился дать показания перед Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности. Адвокат признался в «грехах молодости», то есть в том, что в течение одного года, конец 1934 — начало 1935, он был коммунистом. Отвечая на вопросы более подробно, Прессман перечислил членов «группы» в Вашингтоне, в которую он входил, и заявил, что в то время он знал Элджера Хисса, но что Хисс не был членом Коммунистической партии. Таким образом была опровергнута еще одна ложь Шамберса.

Предложение по вопросу о возобновлении разбирательства дела Хисса в соответствии с процедурными требованиями было направлено судье Годдарду — тому самому, который был председателем второго процесса в федеральном суде и который откровенно демонстрировал свою неприязнь к подсудимому и принял решение о вынесении обвинительного приговора. Рассмотрение предложения проводилось летом 1952 года. 22 июля 1952 г. судья Годдард отверг предложение. Хисс в своей книге обращает внимание на то, что это произошло в связи с политическими событиями того времени.

Дело Хисса, как мы помним, началось летом 1948 года, в период президентских выборов, и было сразу же использовано реакционерами для атак на демократическую партию, как партию Рузвельта. На этот раз решение судьи Годдарда по времени совпало с так называемой конвенцией, то есть предвыборным съездом демократической партии, где должен был быть выдвинут кандидат партии в президенты.

Главным кандидатом был известный политический деятель Эдлай Стивенсон, единомышленник Рузвельта, представитель Соединенных Штатов в Организации Объединенных Наций. Во время процесса Хисса Стивенсон выступал в качестве свидетеля защиты, дав показания в пользу обвиняемого. Решение судьи Годдарда было расценено противниками Стивенсона — как из республиканской партии, так и из демократической партии — как трамплин для атаки на либеральные воззрения Стивенсона. Его было легко обвинить в том, что он выступал в защиту «коммуниста» и «шпиона»...

Элджер Хисс упоминает об этом в конце своей книги. Стоит привести здесь заключительный фрагмент этой книги:

«Тяжелые переживания,— пишет Хисс,— связанные с борьбой против ложных обвинений, ставших катастрофой в моей жизни, выпали на мою долю и на долю моей жены. Но ничто не может лишить меня удовлетворения от сознания того, что я принимал участие в тех начинаниях моего правительства, в которые я глубоко верю. Я чувствую глубочайшее удовлетворение в связи с тем, что я принимал участие в творческих усилиях «нового курса» и создании Организации Объединенных Наций. Демократические идеалы, которыми я руководствовался во время государственной службы, и далее являются основой моего мировоззрения...»

После того как федеральный суд отверг предложение о возобновлении судебного разбирательства по делу Элджера Хисса, его защитники обратились сначала в апелляционный суд в Нью-Йорке, а потом в Верховный суд в Вашингтоне. Обе инстанции отвергли обжалование: первая — в январе, а вторая — в апреле 1953 года. Таким образом, дело, прошедшее уже так или иначе все инстанции, и в юридическом отношении могло считаться закрытым.

Трудно было, впрочем, ожидать иного решения. Напомним, что обвинительный приговор федерального суда был вынесен в январе 1950 года. Напомним также, что в феврале того же года сенатор Маккарти выступил со столь же сенсационным, насколько и безосновательным, заявлением, что в государственном департаменте работают

«предатели» и «шпионы». Время Маккарти не благоприятствовало правосудию, а тем более не было благоприятным для такого человека, который, подобно Элджеру Хиссу, был осужден за «выдачу» секретов государственного департамента.

Известный вашингтонский публицист Марк Чайлдс, человек далекий от симпатий левым взглядам, писал, когда начался первый процесс Элджера Хисса: «Многие считают Хисса символом эры Рузвельта. Если бы Хисс оказался осужденным, это было бы расценено как приговор против умершего президента и против тех, кто формировал „новый курс“». Марк Чайлдс не ошибался. Обвинительный приговор Элджеру Хиссу был расценен Маккарти, журналистами, зависимыми от Федерального бюро расследований, и реакционерами как удар, нанесенный помнившим Рузвельта.

Такая атмосфера отнюдь не благоприятствовала объективному и спокойному рассмотрению апелляции или кассационной жалобы Хисса, или предложения его защитников о возобновлении судебного разбирательства в связи с обнаружением новых доказательств его невиновности. Однако крах обжалования по делу Хисса в правовом значении этого слова отнюдь не означал всеобщего одобрения обвинительного приговора. Среди бывших друзей и коллег Хисса по временам «нового курса», среди значительной части американской интеллигенции, в прогрессивно настроенных левых кругах господствовало мнение, что Элджер Хисс явился жертвой провокации, что показания Шамберса против него с начала и до конца были ложью и что обвинительный приговор в лучшем случае был трагической судебной ошибкой, а в худшем — был принят потому, что в правосудие вмешалось Федеральное бюро расследований.

Американские коммунисты — группа небольшая, но решительно высказывавшая свои взгляды — с момента заявлений Шамберса против Хисса утверждали, что бывший сотрудник администрации Рузвельта не имеет ничего общего с коммунистическим движением. Опровергая очевидные ложные утверждения Шамберса, коммунистическая пресса вместе с тем критиковала Хисса и его адвокатов за то, что они безоговорочно разделяли тезис Шамберса и ФБР о допустимости знака равенства между словами «коммунист» и «шпион». На страницах немногочисленных американских коммунистических газет появля-

лись статьи, в которых обращалось внимание на политический фон процесса Хисса и на попытку скомпрометировать политическое наследие президента Рузвельта.

После оглашения обвинительного приговора Хиссу коммунистическая газета «Дейли уоркер» писала:

«Этот приговор является одним из главных элементов маккартистской пропаганды, гласящей, что администрация Рузвельта «разъедалась» коммунистами и что отношение «нового курса» к трудящимся, к Советскому Союзу, Китаю, фашистской оси, конференции в Ялте и т. д. являлось результатом коммунистической инфильтрации...»

В октябре 1953 года на страницах коммунистического журнала «Мэйсиз энд майнстрем» появилась статья известного историка Герберта Аптекера, посвященная делу Хисса. Статья писалась после последнего судебного разбирательства и опиралась на аргументы, приведенные в заявлении о возобновлении дела. Автор широко использовал также книгу лорда Джовитта, которая выше уже цитировалась.

Аптекер привел мнение апелляционного суда, который, отвергая обжалование Хисса, указал, что по этому делу «возможна только единственная альтернатива»: или признание Хисса виновным, или же допущение мысли «о громадной интриге», которую организовал Шамберс при использовании пишущей машинки, «не принадлежащей господину и госпоже Хисс». Апелляционный суд не считает такую интригу возможной и поэтому утверждает обвинительный приговор Хиссу.

По мнению Аптекера, ошибка апелляционного суда, которой не видел Хисс и которую не понимали его защитники, заключалась в том, что не один Шамберс был виновником интриги против Хисса. Шамберс был только послушным орудием и сыграл самую подлую роль в этой интриге, которую организовала тайная полиция — ФБР. Федеральное бюро расследований, как совершенно справедливо пишет Аптекер, является одной из главных движущих сил в политике «холодной войны» Соединенных Штатов, и поэтому ФБР поставило перед собой задачу скомпрометировать Хисса, символизирующего собой «новый курс». Шамберс охотно выполнил порученное ему задание и, в свою очередь, подключил к этой интриге аппарат правосудия. Хисс — типичный американский либерал, то есть буржуазный либерал, не допускал и

мысли, чтобы ФБР или судебные органы могли нарушить принципы правосудия. Поэтому он видел только козни Шамберса, но не видел сил и политических пружин, скрытых за ним.

В поддержку своего утверждения о роли ФБР в деле Хисса Аптекер приводит следующий фрагмент из предложения о возобновлении рассмотрения дела. В обоснование своего предложения адвокат Лейн писал:

«Мы разыскиваем документы — у ФБР они имеются. Мы задаем вопросы — ФБР не допускает, чтобы люди с нами разговаривали. Мы требуем доступа к обычным делам в архивах фирмы — дирекция фирмы отказывает нам в этом, опасаясь недовольства со стороны своих акционеров. Мы просим людей, чтобы они засвидетельствовали информацию из тех архивов, которые они нам представили, — оказывается, что они должны посоветоваться с юристом и больше не хотят разговаривать с нами...

Что еще хуже, — продолжает Лейн, — солидные и патристически настроенные граждане, которые хотели нам помочь, не сделали этого, когда пришли к выводу, что за ними ведется наблюдение, а их телефонные разговоры подслушиваются. Те, кто старался собрать для нас информацию в интересах правосудия, не хотят выступить, опасаясь личных неприятностей, которые могут явиться результатом публичного оглашения связи их фамилий с делом защиты Эджера Хисса...»

В заключение своих выводов Аптекер задает вопрос, можно ли допустить мысль, что ФБР оказалось замешанным в столь грязную интригу, противоречащую всяким понятиям о правосудии. Он отвечает на этот вопрос: да. ФБР и в прошлом не раз нарушало принципы правосудия, и все указывает на то, что и в деле Хисса ФБР, используя Шамберса в качестве орудия, сфабриковало доказательства виновности и добилося осуждения бывшего сотрудника администрации Рузвельта, руководствуясь политическими соображениями.

«Процесс Хисса, — пишет Аптекер, — является одним из главных элементов в основной стратегии маккартизма, направленной на то, чтобы поставить знак равенства между либерализмом и умеренной прогрессивностью «нового курса» и коммунизмом. В таком ложном сравнении коммунизм целиком и полностью фальсифицируется, а его отождествление с «новым курсом» также является полнейшей ложью. Но десятки миллионов американцев

любили Рузвельта, и эта любовь продолжает оставаться политической силой, с которой следует считаться. Эта любовь проистекает, пожалуй, из идеализированного представления масс о Рузвельте и «новом курсе» как о человеке и программе, целью которых было — и эта цель в значительной мере была достигнута — дать шансы «маленькому человеку», рабочему, бедному фермеру, негру, народным массам. Такого рода представления о гуманизме и порядочности, которые заставляют массы противостоять реакции, являются проклятыми для маккартизма. Интрига против Элджера Хисса стала одним из способов, при помощи которых маккартизм хотел бы перечеркнуть эти представления и заменить их фашизмом».

В свою очередь, публицист Уильям Рюбен в книге «Атомные шпионы: мистификация», вышедшей в 1955 году, писал, что процесс Юлиуса и Этель Розенбергов, их казнь могли стать возможными только при соответствующей подготовке почвы американскими реакционными силами. Одним из этапов в этой подготовке было дело Элджера Хисса, которому Рюбен посвятил отдельную главу, не оставляя у читателей сомнения в том, что он считает Хисса жертвой сложной интриги.

Рюбен обращает внимание на тот факт, что процесс Хисса проходил в 1949 году, одновременно с процессами коммунистических руководителей и Джудит Коплон, и что пресса отводила первые страницы отчетам с этих процессов.

«В Америке, — пишет Рюбен, — возник новый раздел семантики. Такие термины, как «красный», «предатель», «шпион», стали в нашей лексике настолько взаимозаменяемыми, что в конце этого года (1949) мало оставалось американцев, которые были в состоянии отличать эти слова...»

Переходя к делу Хисса, Рюбен отмечает:

«Вменяемое в вину Хиссу преступление стало предметом разбирательства десять лет спустя после того, когда оно было будто бы совершено, и восемь лет спустя с тех пор, как Шамберс впервые выступил со своими обвинениями. Уже только сам этот факт столь запоздалого судебного преследования вызывает некоторое подозрение...»

Автор напоминает, что в течение этих десяти лет Виттакер Шамберс неоднократно обращался к различным властям со своими доносами на Хисса, причем

вплоть до 1948 года он никогда не упоминал в этих доносах о шпионаже. Вывод, который делает Рюбен, таков:

«Истинной загадкой остается, каким образом Хисс, если он был виновен, мог избежать разоблачения в течение стольких лет, учитывая столь длительное и детальное расследование».

Особое внимание Рюбен уделяет вопросу о пишущей машинке, на которой жена Хисса, как утверждал Шамберс, переписывала документы, будто бы выносившиеся из государственного департамента Элджером Хиссом.

«Совершенно ясно, что эта пишущая машинка была ключом ко всему делу. Если Хисс совершил действия, в которых его обвиняли, то ему было бы необходимо, если он хотел избежать тюрьмы, не сообщать ничего об этой машинке, стараться, чтобы никогда не было получено никаких документов, перепечатанных на этой машинке, а прежде всего сделать все возможное, чтобы сама машинка не попала в руки ФБР».

Но Элджер Хисс и его жена поступали совсем наоборот. Во-первых, они постарались спустя много лет отыскать частные письма Присциллы Хисс, перепечатанные на этой машинке, и представили эти письма в ФБР, чтобы их можно было сравнить с документами, представленными Шамберсом. Во-вторых, они оказали тайной полиции всемерную помощь в поисках самой пишущей машинки и установлении того, что эта машинка является именно той, которая была когда-то собственностью Присциллы Хисс (лишь позже, как известно, возникли сомнения в том, является ли действительно эта машинка той самой; сомнения, которые потом превратились в уверенность в том, что машинка искусственно смонтирована). А разве, спрашивает Рюбен, Хисс мог так поступать, если бы он был виновен и если он был в здравом уме?

Продолжая свои выводы, Рюбен рассматривает противоречия и очевидную ложь в показаниях Шамберса, чтобы доказать, что эти показания ни в коем случае не могли явиться основанием для вынесения обвинительного приговора. Далее автор переходит к предложению защитников Хисса о возобновлении судебного разбирательства.

В связи с тем что предложение о возобновлении судебного разбирательства в инстанциях было отвергнуто, Рюбен пишет: «В действительности, лишь немногие аме-

риканцы узнали о том, каков был ход рассмотрения предложения и каковы были те сенсационные выводы, на которые опиралось предложение о пересмотре дела Хисса. Американская пресса почти совсем не нашла места для представления доводов защиты». И действительно, те же самые газеты, которые целые страницы отводили описанию обвинений Шамберса и ходу разбирательства перед федеральным судом, не считали нужным информировать своих читателей об очередных обжалованиях Хисса и о вновь найденных доказательствах его невиновности. Заключение Уильяма Рюбена однозначно: «Элджер Хисс не совершил никакого преступления». Почти к такому же выводу приходит и известный английский юрист лорд Джовитт, человек, придерживающийся консервативных взглядов, в своей книге «Странный случай Элджера Хисса». Правда, Джовитт, в отличие от Рюбена, не осмеливается делать категорического утверждения о невиновности Хисса, но все же его окончательный вывод заключается в том, что вина Хисса не была доказана.

Более 20 лет прошло со времени процесса Элджера Хисса. Новому поколению американцев это имя незнакомо, оно не знает и его дела, которое было столь характерным для периода наибольшего усиления «холодной войны» и подъема войны маккартизма. Но Хисс не был реабилитирован в юридическом значении этого слова. Федеральное бюро расследований ревниво стережет свои секреты и никогда не проговорилось о том, как были сфабрикованы не только пишущая машинка, которая привела Хисса в тюрьму, но и вообще весь его процесс.

ШПИОНЫ ЛИ ОНИ?

В конце книги хочется вернуться к вопросу, поставленному вначале. Были ли Роберт Оппенгеймер, Мэртон Собелл и Элджер Хисс шпионами?

Конечно, Оппенгеймер не был шпионом. Он был серьезным ученым, прекрасным организатором научных исследований и верным патриотом Соединенных Штатов. Но когда в начале 50-х годов самые отъявленные реакционеры в США искали жертв, которые могли бы им пригодиться в их грязной политической игре, оказалось, что Оппенгеймер чуть ли не предназначен для этой роли самой судьбой.

Можно было вспомнить о его симпатиях к коммунистам в молодые годы, можно было сослаться на его сомнения в связи с производством водородной бомбы. Доносчиков в США всегда было достаточно. Поэтому не составляло труда подготовить показательный процесс, для того чтобы примерно наказать самого Оппенгеймера, а при okazji запугать и принудить к послушанию других ученых. Таким образом Оппенгеймер оказался на скамье подсудимых.

Мэртон Собелл был маленьким человеком, задавленным американской послевоенной действительностью. Он опасался фашизма в США. Только этим можно было объяснить его выезд в Мексику и его странное там поведение, так ловко использованное прокурором.

Даже по мнению судьи, который его приговорил к долголетнему тюремному заключению, он не имел ничего общего с атомными секретами. Однако аппарат так называемого американского правосудия, послушный требованиям политической пропаганды, сделал его участником громкого процесса современной Америки. Приговор должен был стать обвинительным. И он стал таковым в нарушение всех принципов правосудия.

Элджер Хисс был типичным американским либералом 30-х годов, то есть эпохи Рузвельта. Он не был коммунистом, но верил в «новый курс» и верил в возможность мирного сосуществования разных народов. По случайному стечению обстоятельств, а прежде всего из-за его случайного знакомства с Виттакером Шамберсом, он стал героем сенсационного процесса.

Для режиссеров этого процесса дело заключалось не в Хиссе, а в Рузвельте. Их целью была компрометация «нового курса» в глазах американской общественности и запугивание всего народа. Федеральное бюро расследований и сенатор Маккарти в значительной мере этой цели добились: Элджер Хисс был осужден, отбыл срок тюремного заключения и до сих пор ожидает реабилитации.

Не случайно дела всех трех героев этой книги разбирались в судах почти одновременно — в начале 50-х годов, когда значительно возросла международная напряженность, а в Корее шла война. Административное разбирательство по делу Оппенгеймера началось формально в 1953 году, хотя доносы на ученого поступали гораздо раньше. Собелл был арестован в 1950 году, а в следующем году состоялся процесс Розенбергов. Хисс в 1951 году уже был посажен в тюрьму, а в 1952 году суд отверг его просьбу о пересмотре дела.

На примере судеб Оппенгеймера, Собелла и Хисса особенно ясно видно, как некоторые элементы международного положения в период усиления «холодной войны» могли влиять и влияли на жизнь людей — граждан Соединенных Штатов Америки.

Варшава, 14 декабря 1968 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Шпионы ли они?</i>	3
ОППЕНГЕЙМЕР — «ОТЕЦ АТОМНОЙ БОМБЫ»	5
Обвинение	5
Защита	19
Маккарти	33
Бунт ученых	47
Процесс	60
Приговор	81
Обжалование	86
СОБЕЛЛ — ЗАБЫТЫЙ ЧЕЛОВЕК	92
Обвинение	92
Защита	107
Атомные секреты	120
Розенберги	135
Процесс	145
Приговор	153
Обжалование	161
ХИСС — СОТРУДНИК РУЗВЕЛЬТА	171
Обвинение	171
Защита	188
Процесс	207
Приговор	221
Обжалование	230
<i>Шпионы ли они?</i>	244

Гжегож Яшуньский

ШПИОНЫ?

(Из истории «охоты за ведьмами» в США)

Редактор *Г. М. Крылова*
Оформление художника *Н. Н. Румянцева*
Художественный редактор *Р. А. Казаков*
Технический редактор *И. Г. Крейс*
Корректор *Н. А. Борисова*

Сдано в набор 24/XII 1971 г. Подписано в печать
9/III 1972 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 3.
Усл. печ. ч: 13,02. Уч. изд. л. 13,47. Тираж 50 000 экз.
Изд. № 131-41

Издательство «Международные отношения»
Москва, И-90, Мещанская, 7.
Зак. № 914

Ярославский полиграфкомбинат Главполиграф-
прома Комитета по печати при Совете Министров
СССР. Ярославль, ул. Свободы, 97.

Цена 82 коп.

Яшуньский Гжегож

Я 96 Шпионы? Из истории «охоты за ведьмами»
в США (пер. с польск.), М., «Междунар. отноше-
ния», 1972.

248 с.

1-11-5
4-БЗ-9-72

82И

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ
«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»
в 1971 году

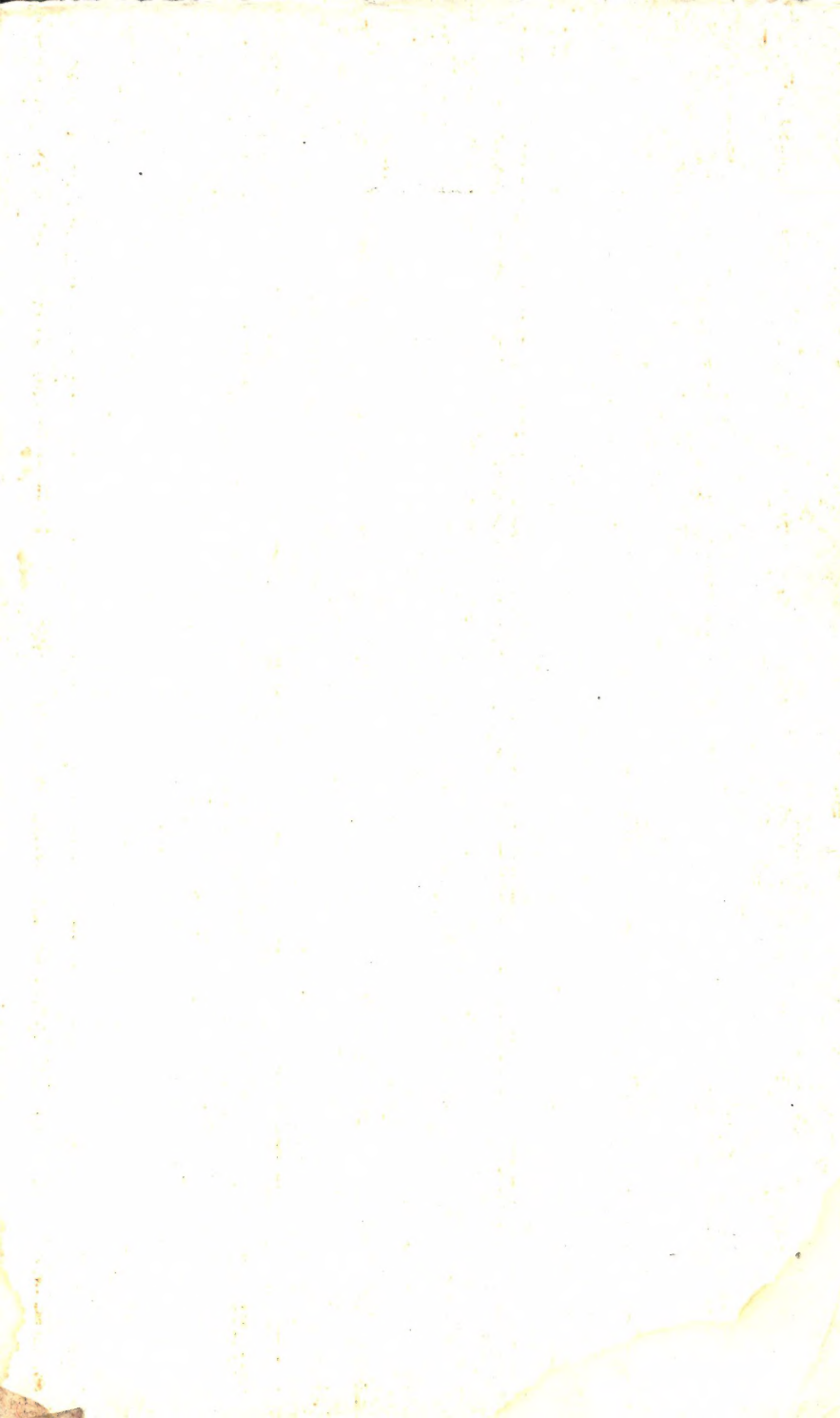
вышли следующие книги:

- Ж. БЕРЖЬЕ, Промышленный шпионаж, 176 стр., 59 коп.
В. Б. ВОРОНЦОВ, Сенатор от Арканзаса, 272 стр.,
1 руб. 5 коп.
БОР. ДМИТРИЕВ, США: политика, генералы, диплома-
ты, 352 стр., 1 руб. 39 коп.
У. МАКГЭФФИН, Э. НОЛЛ, «Секреты» Белого дома,
184 стр., 62 коп.
Р. ШТЕЙГЕРВАЛЬД, «Третий путь» Герберта Марку-
зе, 344 стр., 1 руб. 24 коп.

*Книги издательства «Международные
отношения» продаются во всех магазинах
Книготорга и потребкооперации, распро-
страняющих общественно-политическую
литературу.*

*Заблаговременно заказывайте нужные
вам книги!*

Ваши замечания и предложения просим на-
правлять по адресу: Москва, И-90, Мещан-
ская, 7.

82 к.

МАХАЧАКХА

•

ОМЛАД

МАХАЧАКХА